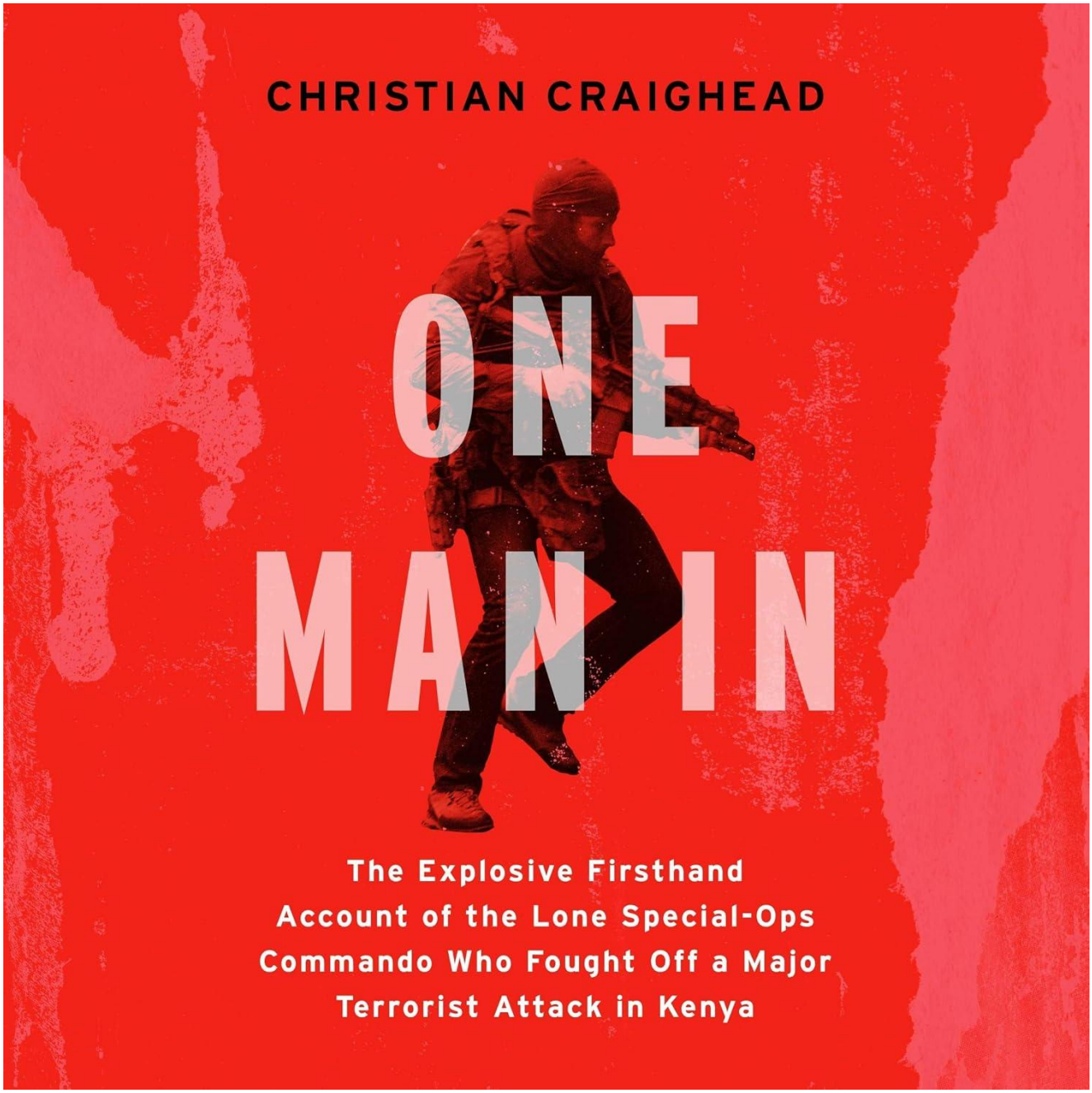


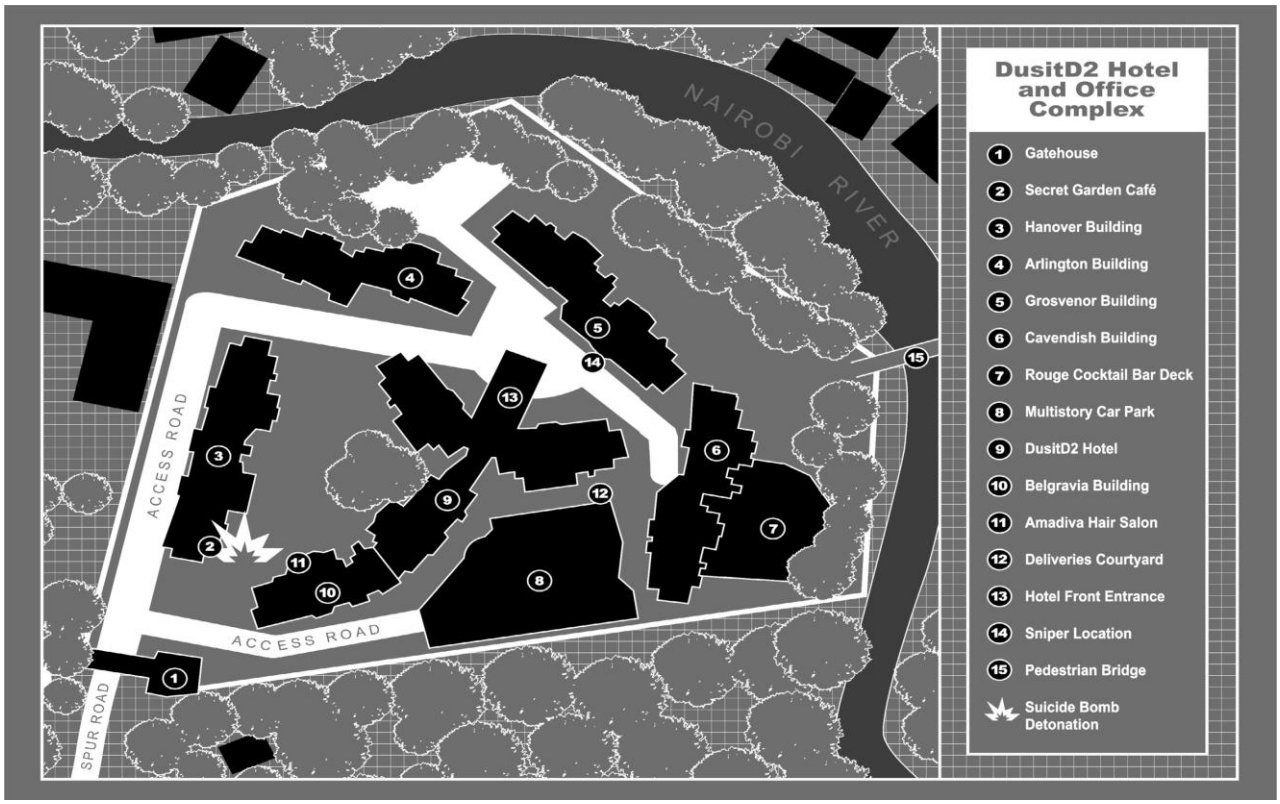
Любительский перевод и верстка:
Николай Шакун
Father EDC & SERE

ОДИН ЧЕЛОВЕК В

Кристиан Крейгхед

Эта книга посвящена каждому, кто ставил — или поставит — себя под угрозу ради жизни другого.

Далее не претендует быть исчерпывающей историей террористической атаки «аш-Шабаб» на отель и офисный комплекс DusitD2 на 14 Riverside Drive в Найроби, Кения, 15–16 января 2019 года. Это рассказ о том, что произошло в тот день, основанный на моих действиях и моей памяти о событиях, а также на информации из опубликованных новостных сообщений в СМИ и других источниках. Некоторые имена людей и мест изменены для защиты их анонимности или безопасности.



ПРОЛОГ....4
ГЛАВА 1. НЕЗНАКОМЕЦ НА ДОРОГЕ....5
ГЛАВА 2. Я ХОЧУ БЫТЬ КРУТЫМ....11
ГЛАВА 3. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ....15
ГЛАВА 4. ОТВЕТЬ НА ЗОВ....19
ГЛАВА 5. ДОРОГА В АД....23
ГЛАВА 6. ВЫ ПРИБЫЛИ В ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ....27
ГЛАВА 7. НАЧИНАЕМ....31
ГЛАВА 8. ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО....35
ГЛАВА 9. ДЖОРДИ-БОЙ....40
ГЛАВА 10. НАЙТИ СВОЙ ПУТЬ....48
ГЛАВА 11. ВРЕМЯ ДЕЛАТЬ ГАНГСТЕРСКУЮ РАБОТУ....53
ГЛАВА 12. ДЖАМБО!....57
ГЛАВА 13. ОТВАЖНАЯ ШЕСТЁРКА....63
ГЛАВА 14. ТЕПЕРЬ Я КАПИТАН....67
ГЛАВА 15. СТАНОВЛЕНИЕ МУЖЧИНЫ....70
ГЛАВА 16. ЭВОЛЮЦИЯ....74
ГЛАВА 17. Я МОГУ ВЫБИВАТЬ ДВЕРИ....77
ГЛАВА 18. ЛЮДИ ПРЕЗИДЕНТА....81
ГЛАВА 19. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ВЕЧЕРИНКУ....84
ГЛАВА 20. РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ....88
ГЛАВА 21. АВЕ МАРИЯ....93
ГЛАВА 22. ЭТО ВОЙНА....101
ГЛАВА 23. ПЕРВАЯ КРОВЬ....104
ГЛАВА 24. АДСКАЯ КУХНЯ....110
ГЛАВА 25. НЕСИТЕ БАЗУКУ....113
ГЛАВА 26. ЗА КЕНИЮ....117
ГЛАВА 27. ВРЕМЯ ВЫПИТЬ ЧАЙКУ....121
ГЛАВА 28. ПОВРЕЖДЁННЫЙ ТОВАР....125
ГЛАВА 29. ОТ МУНИЦИПАЛЬНОГО ДОМА ДО БЕЛОГО ДОМА....128
ГЛАВА 30. ЗАЧИЩЕНО И БЕЗОПАСНО....131
ЭПИЛОГ....133

ПРОЛОГ

Две ручные гранаты скатились по лестнице прямо на меня.

Я метнулся обратно в коридор отеля. Шестеро офицеров кенийского полицейского спецназа, ставшие моей сборной командой, укрылись вместе со мной. Мы наблюдали за лестницей, ведущей в спортзал на седьмом этаже, где засели террористы.

Гранаты взорвались с оглушительным, ошеломляющим грохотом. Штукатурка, каменная кладка и битое стекло посыпались на пол.

Вы, наверное, никогда не слышали, как взрывается ручная граната. Но даже на открытом воздухе они звучат намного громче, чем в кино. В замкнутом пространстве отельного коридора, с жёсткими мраморными полами и бетонными потолками, шум был оглушительным. Я чувствовал, как качаются мои барабанные перепонки.

Я привык слышать их в ближнем бою. Но обычно я ношу шлем с защитой ушей. Не в первый раз за тот день я пожалел, что не взял шлем с собой, а оставил его в пикапе.

Помимо шума, ударная волна от взрывов была невероятной. Казалось, взрывы выдавливают воздух из моих лёгких. К тому же это были почти наверняка старые китайские гранаты, с чёрт знает чем внутри, а чёрный дым, который они выпустили, смешавшись с пылью от повреждённого бетона, штукатурки и фурнитуры, сделал коридор токсичным. Глаза слезились, я кашлял; задняя стенка горла горела.

Взрывы не причинили ущерба нашей команде, но за ними последовала длинная очередь автоматного огня, пули рикошетили от пола и впивались в стены. АК-47 в автоматическом режиме — громкое оружие при любых обстоятельствах. В такой обстановке звук был за гранью.

«Чёрт!» — только и мог подумать я.

ГЛАВА 1. НЕЗНАКОМЕЦ НА ДОРОГЕ

Используй любую возможность, которая выпадает тебе, потому что нет ничего хуже, чем знать, что ты мог, но не сделал, что теперь уже не можешь, и ты всё ещё жив, чтобы жалеть об этом.
— Марк Твайт, «Убежище»

Утром 15 января 2019 года я встал рано — в 4:30, если точно. Снаружи было кромешно темно, ночной воздух тёплый и влажный. Я быстро выпил кофе, съел банан и налил в фляску ещё одну порцию кофеина на дорогу.

Впереди было лёгкое утро: немного стрелковой подготовки на полигоне, затем короткая проверка у кенийских солдат, которых я помогал обучать. Но до военного лагеря, где находился полигон, было около полутора часов езды от моего дома на северо-западе Найроби. Я хотел выехать до того, как движение станет невыносимым. Уже слышно было, как сигналят машины на главной дороге — начинался очередной день пробок.

Я добрался до полигона на рассвете. Он был глубоко в лесу, со всех сторон окружён деревьями и противными кустами с опасными колючками. В британской армии солдаты называют их «бастард-бушами», потому что, когда колючка попадает в ладонь или коленную чашечку, именно это слово и произносишь: «Бастард!»

Я любил держать всё под контролем и быть «в форме» с оружием. Применение смертельной силы было частью моей работы, а для этого нужна точность, поэтому регулярная стрельба боевыми патронами — как можно чаще — была жизненно необходима. Практику ничем не заменишь.

Я надел боевой комплект: камуфляжную форму, ремень с амуницией, защиту ушей и глаз. У меня был пистолет Glock 19 в кобуре и моё основное оружие, или «длинное», — модифицированная канадская штурмовая винтовка C8 с глушителем. Она была оснащена прицелом, который ставил красную точку или перекрестие на цели. Затем я прошёл рутинные процедуры, ставшие для меня второй натурой за более чем десять лет в 22-м полку специальной авиации, также известном как 22 SAS, — спецподразделении первого уровня Великобритании, послужившем прообразом «Дельты» в США.

Сначала — стрельба по мишеням с таймером: электронное устройство, издающее сигнал старта и затем засекающее время реакции при поражении мишеней сериями выстрелов.

Я выпускал пятнадцать патронов по трём разным мишеням как можно быстрее из своей C8 в упражнении, известном как «упражнение 1–5». Я знаю по опыту: когда стреляешь в человека, одного патрона часто недостаточно. Иногда и двух не хватает. Поэтому такая практика помогает концентрировать точный огонь при нейтрализации серии разных угроз за минимальное время.

Закончив с C8, я заметил движение в деревьях справа. Прищурившись, разглядел светло-коричневую с кремовым шею жирафа. Потрясающе. Беззаботно поедал листву в кроне дерева. Я подождал несколько минут, пока он ушёл. Стрелять в жирафа по ошибке было бы крайне нежелательно.

Затем с пистолетом в руке я отработал «сетку огня» — упражнение с таймером: бег между конусами и стрельба по мишени из каждой позиции. Полезная тренировка, которая развивает точность в хаотичной, быстро меняющейся обстановке. Даже ранним утром, до того как кенийское солнце начало накалять красный песок под ногами, я быстро вспотел от серии упражнений.

Я тренировался полтора часа, оттачивая технику. Затем переоделся в гражданское, сел за руль серого пикапа Toyota, входившего в комплект должности, и поехал в основной лагерь сил обороны Кении — показаться.

Я был в Кении месяц в качестве британского офицера связи — должность, на которую я вызвался сам и которая предназначалась для наиболее опытных бойцов SAS. Старшие бойцы вроде меня, прослужившие в полку более десяти лет, рассматривали это как последний шанс поработать в поле. Ранее я уже служил в том же качестве в других оперативных зонах, где участвовал в десятках операций с местными войсками против повстанцев. В Кении мои приказы были несколько более ограниченными. Но я надеялся, что у меня будет возможность участвовать в операциях против террористической группировки «аш-Шабаб» — главного противника кенийской армии — и в любых других антитеррористических операциях внутри страны.

Хотя я был новеньким в Кении, уже видел, что эта командировка — скрытая жемчужина. Найроби был комфортным и интересным местом для жизни, с приятным климатом. В отличие от Ирака и Афганистана, где я бывал много раз, здесь не было войны. Здесь была активная экспатская тусовка и

возможность выезжать в дикие красивые места на сафари. Я был в Кении так мало, что едва заглянул за поверхность, но судя по тому, что видел, место обещало быть весёлым, а образ жизни — завидным.

Это был плюс. Минусом была кенийская армия — не лучшие солдаты, каких я видел. Их общий менталитет, казалось, сводился к: «Зачем мне идти рисковать собой, чтобы убить врага, если он не атакует меня, мою семью или моё племя? Если я пойду туда и погибну, кто вырастит моих детей и позаботится о моей семье?»

Это один из взглядов на вещи — и в каком-то смысле он логичен, — но это точно не мой взгляд.

Для меня армия — не просто образ жизни. Это абсолютное призвание.

С самого раннего возраста, сколько себя помню, я знал, чего хочу: вступить в британскую армию. К шести годам моей целью был Парашютный полк (аналог американского Рейнджерского полка), а затем SAS — вершина для любого солдата, желающего действия и возможности применить навыки на практике.

Я вступил в Парашютный полк в шестнадцать лет и с первого дня был абсолютно предан делу. Более того, меня разочаровало, что большинство товарищей, крепкие какими они ни были, не разделяли мой уровень приверженности — по крайней мере, на мой взгляд. Я хотел вступить в братство воинов, а не в толпу парней, просто отбывающих номер. Это бескомпромиссный подход, но именно он двигал меня к целям. В Кении я уже чувствовал, что более расслабленная военная культура испытает моё терпение до предела.

От полигона до основного лагеря было несколько минут езды по грунтовке через густой буш. У одной из зелёных палаток для брифингов я коротко поговорил с местными офицерами о текущем учебном курсе. Они отрабатывали навыки выслеживания человека — дисциплина, в которой у меня был некоторый опыт, особенно полезная в густо заросшей местности, характерной для Кении. Убедившись, что всё в порядке, я заглянул в палатку и представился классу.

— Привет, бойцы. Чтобы вы знали — я Крис, главный мзунгу. — Все засмеялись. «Мзунгу» — сленговое слово, широко используемое в Восточной и Южной Африке для обозначения человека европейского происхождения. Оно происходит от зулусского слова «млунгу», означающего белую пену, которую иногда можно увидеть на поверхности

морской воды. Сколь бы уничижительным оно ни было, меня оно ничуть не задевало — это просто слово.

— Не забывайте, — напомнил я молодым солдатам, многие из которых были городскими, — хотя выслеживание считается немного старомодным и может не казаться актуальным сегодня, это всё ещё полезный навык, особенно в антитеррористических операциях в сельской местности, как здесь.

На этом утренняя проверка закончилась. Я отправился обратно в город.

Было здорово ехать с поднявшимся солнцем. Вдалеке горизонт обрамлял зубчатый край холмов Нгонг, возвышающихся над Великой рифтовой долиной. Масаи почитают эти холмы и верят, что они образовались, когда великан с головой в облаках споткнулся на пути к северу и упал на землю, сжав её в характерную «суставчатую» линию хребта. Другие кенийцы верят, что холмы созданы из грязи, оставшейся под ногтями Бога после создания Земли, или что волнистая форма хребта возникла, когда Бог разгневался на людей и ударил землю кулаком в ярости, оставив отпечаток на земле.

Это заставило меня задуматься о собственной неизменной вере. В школе я достигал немногого — меня считали одним из наименее одарённых детей в классе. Никто и вообразить не мог, что я вообще прочту книгу. Но я взял в руки Библию в раннем возрасте и не помню времени, когда бы не верил в существование Бога. Это не было передано мне матерью или кем-то ещё; это было убеждение, пришедшее ко мне самому. Мои отношения с церковью были сложными и порой охлаждались, но вера никогда не колебалась. Я всегда чувствую это присутствие в моей жизни, и оно было источником силы и утешения в ключевые моменты.

День, когда я впервые отнял человеческую жизнь, был во время войны в Ираке. Армейский священник (или «падре» для меня) поймал мой взгляд после того, как я закончил отчёт в операционной перед командирами, и тихо спросил, не хочу ли я причаститься с ним. Я всё ещё был на адреналине после боя, но согласился. Мы прошли в тихую часть базы, где у него была часовня, и совершили краткий обряд. Я никогда этого не забывал — не потому, что у меня были сомнения или чувство вины за то, что я сделал в пылу боя, а из-за того душевного покоя, который это дало. Падре тоже был глубоко тронут: он сказал, что это причастие было самым близким к Богу, что он испытывал. Он поражался тому, как такие моменты случаются, когда меньше всего их ждёшь.

Ехавший мимо холмов Нгонг, я был вырван из раздумий зрелищем, заставшим меня врасплох. Я увидел человека, идущего по дороге. Но не просто человека — он был безупречно одет в бежевый сафари-костюм поверх рубашки с галстуком, в начищенных коричневых ботинках, которые прошли бы проверку на военном плацу.

Как только я его увидел, мне захотелось остановиться и предложить подвезти. Разумеется, это нарушение всех правил. Солдатам не положено идти на такой риск — что угодно может случиться, — и это могло кончиться для меня неловкостью, особенно в стране, где я был новичком. Но я нажал на тормоз. Я почувствовал импульс — связаться с этим человеком. Он побежал к моему грузовику. Я наклонился и открыл пассажирскую дверь.

— Эй! — крикнул я. — Подвезти?

— Да, да, сэр. Спасибо, сэр… — ответил он запыхавшись, запрыгивая в кабину.

Он был невысоким и круглым, с широкой сияющей улыбкой. Он спросил моё имя.

— Крис, — сказал я, пожимая ему руку.

— Меня зовут Симон. О… очень приятно познакомиться.

С этих пор Симон начал говорить и не остановился. Говорил он, как говорят жаждущие — залпом. Он не мог знать, что я военный — на мне были джинсы и повседневная рубашка, а оружие лежало в чехле сзади, — так что, видимо, принял меня за обычного мзунгу. Он рассказал, что ему сорок три года. Сказал, что родился в сентябре. Странно: вот я, решив сделать то, чего почти никогда не делаю — подобрать незнакомца, — и через несколько минут мы обнаруживаем, что родились в один год и месяц. Я сказал ему, что мой день рождения — 15 сентября. На этом совпадения закончились, потому что Симон признался, что не знает точного дня своего рождения.

Через несколько миль непрерывной болтовни он полез в карман и достал необычный нож. Он всё ещё улыбался, и мой «паучий» радар не мигал красным, так что я позволил ему показать его. Лезвие было около тридцати сантиметров длиной, и вместо одного острия на конце у него было двойное. Оно напомнило мне меч Святого Михаила — покровителя солдат, часовых и парашютистов.

— Надеюсь, ты не собираешься убить меня этим, — сказал я с лёгкой улыбкой.

— Нет-нет-нет, — засмеялся Симон. — О нет, Криз. — Он произнёс это как «Криз». — Я ношу его в дороге на случай, если встречу демонов, дьяволов или злых духов. Он может быть очень полезен. — Он довольно хитро хихикнул и продолжил болтать, прежде чем убрать лезвие во внутренний карман.

Он попросил высадить его в следующей деревне, и при приближении указал место перед первыми лачугами, где у дороги торговали прохладительными напитками. Я остановился, и он вышел.

— Спасибо. Спасибо большое, сэр, — сказал он.

Затем, когда его нога коснулась красной земли, его лицо стало смертельно серьёзным. Он посмотрел мне в глаза воспалёнными глазами и сказал голосом, который изменился — стал тихим, но каким-то образом заполнил воздух вокруг меня:

— Криз, да благословит тебя Бог многократно в этот день.

С этими словами маска упала, его лицо снова расплылось в широкой улыбке, и он исчез так быстро и эффективно, что я не смог найти его в зеркале заднего вида, когда выехал на шоссе.

— Куда он делся? — пробормотал я.

Вскоре я перестал думать о встрече с Симоном. Но его слова и лицо вернулись ко мне примерно через тридцать часов, когда я оглядывался на один из самых выдающихся дней своей жизни.

Была ли наша встреча не более чем случайным столкновением двух незнакомцев в африканском буше? Или это была судьба — поговорить с ним тем утром? Был ли он ангелом, защитником, ждущим на той дороге, чтобы я его подобрал? Доставил ли мне Бог сообщение через человека по имени Симон?

ГЛАВА 2. Я ХОЧУ БЫТЬ КРУТЫМ

Дикость всё ещё дремала в нём, и волк в нём лишь спал.
— Джек Лондон, «Белый Клык»

По дороге домой я остановился постричься. Затем поехал в ресторан «Outpost», популярное место среди экспатской общины Найроби. Был уже полдень, и после работы на полигоне я был голоден. Я написал новому знакомому, не хочет ли он составить компанию.

— Привет, я в «Outpost» на ланч, если ты рядом.

Он ответил, что на встречах в охранной компании, где работает. Его офис был в центре города, в отеле и офисном комплексе DusitD2 — месте, где я никогда не был.

— Извини, может, вечером?

Мой новый знакомый был британец, бывший морской пехотинец, вышедший в отставку в звании майора в 2009 году. В Британии он был своего рода героем за то, что сделал в сентябре 2013 года, когда пятеро террористов «аш-Шабаб» атаковали торговый центр Westgate в Найроби. Стрелки хладнокровно расстреливали мужчин, женщин и детей после того, как просили их доказать, что они мусульмане, прочтя стихи из Корана. Не сумевшие сделать это погибали на месте. Не менее шестидесяти семи человек были убиты.

Могло быть ещё хуже, если бы он не ответил на отчаянный звонок знакомого, чья семья оказалась в заложниках. Он не только спас семью, но и помог многим другим добраться в безопасность. За свои действия мой друг стал первым за двадцать пять лет человеком, награждённым Крестом Георга — высшей британской наградой за доблесть не в присутствии врага.

Хотя я не обсуждал осаду Westgate с ним подробно за короткое время нашего знакомства, эта история была у меня в голове с момента приезда в страну. Я верил, что подобная атака на город может случиться снова. Я знал, что большая часть моей работы будет проходить в кенийском буше, но я уже решил всегда быть готовым реагировать, когда я в Найроби — на всякий случай.

Для этого я держал большую чёрную сумку собранной и готовой. В ней были форма, бронежилет, шлем, очки ночного видения (NVG), оружие,

ручные гранаты, светошумовые гранаты, охотничий нож, боеприпасы, защита ушей и глаз.

На ланч в «Outpost» я выбрал марокканскую говядину и запил её «Давой» — классическим кенийским коктейлем, вкусной смесью водки, сока лайма и мёда. На остаток дня у меня было немного планов: принять душ дома, может, купить продуктов, так что я несколько минут поболтал с Анной, метрдотелем — местной легендой «Outpost». Она была привлекательной, весёлой и уважаемой всеми.

Я спросил, чем отличаются женщины из племени кикуйю — крупнейшей этнической группы Кении, к которой она принадлежала, — от остальных.

— О, Крис, ты не хочешь расстраивать женщин кикуйю, — засмеялась она. — Ты поймёшь, когда побудешь здесь подольше: мы здесь правим бал.

Она была права насчёт моей зелёности: я прилетел в Кению только 8 декабря и сразу был вызван из Найроби. Я отправился к побережью, в район Малинди, помочь в поисках итальянской девушки, похищенной у реки Тана, работавшей на благотворительную организацию. Я провёл две недели во временном лагере кенийской армии, разыскивая Сильвию Романо вместе с местными солдатами и полицией, но безуспешно. (Романо в итоге была освобождена в мае 2020 года, после удержания боевиками «аш-Шабаб» в Сомали.)

Вернувшись в Найроби, я носился по городу, покупая вещи для нового дома — хорошо обставленного бунгало с тремя спальнями в пригороде на северо-западе города. У меня был садовник по имени Патрик и домработница по имени Джуэл. В том же озеленённом охраняемом комплексе было ещё семь домов, все занятые британскими дипломатами и сотрудниками. Я пару раз съездил в центр города, где работали большинство этих людей, — в Верховную комиссию Великобритании, чтобы забрать пропуска и представиться. Сотрудники МИДа приняли меня прохладно: многие из них, казалось, вообще не хотели, чтобы я был в Кении. Это отношение было ещё сильнее у работников правительственного Департамента международного развития (DFID). Они дали понять, что они в Кении на гуманитарных ролях, а я — охотиться на монстров, которых, по их мнению, не существует. В их глазах моё присутствие в стране было контрпродуктивным. Скажем так: мы согласились не соглашаться.

К счастью, моя работа не была в ведении Верховной комиссии или DFID, или военного атташе при них.

Я с нетерпением ждал начала обучения кенийских солдат, но после короткой поездки на базу КДО понял, что страна встала в преддверии Рождества. Я въехал в самый разгар восточно-кенийского праздничного сезона. Почти все солдаты были в увольнении, и я остался сидеть без дела.

Не зная, чем заняться в сочельник, я решил написать сообщение награждённому кенийскому генералу, чтобы представиться. Мне дали список ключевых контактов в армии и правительстве, и я подумал, что будет неплохо вежливо поздороваться и пожелать счастливого Рождества в этот тихий момент. Последние шесть лет он был главным шефом разведки Кении в качестве генерального директора Национальной разведывательной службы и с укреплением безопасности Кении перед лицом атак сомалийских экстремистов вроде «аш-Шабаб». Он также был близким доверенным лицом президента Ухуру Кеньятты.

— Здравствуйте, генерал. Я только что прибыл в Кению. Хотел связаться с вами и пожелать вам и вашей семье счастливого Рождества. Я доступен в любое время, 24/7. С уважением.

Я нажал «отправить», немного нервничая, правильно ли поступаю. Я уж точно не ожидал скорого ответа. Но через несколько минут телефон зазвенел.

— Большое спасибо, Крис. Рад быть на связи. Давай встретимся в ближайшее время.

Ничего себе, подумал я. Хотя бы кто-то смотрит в телефон.

В Рождество я поехал с одним из старших дипломатов Верховной комиссии в приют на окраине Найроби, управляемый христианской благотворительной организацией. Он был полон малышей, многих из которых нашли на свалках. Сначала они меня стеснялись, но через какое-то время не давали мне проходу. Я провёл день, помогая раздавать подарки и играя с детьми. Мне нравилось быть с ними. Один из них, маленький парнишка по имени Мозес, взял меня за руку и не отпускал.

— Когда я вырасту, я поменяю имя на Родригес, — уверенно сказал он. Видимо, в честь футболиста — вида спорта, о котором я почти ничего не знаю.

Я спросил, кем он хочет стать, когда вырастет.

— О, я хочу быть крутым, — сказал он, — чтобы ни один мужчина не смог сделать мне и моей сестре то, что они сделали.

Я прекрасно понимал, о чём он, потому что от персонала приюта знал: почти все дети там подверглись сексуальному насилию. Я слушал его с гневом. Но я также мог понять его желание превратиться из испуганного ребёнка в сильного взрослого.

По дороге домой из «Outpost» я чувствовал себя вполне довольным жизнью. Утро было хорошим, ланч — тоже, и мне казалось, что я начинаю осваиваться в новой работе.

У ворот комплекса я коротко поговорил с охранником, затем медленно доехал до своего дома. Патрик работал на лужайке, а Джуэл уже закончила и ушла. Я забрал сумку с оружием из грузовика, поставил её в коридоре и сделал себе чашку чая.

Затем я направился в душ. Было около 15:10.

В этот самый момент, примерно в трёх милях, пятеро террористов «аш-Шабаб» готовились к атаке. Четверо сидели в серебристом хэтчбэке Toyota перед тем же офисно-гостиничным комплексом, где работал мой друг, бывший морпех. Пятый был уже внутри и направлялся в модное кафе в комплексе отеля, где обедала преимущественно западная бизнес-клиентура. Он был одет в элегантный костюм, под которым скрывался жилет смертника, и собирался взорвать себя, надеясь убить как можно больше людей.

Взрыв должен был стать сигналом «поехали» для его четырёх сообщников.

Их задача: убивать и ранить людей везде, где они их найдут, как можно дольше, используя автоматические винтовки, гранаты и уровень беспощадности к безоружным гражданским, виденный только у молодых людей, решивших сражаться до смерти.

Конечная цель: посеять страх и ужас в городе и шок во всём мире.

ГЛАВА 3. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

В пустыне я увидел создание, нагое, звероподобное, которое сидело на земле, держа своё сердце в руках и ело его. Я спросил: «Вкусно, друг?» — «Горько-горько», — ответило оно. — «Но мне нравится, потому что оно горькое, и потому что это моё сердце».
— Стивен Крейн, «В пустыне»

Гостинично-офисный комплекс DusitD2 — крупный объект, где расположены одни из самых видных предприятий и учреждений Найроби. Банки, магазины, исследовательские институты и офисные здания — как у моего друга. И сам отель DusitD2 — престижная пятизвёздочная гостиница.

Принадлежащий тайской семье, DusitD2 входит в сеть аналогичных роскошных заведений, разбросанных по Азии, Персидскому заливу и Восточной Африке. Открытый в 2015 году с большой помпой, отель быстро стал одним из самых популярных мест Найроби для деловых путешественников, а также для состоятельных кенийцев, желающих изысканной кухни в изысканной атмосфере. В 2017 и 2018 годах Всемирная премия роскошных отелей называла его лучшим роскошным бизнес-отелем Восточной Африки.

Снаружи облицованный светло-коричневым песчаником, с тонированными отражающими стёклами и просторным крытым двором, отель занимал семь этажей и удовлетворял почти любые желания гостей: роскошные люксы, несколько ресторанов, тренажёрный зал и фитнес-центр, спа и салон красоты, бассейн красного цвета со встроенной утопленной зоной отдыха и коктейль-бар «Rouge». Декор был блестящим — много зеркал, глянцевые золотые поверхности и современное искусство на стенах.

Вокруг отеля, в ухоженном саду, стояли пять офисных зданий с названиями, заимствованными из Лондона и напоминающими о колониальном прошлом Кении: Hanover, Grosvenor, Belgravia, Cavendish и Arlington. Здания были отделаны в том же элегантном современном стиле, что и отель, а их арендаторами были транснациональные корпорации — Pernod Ricard, Shell, Adam Smith International, Colgate Palmolive, Mitsui — и офисы многих кенийских сафари-компаний. На первых этажах некоторых

зданий располагались кафе, рестораны и другие коммерческие помещения — например, парикмахерская.

Для заботящихся о безопасности транснационалов в стране с серьёзной террористической угрозой комплекс DusitD2 считался одним из самых безопасных мест для бизнеса в Найроби. Весь комплекс был окружён с трёх сторон трёхметровой стеной с электрическим забором сверху. С четвёртой стороны был только электрический забор. Помимо небольшого охраняемого пешеходного мостика через реку Найроби перед отелем, был только один вход и выход: КПП на боковой дороге от Riverside Drive.

Сотрудники компаний могли въехать через КПП, припарковаться на территории и питаться в ресторанах и кафе отеля и офисных зданий, не выходя за пределы охраняемой зоны. Для террористов это означало, что, миновав КПП, они получали загон с запертыми жертвами на их милость.

В общей сложности в утро 15 января 2019 года в комплексе DusitD2 находилось не менее семисот человек: гости отеля, служащие, офисные работники и обслуживающий персонал.

В 15:17 жилет смертника, обхватывавший грудь двадцатипятилетнего Махира Халида Ризики, этнического сомалийца, взорвался.

Кадры с камер наблюдения показывают, как Ризики слоняется у кафе Secret Garden на первом этаже здания Hanover за несколько минут до взрыва. Это было популярное место встреч и обедов в центре комплекса. Столики стояли на элегантном патио, открытом к лужайке, с навесами на деревянных столбах для тени.

Ризики расположился у кафе. В последние секунды перед массовым убийством он говорил по мобильному телефону с четвёркой в машине — разговор, позже восстановленный полицией и Национальной разведывательной службой Кении.

— Где вы? — спросил он на суахили, видимо проверяя, готовы ли они двигаться, прежде чем взорвать себя.

На кадрах наблюдения Ризики есть — и вдруг его нет. Без звука. Это жутко. Видно, как в воздух летят части тела, а фасад кафе окутывается облаком серого дыма и пыли.

Взрыв мгновенно убил пятерых и ранил ещё нескольких. Это стало началом штурма «аш-Шабаб» и началом хаоса.

Почти сразу же сотрудники, увидевшие это, услышавшие взрыв или увидевшие дым и решившие, что это пожар, побежали к КПП. Другие решили, что громкий звук — взрыв трансформатора, частое явление в Найроби. Но как только разнеслась весть, что комплекс под атакой, сотни людей, с ещё свежими воспоминаниями о Westgate, побежали из своих офисов.

Среди погибших в Secret Garden были Джейсон Спиндлер, сорокалетний американский бизнесмен, помогавший вытаскивать выживших из-под завалов после терактов 11 сентября. Его опыт того ужаса вдохновил сменить карьеру: он покинул инвестбанк на Манхэттене и основал консалтинговую фирму, помогающую компаниям на развивающихся рынках. У фирмы был офис в комплексе DusitD2.

Член совета директоров его компании сказал: «С уходом Джейсона мир и человечество потеряли одного из великих новаторов и борцов за справедливость в местах, которые большинство людей не замечает». Его мать Сара сказала, что сын пытался добиться позитивных перемен в странах третьего мира. «Так грустно, что такой талантливый молодой человек унесён терроризмом», — сказала она NBC News.

Ещё одним погибшим был Люк Поттер, сорокалетний британский благотворительный работник, переехавший в Найроби с партнёршей и маленькой дочерью всего три дня назад. Поттер работал в фонде Gatsby, помогая развивать устойчивый лесной сектор в Кении, и с нетерпением ждал новой жизни в столице.

Австралиец, убитый за другим столом, — тридцатишестилетний Маркус Родригес, впервые в Кении, навещавший девушку. Он хотел остановиться в другом месте, но она настояла на DusitD2. «Я жалею, что заставила его передумать, — сказала она потом. — Он мог бы быть жив, если бы я не упёрлась».

Ещё двое погибших — Фейсал Ахмед, тридцати одного года, и Абдалла Дахир, тридцати трёх лет. Они обедали вместе. Они были лучшими друзьями и оба работали в Adam Smith International, специализирующейся на консалтинге для развития. Их проект — Фонд стабильности Сомали, миссией которого было «принести мир и процветание в Сомали». Ахмеда родственники описали как общительного, весёлого и харизматичного. В профиле Дахира была указана его страсть к фотографии и желание «рассказывать истории уязвимых людей, особенно безмолвных жертв насилия, чтобы просвещать мир о разрушительных последствиях войны». Обоих похоронили на совместной церемонии.

Когда Ризики привёл в действие жилет смертника, остальные четверо террористов во главе с двадцатишестилетним этническим сомалийцем, названным кенийской полицией Али Салим Гичунге, начали собственную бойню.

Что было дальше — предмет противоречивых описаний. Известно, что они поехали на своей серебристой Toyota по боковой дороге к КПП комплекса. Сначала они упёрлись в полицейский барьер в поднятом положении. Проезжая блокпост, они открыли огонь по двум полицейским, убив одного и ранив другого.

Продолжая ехать, они стреляли из окон по людям, бегущим из района. В какой-то момент они потеряли управление Toyota, и машину вынесло в неглубокую дренажную канаву, не доехав до КПП.

Одетые в чёрную форму, с автоматами АК-47 и зелёными нагрудными жилетами с гранатами и боезапасом, Гичунге и трое сообщников вышли из машины и двинулись к КПП. Они стреляли в каждого на пути и бросили по крайней мере одну гранату, которая упала среди трёх припаркованных машин. Они загорелись, пустив столб грязного чёрного дыма.

Каким-то образом, с испуганными офисными работниками, бегущими во всех направлениях, боевикам удалось пройти прямо мимо КПП без выстрелов и остановки, и проникнуть в комплекс.

Здесь они разделились. Двое свернули налево, на подъездную дорогу вдоль здания Hanover, а двое пошли прямо в центр комплекса через лужайку перед кафе, где минутами раньше Ризики взорвал себя.

Пара, свернувшая к зданию Hanover, застрелила мужчину, выходящего из дверей. Затем вошли в здание и казнили человека, притаившегося под лестницей в вестибюле.

За пять минут группа «аш-Шабаб» убила восемь человек. Они искали следующих жертв.

ГЛАВА 4. ОТВЕТЬ НА ЗОВ

Пока человек не станет врагом зла, он не станет даже его рабом, но скорее его поборником.
— Г. К. Честертон, «Новый Иерусалим»

Я вышел из душа и натягивал свежую футболку, когда зазвонил телефон. Я взял его с кровати и увидел, что звонит мой друг, бывший морпех, работавший в комплексе DusitD2. Было около 15:30. Я подумал не отвечать — перезвоню позже. Но то самое «паучье чутьё» заставило взять трубку.

— Алло, Крис на связи. Что случилось?

Я слышал выстрелы и возбуждённые голоса на фоне.

— Крис… — Он звучал взволнованно. Это было на него не похоже. Затем он сказал одно слово: «ген».

Мой пульс подскочил. «Ген» — старый термин из Королевского флота, используемый в переговорах для «настоящий» или «легитимный». В такой ситуации это сокращение от: «Ради бога, послушай меня, я не несу чушь».

— Комплексная атака идёт там, где мой офис, на 14 Riverside Drive, — продолжил мой друг. — Я без оружия и залёг в своём офисе. Тебе нужно ехать сюда прямо сейчас со своими парнями.

— Понял. Понял. Принято.

Я сбросил вызов.

Я стоял полуодетый, мысли неслись. Где, чёрт возьми, это место? Я нацарапал адрес на блокноте и оторвал лист. Как далеко? Не имел ни малейшего представления — я никогда не был в этом районе.

Я вернулся в ванную, плеснул холодной воды в лицо и на секунду посмотрел в зеркало.

Ладно, сказал я себе. Вот оно. Поехали. Поехали и сделаем это, блядь.

С этого момента я по-настоящему не думал, вмешиваться или нет. Я просто сделал это.

Я стянул футболку и надел дышащую серую рубашку, скрывающую татуировки, покрывающие руки от плеч до запястий. Среди них — несколько крестов, черепа и маки, а также череп с песочными часами, символизирующий быстротечность жизни. Есть также Шлем Ужаса — одна из моих ранних тату, древний скандинавский символ. Он немного похож на снежинку и, по поверью, делает непобедимым в бою и вселяет страх в сердца врагов. Мне не нужно было, чтобы кто-то видел татуировки прямо сейчас — особенно пресса, потому что это помогло бы им идентифицировать меня, а я не хотел своё лицо или имя в газетах.

Я надел те же джинсы Armani, что были на мне раньше, и лёгкие горные ботинки. Затем схватил сумку с оружием и снаряжением, выбежал к машине и бросил всё на заднее сиденье.

Патрик смотрел, как я уезжаю, остановившись и опершись на грабли, его зелёные резиновые сапоги, как всегда, идеально чистые. Отсутствие обычной улыбки сказало мне, что он что-то заподозрил. Я остановился рядом.

— Патрик, где сейчас твоя семья?

— О, на севере, сэр, — сказал он. Вдали от Найроби.

— Хорошо. Но оставайся здесь, ладно? В городе что-то происходит.

— Да, сэр.

Я вытащил телефон и вбил «14 Riverside Drive» в Google Maps. Время в пути: двадцать восемь минут, с предупреждением о плотном движении. Поскольку я почти не знал дорог в столице Кении, подумал: отлично, без проблем. Буду на месте в два счёта.

Откуда мне было знать, что весь город встаёт.

Проезжая через комплекс к выезду, я встретил мужа одного дипломата, возвращавшегося за дочерью из школы. Я опустил стекло.

— Привет, Антон. Где Мишель?

— В Верховной комиссии.

— Ладно, оставайтесь внутри — в комплексе, что-то происходит.

Он кивнул, а я дал газу, проехал через КПП и выехал.

В WhatsApp-группе комплекса началась активность. Молва быстро разносила, что что-то происходит в комплексе DusitD2. Но в группе считали, что это ограбление банка.

Я обдумывал то, что мне сказали. Мой друг использовал термин «комплексная атака» — военный термин для одновременного, многомерного штурма с использованием более одного типа оружия. В террористическом контексте это обычно означает автоматические винтовки, гранаты и бомбы.

Для меня это могло означать только одно — очередная операция «аш-Шабаб» на кенийской земле. Именно к такому развитию событий я готовился с момента прилёта в страну месяц назад.

Я потратил часть рождественских дней на изучение «аш-Шабаб», зная, что если что-то случится в мою смену, то, скорее всего, по их вине.

По-арабски «аш-Шабаб» означает «молодёжь» или «Движение трудящейся молодёжи». Группа зародилась как радикальное молодёжное крыло Союза исламских судов, контролировавшего сомалийскую столицу Могадишо в 2006 году, пока не была изгнана эфиопскими войсками. Её ранние лидеры прошли военное обучение в Афганистане — стране, которую я знал слишком хорошо.

В то время как большинство сомалийцев принадлежат к суфийской традиции, «аш-Шабаб» исповедует вдохновленную Саудовской Аравией ваххабитскую версию ислама. Как и «Аль-Каида», с которой она связана, группа придерживается строгого исламского, или шариатского, права. Это включает обычную средневековую жестокость воинствующего ислама: забивание женщин камнями за прелюбодеяние и отсечение рук ворам. Хотя группировка в основном состоит из сомалийцев из страны, она всё чаще вербовала иностранных боевиков, в том числе кенийцев сомалийского происхождения, что создавало особую головную боль для кенийских властей.

Цель «аш-Шабаб» — вести джихад, священную войну против «врагов ислама». Большую часть последних пятнадцати лет она вела террористические кампании против Федерального правительства Сомали. С 2011 года также обратила внимание на кенийское государство, его народ и вооружённые силы — в отместку за оккупацию Кенией районов южного Сомали, где доминирует «аш-Шабаб».

Во время атаки на Westgate в 2013 году стрелки кричали: «Во имя Аллаха, всемилостивого, милосердного, мы пришли убить вас, христиан и кенийцев, за то, что вы делаете в Сомали». Другие крупные преступления «аш-Шабаб» включают взрывы в регби-клубе и ресторане в столице Уганды Кампале в 2010 году, убившие семьдесят четыре человека. В 2015 году «аш-Шабаб» убила 148 студентов — многие из них христиане — в кенийском Университете Гарисса у границы с Сомали. В январе 2016 года атаковала кенийскую военную базу в сомалийском городе эль-Аде и убила около 180 солдат — в то время как кенийское правительство делало всё, чтобы преуменьшить масштаб. А в октябре следующего года не менее пятисот человек погибли при огромном взрыве грузовика в Могадишо, который многие возложили на «аш-Шабаб», хотя группировка не взяла ответственность.

Группа разделена на разные секции, одна из которых — «Амният» — её основное военное крыло, отвечающее за внутреннюю безопасность, внешнюю разведку и специальные операции. Я знал, что если DusitD2 под атакой, то, вероятно, задействованы боевики одной из самых дееспособных подгрупп «Амният».

В целом, ребята серьёзные. Они глубоко идеологизированы и не церемонятся. Обычно они планируют и проводят атаки с клинической жестокостью, поэтому потери среди жертв так высоки.

В моей голове было одно: я должен сделать всё, что в моих силах, чтобы остановить этих людей и спасти жизни невинных, перепуганных людей, которым грозит мгновенная казнь.

ГЛАВА 5. ДОРОГА В АД

Чтобы чего-то добиться, нужно быть готовым балансировать на грани катастрофы.
— Стирлинг Мосс, «Всё, кроме моей жизни»

Я выехал на главную дорогу в сторону города и обнаружил, что она полностью забита.

— Блядь! — заорал я, ударив по приборной панели от злости. Двадцать восемь минут из Google Maps были явно фантазией.

Я посидел в пробке мгновение, адреналин бил ключом. Нужно быть там, чтобы участвовать, Крис, подумал я. Опоздать — просто не вариант, когда наступает твоя очередь. Я чувствовал, что это мой день. Я единственный боец SAS в Найроби, и, на мой взгляд, всё зависит от меня: больше некому сделать то, что могу я. У меня есть шанс и долг помочь. Не приехать или не отреагировать было немыслимо — это оставило бы меня с полным стыдом. Никаких приказов, никакой поддержки, один вариант — добраться и изменить ситуацию. Я должен был добраться, и быстро.

Встречная полоса, на выезд из Найроби, была в основном свободна. Ладно, погнали, подумал я. Я выехал из своего ряда на встречную и поехал против движения в город. Мигая фарами и непрерывно сигналя, я мысленно поблагодарил парней дома, научивших меня навыкам быстрого вождения.

На курсах спецвождения учат: нет смысла разбить машину по дороге на инцидент. Главное — добраться до места, чтобы справиться с ситуацией. Лежать в куче на обочине — полный провал задачи. Так что речь не всегда о скорости; речь о том, знать, когда идти на обгон, а когда нет, в какие щели лезть, а в какие нет. Звучит просто. На практике — нет.

На отдельных участках поток словно расступался передо мной. То ли мой стиль вождения был здесь привычным, то ли люди понимали, что мне нужно куда-то срочно, хотя на моём пикапе не было ничего, кроме дипломатических номеров. Однако проблем хватало. Найроби забит медленными машинами, маленькими грузовиками и вездесущими матату — минивэнами. «Матату» значит «три цента за поездку» — хотя сейчас они стоят немного дороже — и они обычно набиты до отказа: до двадцати пяти пассажиров, а зазывала висит на подножке. Они могут быть сущим

кошмаром: ныряют в потоке, останавливаются и выезжают без предупреждения, часто с рёвом мощных аудиосистем.

Усложняли картину торговцы на тротуарах с горячей кукурузой или холодными напитками, а также зазывалы на перекрёстках, предлагающие сахарный тростник, детские игрушки или газеты. Нищие — часто инвалиды или женщины с ребёнком на перевязи — клянчат деньги у белых на каждой остановке. Тротуаров мало, обычно это пыльные тропинки, по которым бедняки Найроби идут на работу и с работы, а женщины в ярких платках несут покупки домой.

Так что у меня было немало забот, пытаясь ехать быстро к месту, где людей расстреливали в упор. И что-то мне подсказывало, что это только начало.

Продолжая свой гигантский слалом по трассе Найроби, я подумал, что лучше доложить в штаб в Британии. Уворачиваясь от машин, я нажал быстрый набор в операционную. Кения на три часа вперёд британского времени, так что дома был обед.

Поднявший трубку явно не был из постоянного персонала; он даже не понимал, что у его устройства есть кнопка «нажми-чтобы-говорить». То есть он слышал меня, но не мог ответить. В кино так не бывает. Я одной рукой рулил, а другой в телефон рассказывал, что в роскошном гостиничном комплексе в Найроби — «в Кении, да?» — что-то происходит и я туда еду. В ответ — тишина.

— Да ну его, — сказал я и нажал отбой.

Дальше в списке были кенийцы. Я позвонил полковнику, командовавшему подразделением, которое я недавно навестил. Никакого ответа.

Затем я прошёлся по списку офицеров, оставленных моим предшественником, — каждый командир конкретного подразделения. Ни один не ответил. Пролистал и попробовал пару других номеров — офицера операций и офицера подготовки. Ничего. Я не слишком напрягался: решил, что они не отвечают, потому что заняты этим терактом.

Пикап был хорошей машиной, и я едва к ней привык. В процессе маневрирования и телефонных звонков я умудрился включить музыку. Случайный режим по Bluetooth выбрал «Времена года» Вивальди.

Неплохой выбор, можно подумать, для человека в стрессовой ситуации, едущего быстро и пытающегося не разбиться. Но стремительные скрипки казались скорее истеричными, чем успокаивающими, и начинали

действовать на нервы. Проблема в том, что у меня не было свободной руки, чтобы выключить музыку или хотя бы убавить громкость. Снять правую руку с руля, чтобы нажать вызов на телефоне, было единственным, на что я готов был пойти. Так что Вивальди остался, пока я пробирался к адресу из телефона, смеясь над абсурдом.

У меня было несколько опасных моментов. Я нырял в щели на свой страх и риск. Особенно тесная — между двумя матату сразу после кругового движения. Я увидел просвет и решил идти. Вдавив педаль в пол, я наблюдал, как пространство неумолимо сокращается: два автобуса сходились. Точка невозврата пройдена. Я вижу, как матату приближаются, приближаются, приближаются. Я глубоко вдохнул — будто пытаясь сделать себя и свой пикап чуть тоньше — и проскочил на другую сторону, не потеряв слоя краски.

— Блядь, чуть не было, — пробормотал я, напоминая себе золотое правило. Доехать быстро, но доехать целым.

У меня есть личный опыт серьёзной автокатастрофы, и одной за жизнь достаточно. Мне было двадцать два, я был рядовым в Патрульной группе первооткрывателей — элитном разведподразделении британской армии — и спал на заднем сиденье Land Rover. Мы ехали из Олдершота на юге Англии в Инвернес на севере Шотландии, на горную подготовку. Я лежал в спальнике поверх кучи снаряжения.

Мы выехали в предрассветные часы и где-то севернее Бирмингема на трассе M6 парень за рулём потерял управление после того, как попытался увернуться от грузовика, врезавшегося в другой грузовик при обгоне. Нас прокрутило по склону насыпи. Один из грузовиков приземлился поверх нашего Land Rover.

Столкновение убило водителя, а пассажира на переднем сиденье зажало и ранило. Мне повезло. Из-за конструктивного дефекта в тех машинах прозрачное окно в верхней половине задней двери имело свойство выпадать при нагрузке, потому что использовался не тот клей. Когда Land Rover начал кувыркаться, меня выбросило чисто через отсутствующее окно, и я был найден висящим на дереве, не сознавая, что произошло.

Моё тело это не оценило. Среди травм: перелом черепа, потребовавший трепанации для снятия внутричерепного давления, перелом шеи в трёх местах, перелом спины в семи, сломанные плечо и ключица, переломы рёбер, сдавленное лёгкое, переломы челюсти и скуловой кости и вывих бедра.

На следующий день я был в коме, и врачи в North Staffordshire Hospital ждали, что я умру. Консультант, наблюдавший меня, говорил с матерью, объясняя, что шансы неважные. Но через две недели я вышел из комы, а ещё через неделю был дома, истощённый, потеряв более двадцати пяти килограммов. Через полгода снова прыгал с парашютом с полным снаряжением.

Странно, но труднее был не физический, а психологический путь к восстановлению. Я обнаружил, что быть в потрясе от состояния «супер-в форме» до «физически сломленного» было тяжело. Я восстанавливался дома в Нортумберленде на севере Англии, и вначале пройти с одного конца улицы до другого — около мили — было всем, на что я был способен.

Помню, остановился однажды и оперся рукой о стену, чтобы удержаться. Чувствовал себя стариком в теле, потерявшем жизненность. Моим спасением всегда был бег, а когда я не мог бегать, меня потянуло в бар, что не помогало.

Черепная травма и операция оставили след примерно на год. Несколько раз друзьям приходилось вмешиваться, чтобы предотвратить драки, потому что я говорил странные вещи — иногда откровенно не то — не осознавая этого. Для себя я был просто собой. Но после полного выздоровления люди помогли мне понять, что в месяцы после операции я определённо был не в себе.

В пикапе в Найроби та давняя авария не приходила мне на ум. Единственное, о чём я думал, — инцидент, к которому мне нужно было добраться. Сердце бешено колотилось, и я нервничал так, что желудок подкатывал к горлу. Одно, что я знал о противодействии терактам: каждая секунда на счету.

ГЛАВА 6. ВЫ ПРИБЫЛИ В ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ

У зла может быть свой час, но у Бога будет свой день.
— Еп. Фултон Дж. Шин

Всего через пятнадцать минут езды я почти приехал. Теперь я знаю, что это исключительно быстрый результат, возможно, рекорд для этого маршрута. Я разгонялся до 130 км/ч короткими рывками, чередуя правильную и встречную полосы и лавируя между матату и остальным потоком.

Затем я упёрся в особенно тяжёлый участок — всегда загруженный, усеянный светофорами. Поток в город стоял намертво, и я сразу увидел почему. Полицейский на дальнем конце либо получил приказ никого не пускать, либо запаниковал и решил, что так и надо.

Это был явный знак, что гостиничный комплекс и то, что там происходило, близко.

Встречная полоса снова была свободна. Я развернулся через разделительную полосу, подъехал к полицейскому с мигалками и воющим клаксоном.

— Стой! Стой! Стой! — закричал офицер, бросившись ко мне.

Я резко затормозил и опустил стекло. Поравнявшись с ним и глядя прямо в глаза, я сказал первое, что пришло в голову:

— Я здесь по приказу президента. И мне нужно проехать.

Я сказал это с такой убеждённостью — чётким, твёрдым голосом, — что он немедленно сдался и махнул мне проезжать. Позже я размышлял над этим моментом озарения. Моя претензия на связь с президентом оказалась не так уж далека от истины.

Я был внутри. Поблагодарив полицейского, я рванул с визгом шин — и тут же ударил по тормозам, когда бесплотный голос на телефоне спокойно объявил: «Вы прибыли в пункт назначения».

Через несколько метров я свернул на боковую дорогу к КПП комплекса DusitD2.

Я замедлил машину до минимума. Впереди видел горящие машины, столб чёрного дыма и небольшую группу людей. Я припарковался на расстоянии от них и вышел. Напряжение от поездки спадало. Как любой солдат, так же преданный делу, как я, я не хотел упустить шанс. Я упускал в карьере несколько раз, и эти моменты до сих пор меня злили. Теперь, когда я прибыл, я был в полном спокойствии. Я мог заняться своим делом и помочь. Я не думал о том, насколько опасной может быть ситуация. Я хотел помочь кенийцам во всём, чём мог. Я хотел включиться в работу.

Сначала мне нужно было понять, что за комплекс передо мной — я не имел ни малейшего понятия, кроме того, что у моего друга там офис. КПП был слева. Я слышал автоматную стрельбу и взрывы оттуда, но на боковой дороге была странная тишина. Никто не бежал ко входу. Несколько кенийцев в гражданском с оружием — видимо, охранники или полицейские не при исполнении. Я решил, что силы обороны Кении уже внутри, зачищают комплекс. Я начал экипироваться.

Я знал, что не могу явиться в гражданском и ждать, что меня воспримут всерьёз; нужно выглядеть соответствующе.

Я открыл сумку и вытащил ремень и бронежилет — две твёрдые керамические лёгкие пластины, спереди и сзади. На правом бедре — пистолет Glock 19; на поясе — граната, светошумовая граната и запасные магазины для пистолета и винтовки C8. Я покрасил винтовку в зелёный и бежевый пару недель назад для маскировки в кенийском буше. C8 — 5,56-мм оружие с укороченным стволом, глушителем и фонарём, идеальное для ближнего боя и ночного боя. С лазерным прицелом оно эффективно от расстояния в упор до трёхсот ярдов, в каждом магазине тридцать патронов.

Я также нёс нож-выкидуху — так называемый OTF, «out the front», — с мерзким и очень полезным лезвием, выскакивающим из корпуса по нажатию кнопки. Эта маленькая дрянь была незаконна дома, но полезна кому-то вроде меня в ближнем бою. На броне спереди ещё магазины для винтовки и ещё одна светошумовая граната. Я надел балаклаву, чтобы скрыть личность — практика, которую поощряют в большинстве спецподразделений, когда они участвуют в операциях, где может быть пресса или публика.

В подсумке на задней части пояса у меня была аптечка с жгутом и повязками. Также у меня был камуфляжный карманный Библия, подаренный армейским падре двадцать лет назад и возимый на каждой командировке, и чётки в правом кармане бедра. На подсумке был приметный патч с флагом Эдварда Тича, кровожадного английского пирата XVIII века, также известного как Чёрная Борода. Мой вариант флага

изображал рогатый скелет, держащий в одной руке кубок, а в другой — копьё, пронзающее сердце с тремя каплями крови. Я люблю легенду о Тиче — лихой и хитрый вождь. Он использовал свой пугающий вид, чтобы вселять ужас в врагов, и вплетал пеньку в бороду, поджигая её перед боем.

Этот патч стал предметом обсуждения среди СМИ, освещавших события в DusitD2. Он привёл к спекуляциям, что я — американский спецназ, а не британский, потому что SAS такой патч не носит, а некоторые американские солдаты приняли этот герб на своём снаряжении. Я носил его не для того, чтобы притворяться американцем; это был патч, который я предпочитал как одиночный оператор в Кении.

Было немало вещей, которые я мог взять, но оставил в пикапе, о некоторых из которых позже пожалею. Среди них — шлем со встроенными наушниками и откидным визором, очки ночного видения и боевая форма. На том этапе я думал, что, возможно, зайду сначала посмотреть, что происходит, и переговорить с кенийским спецназом. Я вообразил, что уже развёрнут командный пункт и идёт планирование штурма. Если меня подключат, после получения разрешения, я всегда могу сбегать к пикапу за всем необходимым.

Другой инструмент, оставленный в сумке, — мой томагавк. Если бы я знал, что дело дойдёт до настоящего боя, я бы его взял. Кованый из стали, с приятным весом, он имел бритвенно-острое лезвие и латинскую цитату на обухе: «Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo da gloriam» («Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу»).

Конечно, как и выкидной нож, томагавк — не стандартное снаряжение британской армии. Но, как и многие бойцы SAS за десятилетия, я подобрал оружие и снаряжение, в котором убедил меня горький опыт. Томагавк имеет ряд практических применений, но также играет на элемент Чёрной Бороды — выглядит реально брутально. Даже свои смотрят дважды, увидев его на поясе.

Во время зарубежных командировок я всегда старался переодеться из боевого перед тем, как идти в столовую на основной базе. Не принято заходить туда, увешанным всяким необычным оружием. Но однажды вечером я опоздал с операции и заскочил с томагавком на поясе. И форма была не уставная.

Я ловил странные взгляды, как и ожидалось. Затем подошёл генерал, инспектировавший базу.

— Извините, — сказал он в том враждебно-покровительственном тоне, которым офицеры часто общаются с «отбросами» вроде меня. Меня это всегда раздражало. — Полагаю, вы из SAS?

— Так точно, генерал.

— И зачем именно у вас на поясе висит топор?

— Во-первых, генерал, это не топор, это томагавк.

ГЛАВА 7. НАЧИНАЕМ

Из каждых ста человек десятерым не место здесь, восемьдесят — просто мишени, девять — настоящие бойцы, и нам повезло, что они есть, ведь они и ведут бой. Но один, один — воин, и он вернёт остальных.
— Гераклит

Проходя мимо горящих машин на боковой дороге, с винтовкой в руках, я слышал непрерывный, ритмичный стук автоматной стрельбы изнутри комплекса.

Я добрался до КПП. Внутри нашёл человек двенадцать вооружённых. Кто-то — охранники комплекса DusitD2 в форме, другие, судя по всему, охранники из соседних зданий, сбежавшиеся на звук атаки. Были и гражданские с пистолетами — может, полицейские не при исполнении, частные охранники или просто люди, рутинно носящие оружие в городе, где личная безопасность — насущный вопрос. Я прозвал эту группу «Свободными радикалами» — люди с неизвестным уровнем подготовки, отчего непредсказуемые и потенциально опасные.

Снаружи у КПП, сбившись в кучу под навесом, жались журналисты. На них были бронежилеты с крупными белыми буквами «PRESS». У некоторых — каски. Многие — фотографы и видеооператоры, камеры нацелены в комплекс. Ни один, кажется, не заметил меня, несмотря на балаклаву. Никто не задал ни единого вопроса.

Обстановка была напряжённой — я чувствовал это и видел по лицам. Каждый раз, когда внутри комплекса раздавалась стрельба, люди невольно вздрагивали и приседали. Страх и растерянность висели в воздухе. Присутствие в городе свободно бродящих убийц из «аш-Шабаб» вызывает паралич — и у тех, у кого есть подготовка, и у тех, у кого нет. Мгновения чистого ужаса и паники сменяются нерешительностью и желанием переложить ответственность на кого-то другого.

Я думал: как, чёрт возьми, террористы — сколько бы их ни было — прошли мимо этого КПП? В них не стреляли, не пытались остановить?

Так и выглядело — на здании КПП не было явных повреждений, и никто из прятавшихся внутри не выглядел раненым. Поэтому я ошибочно решил, что группа «аш-Шабаб» проникла в комплекс каким-то другим путём.

Я поймал взгляд молодого охранника. Как и остальные в КПП, он выглядел нервозно — глаза беспрестанно бегали.

— Эй, я британский спецназ. Что происходит?

— «Аш-Шабаб», «аш-Шабаб», — ответил он с видом обречённости, будто говоря: «Опять».

— Сколько их?

— Не знаю, босс.

— Как они прошли?

— Не знаю, сэр.

— Что? — переспросил я.

— Не знаю, — повторил он.

— Армия здесь? Спецназ?

Никакого ответа, пустой взгляд.

— Полиция там внутри? — спросил я, указывая на здания в комплексе.

Тут вмешался охранник постарше.

— А вы кто? — спросил он.

Я представился и сказал: — Я здесь, чтобы помочь.

— Никого ещё нет, — сказал он, глядя на меня снизу вверх. — Никого. Никого.

Снова раздалась стрельба, затем — крик женщины. Ещё одна очередь, и крик оборвался. Так резко, что я понял: её только что убили.

Позже я узнал, что примерно в это время один из террористов застрелил шестерых, пытавшихся бежать из отеля через пешеходный мостик через

реку Найроби. Сообщалось, что одна из убитых — женщина с карточкой-ключом от ворот на мостике в вытянутой руке.

— Так, — сказал я твёрдо. — Я иду внутрь. Кто-нибудь со мной?

— Нет, босс, — последовал робкий хоровой ответ.

Никто не хотел рисковать жизнью, и тратить время на уговоры было бессмысленно.

На этом этапе я всё ещё не имел ни малейшего понятия о том, как устроен комплекс, сколько в нём зданий и что это за строения. Я видел то, что похоже на офисные здания на переднем плане, но не знал, что за ними стоит один из лучших отелей Найроби. Единственное, что я мог сказать — комплекс большой. И, судя по отсутствию движения, люди, возможно, бросились бежать раньше, но сейчас не делают этого.

Как и я, кенийские охранники и гражданские в КПП знали, что методы «Амният» — спецкрыла «аш-Шабаб» — убивать и калечить как можно больше людей. Они либо стреляли без разбору, где находили, либо собирали и казнили хладнокровно. Могли быть где угодно в этих зданиях — возможно, с заложниками, поджидая силы безопасности. Или планировали взорвать всё и убить побольше людей.

Мой опыт подсказывал, что для моих целей это вряд ли будет операция «убей или захвати». Скорее — первое. Мне придётся «сближаться и убивать» противника, принимая решения за доли секунды, чтобы применять смертельную силу только к боевикам. Мне нужно будет отличать — возможно, в упор — полицейских, солдат, вооружённых и безоружных гражданских, заложников и террористов. Ошибка — стрельба по кому-либо, кроме террористов — означала провал миссии.

Можно подумать, что я в невыгодном положении в этой смертельной игре в прятки. Я выбирал цели с осторожностью, а террористам было всё равно, кого убивать. Они могли стрелять во всё, что движется. На тот момент казалось, что у них численное превосходство и они засели в укреплённых позициях, а мне нужно эвакуировать перепуганных людей из мест, где и они, и я уязвимы.

Но я не чувствовал себя в невыгодном положении. Я был главным инструктором ближнего боя (CQB) в британских силах специального назначения, и это давало уверенность. Я учил бойцов в полку сражаться в зданиях и проводить освобождение заложников. В Ираке и Афганистане я участвовал в зачистках зданий ночь за ночью. Как и на тех командировках,

в тот день в Кении я был вооружён и готов к ближнему бою в любой момент, хотя часть снаряжения осталась в пикапе. Я был готов встретиться с врагом лицом к лицу — на дистанции в триста ярдов или за закрытой дверью, в тени неосвещённого коридора. Это то, чему я научился за годы тренировок и беспрецедентного количества операций по всему миру. И потому чувствовал себя профессионалом, выходящим на ринг против любителей.

«Давайте сюда» — примерно так я думал.

ГЛАВА 8. ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

Настанет день, когда вся ваша цивилизация и наука точно так же исчезнет, и ваш род будет молить о человеке с мечом.
— приписывается Роберту И. Говарду

Я двинулся внутрь комплекса.

Я был внутри.

Я переступил черту и почувствовал ту концентрацию, что приходит в бою, когда действуешь на грани между жизнью и смертью.

Теперь меня занимала только задача — и ничто другое. Это похоже на прыжок с парашютом: весь шум разом исчезает, и наступает чувство полного погружения. Но здесь это было ещё острее — тело будто понимало серьёзность ситуации, потому что все чувства работали на уровне, которого я прежде никогда не достигал. Пора браться за дело.

Один, я добрался до угла первого офисного блока — позже я узнал, что он называется Hanover. Это была ближайшая точка укрытия слева. На подъездной дороге, проходившей вдоль здания, лежал убитый — застреленный в голову. Чуть дальше — ещё один гражданский, убитый у главного входа в здание.

Снова стрельба. Я двинулся вперёд, пока не заметил останки тела на газоне и тротуаре рядом. Куски красноватого желеобразного мяса, нога, ещё прикреплённая к ягодице. Я спокойно зафиксировал и определил, на что смотрю. Я видел последствия самоубийственных взрывов и прежде. Меня это не шокировало.

У взрывов этого типа есть общие черты: обычно разрыв проходит через верхнюю часть торса и грудь, так что голова и плечи остаются одним крупным куском. Потом — множество мелких фрагментов, разлетающихся повсюду. Удивительно, как далеко разлетается тело, когда к нему прикреплена взрывчатка.

В случае с этим террористом, Ризики, куски его тела нашли почти на каждом балконе стороны отеля, выходившей на зону взрыва. Голову нашли на крыше одного из офисных зданий, примерно в пятидесяти ярдах. Одна

рука упала ярдах в двухстах, у офисов банка. Кисть с кольцом на пальце и предплечьем, обрывавшимся у локтя, — посреди подъездной дороги.

В здании Hanover дверь была приоткрыта. Инстинкт подсказал идти к ней. Я потянул её и вошёл.

Я просканировал пространство, взгляд задерживаясь на долю секунды в каждом углу. За глазами следило оружие, готовое нейтрализовать любую угрозу. Но это оказалась пустая подсобка без окон. Убедившись, что внутри никого нет, я подошёл ко второй двери.

По мере приближения я начал слышать плач, стоны и всхлипы. Там были раненые, перепуганные люди. Неподавленные крики боли говорили о том, что террористов с ними, скорее всего, нет, но я не мог быть уверен. Возможно, внутри кто-то вооружённый — хороший парень — защищает раненых и может выстрелить, если я ворвусь без предупреждения, с винтовкой и лицом в балаклаве.

Я забарабанил в дверь.

— Эй, эй, силы безопасности! Я захожу! — крикнул я. — Силы безопасности, захожу!

Затем ворвался, повторяя сообщение, продвигаясь вперёд. Снова просканировал комнату — угроз не нашёл. Зато увидел раненых официанток, поваров и персонал кафе — некоторые серьёзно пострадали от осколков взрыва, другие — легко ранены, все в состоянии шока. Я вошёл в кухню кафе Secret Garden.

— Не паникуйте, не паникуйте, я здесь, чтобы вытащить вас, — сказал я. — И нужно идти.

— Но там люди с оружием и гранатами, — сказала сквозь слёзы женщина в униформе официантки — белой блузке и чёрной юбке.

Я шагнул к ней и взял за плечи.

— Сколько человек? Сколько вы видели?

Она подумала, что четверо, но может быть больше.

— У них гранаты, были взрывы, — сказала она, уже рыдая.

Это было первое указание на масштаб атаки, число террористов после смертника и их вооружение.

— Ладно, всем слушать. Я попытаюсь вывести вас, — сказал я. — Буду выводить по одному. Нужно доставить вас к медикам.

Кое-кто вяло кивнул, но я видел, что никто не хочет идти первым. Страх парализовал. Поэтому я выбрал сам и начал с официантки. Взял её за руку, заверил, что всё будет хорошо, и повёл к выходу.

— Так, поехали, — пробормотал я. Мы побежали к КПП. Там уже собралось больше людей, я крикнул, чтобы кто-нибудь забрал её. Затем побежал обратно в кухню и подошёл к следующему.

— Ты как? — спросил. Он кивнул, но бедняга трясся от страха и, похоже, был ранен. — Ладно, пошли, — сказал я, почти таща его в безопасность.

После четырёх-пяти выведенных таким образом людей некоторые «Свободные радикалы», осмелев при виде спасающихся, присоединились. Среди них — Питер, высокий и толковый голландец, бывший военный, работавший в частной охране в Найроби. И двое кенийцев индийского происхождения; один — в розовой рубашке, другой — лысый. Все с пистолетами, без брони. Я ценил риск, на который они шли.

Когда пришло время выводить последнего, возникла проблема. Мужчина лежал на полу, тяжело раненный взрывом. Всё вокруг было красно от его крови. Я подхватил его подмышки и начал тащить к выходу. Тут новый «Свободный радикал» — парень в чёрной куртке-бомбере — прибежал от КПП, желая помочь. С лучшими намерениями он схватил беднягу за ноги, от чего тело раненого начало скручиваться. Мы дотащили его до ворот, но он так и не оправился от ран.

Когда я направился от КПП обратно к опустевшей кухне, зазвонил телефон. Это был штаб SAS в Великобритании. Я пытался дозвониться ещё пару раз за последние полчаса, но безуспешно.

— Крис, Крис, ты знаешь, что в Найроби террористический инцидент? — услышал я старшего офицера полка, давнего друга.

— Да, братишка. Я на месте.

— Молодчина, — сказал он после паузы. — Продолжай, держи голову низко и держи нас в курсе.

На том всё. Он знал, что я знаю, что делаю, что я в гуще событий, и обсуждать, стоит ли мне там быть, бессмысленно. Счастливо, что я не дозвонился раньше — тогда он мог приказать не ходить. Но уже поздно.

Я сбросил вызов.

Я оценил обстановку и решил не двигаться к зоне кафе — она была открыта вдоль патио и газона, где, как я полагал, стоял смертник. Вместо этого я встал у двери кухни и, переводя дыхание, сфотографировал телефоном картину разрушений. Я знал, что моим начальникам в Великобритании, кенийским военным и другим ведомствам понадобится эта информация, и фото — лучший способ её предоставить.

На снимке столики кафе стояли на своих местах. Большинство стульев с жёлтыми подушками — тоже. Солонки и перечницы стояли посреди ближайшего стола, рядом с ножами и вилками. Бутылка минералки, бейсболка, перевёрнутый стакан, мобильник, блокнот, футляр для очков. iPad, ещё телефон и ручка лежали на полу.

Но к натюрморту добавилось: пятна крови и осколки стекла повсюду. Под ножкой ближайшего стола — чей-то ботинок, перевёрнутый. А за четырьмя столами — тела погибших. Один сидел спиной к бомбисту: багровые осколочные раны цвели между лопаток его белой рубашки. Другой сполз так низко, что руки касались пола перед головой. Те двое, как и третья жертва, сидели одни, но за последним столом — двое, деливших поздний ланч.
Я ничего не мог сделать для погибших в кафе. Все, кого можно было спасти, либо доползли до кухни, либо выбрались до моего приезда.

На одном краю фотографии — часть тела Ризики, почти наверняка его нога — на газоне у патио, рядом с выжженным кругом. На заднем плане виден парикмахерская на первом этаже здания напротив. Позже я узнал, что здание называется Belgravia, а салон — Amadiva. Фотографии женщин с новыми причёсками в витринах. Модели глядели наружу, невозмутимые резнёй. Слева от входа — слегка надорванный плакат: «We Are Open».

Эта сцена ударила меня под дых. Я почувствовал гнев. И отвращение к трусости того, что здесь было сделано. Молодой человек нажал кнопку и убил безоружных людей, занятых повседневными делами, которые почти наверняка хотели помочь Кении и Сомали. Это лишь укрепило мою решимость найти и уничтожить террористов, всё ещё находившихся там. Мёртвых не вернуть, но я — и любой, кто мог помочь, — мог заставить ответить тех, кто оборвал эти жизни.

К тому времени примерно пять «Свободных радикалов» вышли из КПП и собрались в подсобке рядом с кухней. Я присоединился и начал задавать вопросы, пытаясь понять, как атаковать оставшихся террористов. Самый уверенный — кенийский инструктор по стрельбе индийского происхождения, побывавший при атаке на Westgate.

— Ты знаешь этот район? — спросил я.

— Да, да, знаю, — сказал он с напускным авторитетом.

Он рассказал о разных офисных блоках и компаниях в них. Также просветил о большом здании, к которому примыкал Belgravia и которое тянулось почти вдоль всех газонов напротив кафе.

— Это DusitD2, пятизвёздочный отель, — сказал он.

Он предположил, что это главная цель террористов, но не знал, куда они направились. Затем перевёл разговор на то, что он делал при Westgate, что в тот момент не было для меня приоритетом. Громкие слова, которые не внушили мне ни капли уверенности в нём. Я решил, что не хочу работать с этим человеком. Но пришлось признать, что он и некоторые другие «Свободные радикалы» знают местность лучше меня.

— Так, ладно, нужно начинать зачищать эти здания, — сказал я группе. Я указал на салон и спросил, был ли кто-то там.

— Зачищено?

Никто не знал.

— Значит, это следующая задача, — решил я.

— Пошли, — сказал я разношёрстной группе добровольцев.
Я направился к двери подсобки, готовясь перебежать газон и плитку между углом здания Hanover и входом в салон.

Это был тот манёвр, который я отрабатывал всю жизнь — рывок от одного укрытия к другому — с самого раннего детства, когда играл в лесу рядом с домом на социальном жилье в Нортумберленде на северо-востоке Англии.

ГЛАВА 9. ДЖОРДИ-БОЙ

Хэй-Хэй очень любила Неправильного Волка. Она научила его быть умным, хорошим охотником, хорошим воином и хорошим волком. Вдали от остальной стаи она рассказывала ему истории об эпических охотах или жестоких битвах с другими стаями и о том, как иногда один волк мог изменить всё.
— Кристиан Крейгхед, «Неправильный волк»

Оглядываясь на детство, я не могу поверить в некоторые мрачные вещи, которые происходили. В итоге я хотел стать взрослым как можно быстрее. Не видел никакого смысла в том, чтобы быть ребёнком.

У меня немного хороших воспоминаний из тех лет, и почти все — с одного дня. Мне было одиннадцать, когда Королевские шотландские пограничники — пехотный полк, сформированный в 1689 году — устроили военное шоу в большом загородном доме рядом с моим родным городом в Нортумберленде. Тётя Грейс сказала бабушке: «Я беру Кристиана на военное шоу в Blagdon Hall».

Я был в восторге.

Даже тогда я уже зачитывался журналом Combat & Survival и знал всё о вооружении и военной технике. Я точно знал, какие винтовки будут у солдат, какие боеприпасы и какое оружие будет на стендах.

Мы пошли, и я был на седьмом небе. У меня до сих пор есть фотографии, где я держу пистолет-пулемёт Sterling и лёгкий противотанковый гранатомёт M72 LAW на стенде. На снимках — маленький мальчик, опьянённый восторгом, полностью поглощённый всем вокруг. Я знал о пушках на стендах больше большинства солдат — мог выдать калибры, габариты, дульные скорости, всё такое. Кульминацией стал показательный пехотный бой. В те дни у британской армии ещё были кое-какие средства, и днём солдаты прилетели на вертолётах Lynx и разыграли имитацию боя. Я был заворожён.

Тем вечером, по возвращении к бабушке, был прекрасный закат. Она готовила для меня.

— Кристиан, попробуй вот это, — сказала она. — Это называется «курица по-киевски», и внутри есть такая штука — чеснок.

Я отнёсся скептически, не будучи уверен, что хочу пробовать эту «экзотическую» еду. Но она уговорила. После первого куска я подумал: вау! Это невероятно вкусно. Я умял всё.

— Почему бы не попробовать и вот это? — предложила она потом.

Это был странный фрукт — дыня — и она отрезала кусочек. Я никогда прежде не пробовал и мне очень понравилось. Хороший день. Мой лучший день.

Насколько я знаю, я — результат случайной связи моей мамы Маргарет с парнем, который больше никогда не появился. Был ещё один парень постарше из нашего района по имени Джимми, который говорил, что он мой сводный брат. Мне было всё равно: я никогда не встречал нашего якобы общего отца и не интересовался. Я действительно встретил отца впервые в двадцать три года. Похоже, Джимми был прав: тот был одним из самых плодовитых мужиков 1970-х, так что, если вы из тех краёв и не знаете, кто ваш отец, — мы, вероятно, родственники.

Я родился в сентябре 1975 года в Newcastle General Hospital и жил в красивом городке Морпет в Нортумберленде. Место было неплохое — исторический центр и оживлённая главная улица. Но мой дом был в районе покруче — социальное жилье в High Church, застройка из маленьких краснокирпичных домов конца 1950-х.

У нас был трёхкомнатный домик, который я делил с мамой, её сестрой тётей Грейс и бабушкой Бетти. Мама работала ночами в доме престарелых, а Грейс была соцработником, так что в основном за мной присматривала бабушка. Она практически единолично ответственна за всё хорошее во мне.

За год до моего рождения она потеряла мужа Билла. Он летал бортинженером на бомбардировщиках Lancaster, Halifax и Liberator во время Второй мировой. У меня всегда было чувство, что она видела во мне замену ему.

Бабушка была по-настоящему хорошей, и без неё мне было бы куда тяжелее. Мы были неразлучны, и все в семье знали, как мы близки. Даже

задним числом, зная, что взрослым можно и нельзя делать, я не могу упрекнуть её ни в чём. Она всегда была рядом, всегда поддерживала, всегда помогала. Никакого «у тебя никогда не получится» — никакой той негативности, что я слышал от других. Она дала мне веру в то, что я могу чего-то добиться, что я могу быть кем-то.

Мы говорили о дедушке, был старый фотоальбом с его военных лет, но запоминающихся историй, кажется, было немного. Я иногда играл, воображая себя в экипаже бомбардировщика, как он, но главный интерес был к армии.

Моя одержимость началась после того, как я увидел кусок старого фильма Ричарда Бертона «Дикие гуси» — про наёмников в Африке. С того момента меня затянуло. Это была не просто мечта; это было смертельно серьёзное намерение в детском сознании. Даже маленьким я, кажется, понимал, что это не мимоприходящее увлечение. Это на всю жизнь.

Наша улица, Castle Close, на гребне холма, а по обе стороны — лесистые склоны с ручьём. Сейчас муниципалитет немного проредил кусты, но это всё ещё дикий массив деревьев и зарослей, который я так любил ребёнком.

Я жил в тех лесах. С самого раннего возраста выходил за калитку без присмотра, переходил дорогу — и сразу в лес, играл в войну, или, как некоторые называли, «японцы и англичане». Бегал, воображая военные сценарии — засады, полномасштабные атаки, покушения, плен и побег. У меня был «снайперский» схрон у одной из главных троп, где я залегал в самодельном камуфляже, а люди проходили мимо, не замечая меня. Я старался двигаться бесшумно, как крошечный ниндзя. Я знал каждый дюйм местности, и все ребята в районе знали, что у меня лучшие укрытия и я перемещаюсь между ними незамеченным.

Но когда я был маленьким — а я был тощим заморышем — внимание старших парней было не всегда добрым. По сути, я подвергся уровню пыток и издевательств, за которые в наши дни сажают. Конкретные случаи из детства, которые я опишу, — не самое худшее, что со мной случалось, но единственные, о которых я готов рассказать.

Castle Close разделён тропинкой посередине. На нашей стороне все ребята были намного старше — примерно вдвое, — а на другой — младше. Как все маленькие мальчишки, я всегда хотел играть со старшими. Тем, конечно, было не до меня. Я был застенчивый и худой как щепка. Для них я был в лучшем случае игрушкой, в худшем — занозой. Но иногда всё выходило за рамки.

Мне было около пяти. Летний день, и, как обычно, я спустился в лес искать приключения. Нашёл двух старших парней с пневматической винтовкой — стреляли по банкам и деревьям. Я уже был помешан на оружии и думал: это здорово. Крутился рядом, надеясь, что дадут пострелять.

Но вдруг один из них навёл ствол на меня и в упор выстрелил мне в ногу. Пуля попала в бедро, и боль была невыносимой. Я, наверное, завыл как собака. Я помню мысли: зачем вы это делаете? Зачем? Я ведь хочу быть вашим другом — зачем?

Второй парень взял винтовку, и, так как он был из двоих помягче, я на секунду расслабился. Но он перезарядил, ухмыльнулся и выстрелил — в другую ногу, примерно в то же место. Я уже кричал.

Увидев, что натворили, они поняли, что могут быть в беде. Тон мгновенно сменился. Они начали говорить, что я, мол, тоже часть их банды и надо стерпеть. К дому я уже и сам шутил об этом, и никто особенно не переживал. Психологические шрамы заживали долго, и даже сегодня, когда я загораю, всё ещё вижу следы от первых пулевых ранений. (В SAS я заработал куда более серьёзное.)

Ещё один случай, врезавшийся в память: парни заманили меня в лес, сказав, что будем играть в Бэтмена и Робина. Мне достанется роль Джокера — звучало заманчиво. Но они впихнули меня в старый мешок, завязали и начали швырять и бить. Я падал на твёрдую дорожку, меня кидали об остролист. Я не мог видеть и едва дышал. Я был до смерти напуган.

Когда я рассказал это парням в SAS, один спросил:

— А как ты выбрался?

— Когда они подожгли мешок, — объяснил я.

После подобного я приходил домой в синяках и ушибах и рассказывал бабушке и маме. Они, конечно, переживали, но мало что могли сделать. Я стал считать это нормой и не настаивал, не искал справедливости. Услышав это, один из парней в SAS подытожил: «Вот поэтому Крис такой, какой есть». Он имел в виду мою репутацию вспыльчивого человека, не спускающего никому.

Детство научило меня распознавать хулиганов, и вскоре я перестал их терпеть. Я научился отвечать ударом на удар и не только стоять за себя, но и за тех, кто не мог постоять сам.

Мама была близка мне, когда я был маленький, и я очень её любил. Всё покатилось под откос, когда мне было семь и она вышла за Кева, работавшего на местной фабрике и стройках. Мы переехали с ними в другой дом в городе, но, поскольку мама работала ночами, я по-прежнему три ночи в неделю спал у бабушки.

Я ненавидел Кева и ненавижу по сей день. Не оглядываюсь и не думаю: «Да, понимаю, почему он так делал». Считаю его полным мудаком, слабым человеком и неприятной личностью. Он, думаю, тоже меня не долюбливал. Но в одном он был для меня полезен: я смотрел на него и думал — когда вырасту, никогда не буду таким, как ты.

Наш новый дом был в более крупном и тогда куда более жёстком районе — Stobhill. У меня был там один хороший друг — Томми, и я приписываю ему и его брату свою пожизненную физическую форму. У них были велосипеды. У меня — нет, и я просто бегал с ними. Они ехали по району или уезжали подальше, а я бежал рядом и разговаривал. В конце концов Кев раздобыл мне потрёпанный велосипед. Я был на седьмом небе. Приехал к Томми показать — а тот с братом: «А, Крис, мы больше не катаемся на велосипедах». Они переросли. Сволочи.

В аллеях Stobhill царила атмосфера гладиаторской арены — нужно было уметь за себя постоять. Поскольку я был не из тех мест, меня регулярно преследовали и приходилось драться. Будучи маленьким — в хороший день я росту метр семьдесят восемь, — я чувствовал, что не могу навязать волю словом. Приходилось доказывать силой. Это проявилось впервые, когда я ударил школьного забияку в лицо и разбил ему губу. Он выхватил книгу у меня из рук, а я стерпеть не мог.

После почти двух лет в Stobhill мама, Кев и я вернулись в High Church, неподалёку от бабушки. В первый же день в начальной школе в конце лета 1984 года, когда мне было восемь с небольшим, случилось одно из худших событий детства. На этот раз — не просто насилие, а пытки.

По дороге домой через лес меня заметили два парня. Я знал, что оба недавно вышли из колонии для малолетних и их нужно обходить. Один был на четыре года старше, другой — на два.
— Эй, сынок, — окликнул один, — куда идёшь?

— Никуда, — прошептал я, сердце колотилось. — Просто домой.

Один подбежал сзади и ударил так сильно, что я упал. Потом прижал к земле. Оба начали бить, прижигать зажигалкой, стегать и мазать мне лицо

собачьим дерьмом. Это не было мимолётной атакой. Длилось больше двух часов, показавшихся вечностью, и я чувствовал себя абсолютно беспомощным. Даже один из них был слишком силён для меня. Я не мог пошевелиться или дать отпор. Я испытал глубокую скорбь и уязвимость. Я столкнулся со злом лицом к лицу.

Дома я был в истерике. Мама так расстроилась, что пошла искать обидчиков. Вернулась ни с чем. Кев сделал символическую попытку — и на том всё.

Я благодарен, что это случилось со мной, а не с кем-то другим. Я уже бывал в такой ситуации раньше. Я мог это вынести. После этого отбор и подготовка в спецназ казались ничем в сравнении.

Годами позже я отомстил одному из них. В увольнительной из армии я шёл в город у старого суда и увидел этого типа — тогда ему было под тридцать — на BMX-велосипеде. Дешёвый грязный спортивный костюм, заправленный в белые носки. Я сразу узнал этого подонка. Схватил его за горло, когда он проезжал мимо, и впечатал в ограду.

— Какого чёрта? Что ты делаешь? За что? — он умолял. Он так и не понял, кто я. Хорошо наваляв ему, я ушёл и оставил на земле.

К двенадцати годам мне повезло, что я сам не загремел в колонию. Если кто-то представлял угрозу, я сразу переходил к насилию. Стоял как-то в очереди в школе — кто-то кинул в меня что-то и ухмыльнулся. Как будто поджёг фитиль. Я развернулся, подошёл и боднул головой. Бах. Он плакал и шатался, а я пошёл на урок.

— Эй, Крис, — крикнул кто-то, — знаешь того, кого ты боднул? Его увезли на скорой.

Он смеялся, и я думал, что шутит. Но тот рухнул после того, как я ушёл, и попал в больницу с тяжёлым сотрясением. Поняв, что натворил, я пошёл прямо к директору. Мне не нужно было объяснять, насколько это серьёзно. Я не гордился сделанным; понимал, что может поставить под удар план военной карьеры. Меня до сих пор продирает при воспоминании.

Впрочем, часть меня рада, что я это сделал. Я получил урок — но и тот заносчивый мудак тоже.

Бабушка умерла, когда мне было тринадцать. Это был большой удар, и с того момента я чувствовал, что остался один.

В четверг вечером я зашёл к бабушке. Она помогала мне готовиться к школьному походу на выходные в холмы Чевиот на шотландской границе. Пришивала заплатку на мой камуфляжный пиджак, но получилось не очень аккуратно. Я, будучи перфекционистом, особенно насчёт любимого боевого пиджака, завёлся — кричал, что она всё испортила. Она ответила как есть.

В пятницу утром, уезжая на школьную поездку, я поцеловал её и сказал, что люблю.

В воскресенье после полудня, вернувшись, позвонил и сказал, что не зайду вечером, как обычно, — останусь у мамы. Зайду завтра.

— Я люблю тебя, — сказал я.

— И я тебя, — ответила она.

Через пару часов маме позвонили: у бабушки случился сердечный приступ. Мама бросилась в больницу, а я остался с Кевом. Я был вне себя. Желая что-то сделать, я в слезах побежал в город и встал на дороге у церкви Святого Андрея, где над арками ворот — каменный крест.

Я поднял глаза и взмолился к Богу: «Пожалуйста, пожалуйста, не забирай её у меня», — повторял я снова и снова.

Но ни Бог, ни врачи ничего не могли сделать, и в тот момент, когда мы с Кевом приехали в больницу Ашингтона, она умерла.

Даже сейчас, со всем опытом, я смотрю на бабушку с благоговением. Она — идеальный пример того, как замечательные люди живут среди нас и чаще всего это остаётся незамеченным.

Не думаю, что я когда-либо пережил её смерть, и вспоминаю её каждый день. Хотя мы помирились после ссоры, я всегда говорю людям: никогда не будьте злыми с теми, кого любите, — никогда не знаешь, когда можешь их потерять.

Пока другие в школе начинали прогуливать, я никогда этого не делал. Бабушка вложила в меня определённые ценности, и большую часть времени я уважал учителей. В средней школе у меня была скверная концентрация, и характеристики в ранние подростковые годы были ужасными. Учитель математики написал: «Если бы я описал Кристиана как ленивого, это было бы огромным преуменьшением». Мне стыдно, но это подстегнуло меня, и я всегда гордился своей рабочей этикой как солдат.

К четырнадцати я начал понимать, что образование важно. Я был в классах для отстающих и считался безнадёжным, но с тех пор засел за учёбу. Пытался наверстать, но когда сдавал GCSE — большинство были на «D», кроме классической цивилизации и географии, где были «B».

Я понял, что к этому возрасту успехи в государственной школе практически определены и поздно что-то менять. Меня точно не считали достаточно способным для английской литературы или языков, но в SAS я довольно прилично освоил дари и пушту и использовал их на оперативном уровне в Афганистане.

Тогда мне нужно было что-то, в чём я мог бы по-настоящему преуспеть. Я нашёл это на плацу.

ГЛАВА 10. НАЙТИ СВОЙ ПУТЬ

Рождённый проигрывать.
Живущий, чтобы побеждать.
— Лемми Килмистер

Спас меня молодёжный корпус в моём родном городе — Army Cadet Force.

Я записался в местный отряд в двенадцать лет, соврав про возраст — нужно было тринадцать. Я обожал быть кадетом: это значило для меня всё, и я не пропускал ни одного учебного вечера — каждую среду и пятницу после школы.

Армейские и авиационные кадеты базировались в двух зданиях у реки. В семь вечера женщина, которую мы знали только как миссис Эйч — кажется, её звали Бетти, — проводила осмотр, проходя вдоль строя. Она занимала эту роль годами. В хороший вечер нас было больше двадцати; в плохой — меньше десяти.

У кадетов были «новобранец месяца», «кадет месяца» и «сержант месяца». Всё строилось на внешнем виде и выправке. Бабушка научила меня правильно гладить форму и начищать ботинки до блеска. С первого дня я выигрывал «новобранца месяца» каждый месяц, пока перестал быть новобранцем. Потом «кадета месяца» каждый месяц, пока стал сержантом, и «сержанта месяца» каждый месяц, пока не ушёл в армию. Никто никогда не сбивал меня.

После осмотра миссис Эйч были занятия по полевой подготовке, лекции по военным знаниям и истории полков. Когда подрос, я сам планировал и проводил занятия. Раз в месяц стреляли из пневматики на импровизированном тире. Время от времени уходили в местный лес на «учения». Сегодня это, наверное, полностью незаконно в эпоху техники безопасности, но тогда это было моим любимым занятием. Мы бегали, отрабатывая секционные атаки и засады.

Все видели, что я настроен предельно серьёзно. Не шутил. Все ожидали, что я пойду в армию, конкретно в SAS. У меня был такой аура — и прочие кадеты прозвали меня по своим ожиданиям от моего будущего.

— «Томата сасс», он будет в SAS, когда вырастёт, — говорили они. (В Британии SAS часто называют «сасс», а кетчуп — «томатным соусом».)

Однажды на дне армии капрал из Фузилёров, проводивший мероприятие, сказал, что тоже думает, что я буду в SAS. Внутри я пылал от гордости. Но вслух говорил мало. Моя линия была: «Я хочу быть в Парашютном». И я придерживался её.

Семья, напротив, не верила, что я смогу. Считали слишком щуплым. Справедливости ради, я никогда не выглядел классическим воином из комиксов — ни тогда, ни сейчас. (Актёр Мэл Гибсон недавно описал меня как «похожего на банковского клерка».) Интересно, что те, кто попадает в SAS, — в основном люди, которых скорее примут за бухгалтеров, чем за обученных убийц. Это люди, носящие свою силу легко — лучшие волки в овечьей шкуре, на мой взгляд.

Из-за семейного скепсиса я параноидально относился к весу и постоянно пытался есть больше, чтобы набрать массу. При этом был фанатиком физо, и с поступлением в кадеты вставал рано, клал кирпичи в рюкзак и бегал. Сейчас это считается не лучшим методом, но я говорю: чушь; это подготовило меня к боевым нагрузкам на всю жизнь.

Примерно тогда же я начал любить чтение. Нашёл в местном книжном книгу «Anders Lassen VC, MC of the SAS» Майка Лэнгли. Солдат из Дании, Лассен получил три Военных креста и Крест Виктории и погиб в бою в Италии в 1945 году. Он воплощал дух сил специального назначения, и я проглотил каждое слово. С тех пор я постоянно был в книжном в городе — у них был хороший военный отдел — и читал всё об армии и Парашютном полке, что попадалось под руку.

Под влиянием Лассена — и не говоря взрослым в кадетах — я тайно сформировал маленькое рейдовое подразделение. Нас было шестеро. Я был командиром и отбрал лучших в кадетах.

Мы делали свои тренировки по физо, отрабатывали атаки и переправы через реки, не осознавая, насколько опасно это было. Тренировали сопротивление допросу: один — с завязанными глазами, должен был не выдать ничего за минуту, а остальные его били, роняли зажжённые спички и делали прочее, от чего сейчас содрогаюсь.

Тогда всё это казалось хорошей идеей — подготовкой к карьере в спецназе.

Причина, по которой я говорю, что кадеты спасли меня: они дали мне фокус в тот момент, когда многие ребята, с которыми я дружил, начали курить, употреблять наркотики и прогуливать школу. Именно в этой точке кадеты заполнили пустоту. Дали место, куда идти, и занятие, которым можно наслаждаться. Без них я был бы потерян.

Мама, кажется, никогда меня не понимала. Не понимала, кто я, — и до сих пор не понимает, — и почему меня поглотило всё военное. Постоянно шли разговоры о том, что у меня нет девушки и почему на стенах комнаты — фотографии самолётов и оружия. Мама и её подруги считали, что у меня нездоровая одержимость ядерным оружием и подводными лодками — что, честно, наверное, так и было.

Отношения ухудшались по мере взросления. Когда мне было тринадцать, она оставила меня с Кевом — а сама переехала к другому мужчине. Я застрял с человеком, которого полностью презирал. Он говорил, что обеспечит едой, но готовить, убирать и делать всё по дому — моя забота к его возвращению.

Я научился терпеть. «Чтобы ладить — нужно идти в ногу». Помогло то, что у Кева появилась подруга, и он был у неё. Я проводил, наверное, 90% времени дома один. Я был по-настоящему одинок: никакой поддержки семьи, я научился справляться сам. В шестнадцать я ушёл в армию, но в увольнительной всё ещё жил у Кева. К началу двадцатых мы стали довольно близки. К концу двадцатых я стал видеть его реже — начал понимать, насколько тяжёлым было моё детство. В конце концов прекратил всякое общение.

С мамой похоже. Большую часть взрослой жизни я редко её видел. Годами пытался быть на связи, звонил, но при попытке обсудить что-то серьёзное — всегда «да, ладно, мне пора». Я люблю маму, как сын должен, но сейчас не вижусь с ней вовсе. Достиг возраста, когда можно оглянуться и подумать, что бы я сделал на её месте, — и я не впечатлён. Хотя хотел бы верить, что она делала, что могла, с тем, что знала. Но в моей жизни она не была силой к добру.

Если у мамы были недостатки, то о тёте Грейс и её муже Фрэнке можно сказать обратное. Они всегда были добры ко мне. Когда Грейс умерла от рака незадолго до моей поездки в Кению, она призналась, что её главная жалость — что они с Фрэнком формально не усыновили меня и не забрали к себе и двум их дочерям. Темноволосая и привлекательная, Грейс была очень ласковым человеком — не помню, чтобы она хоть раз повысила на меня голос. Она всегда знала, что происходит, и я узнавал от неё не меньше, чем в школе. Лежа в больнице в Ньюкасле, она сказала, что то, что происходило со мной в детстве, следовало сообщить в социальные службы, и все были виновны в том, что закрывали глаза.

Я сходил с ума внутри. Это было подтверждением всего пережитого. Но слышать, как она это говорит, было невыносимо. Я не хотел, чтобы она тратила последние вздохи на извинения за то, в чём не была виновата.

Она также говорила о страхах её и Фрэнка: что было бы со мной, не попади я в армию.

— Ты был настолько целеустремлённым с раннего возраста, это было бы катастрофой, если бы не вышло, — сказала она. Я мог только согласиться.

Дядя Фрэнк был ближайшим к отцу. Как и жена, он заботился обо мне и помогал, когда мог. Он был из Дагенама в восточном Лондоне — немного другой, чем обычные джорди (прозвание жителей северо-востока Англии), — и был старшиной на флоте. Он привил мне регби, зная, что я увлечён физо для поступления в Парашютный полк.

Регби стало большим делом в подростковом возрасте. Я играл за местный клуб. Маленький, я всегда старался сразу же уложить кого-нибудь покрупнее. Несмотря на вспыльчивость, ни разу не подрался на регбийном поле. Обожал его. Одно время тренировался или играл за Ashington RFC каждую неделю, за школьную команду в субботу утром и за молодёжное регби в воскресенье.

Когда я попал в Парашютный полк, капитан регбийной команды был из моего города, знал мою семью и что я играл за клуб. Он решил, что я стану отличным пополнением для полковой команды.
— Крис, здорово, что ты с нами, — сказал он. Он прогнозировал, что я попаду в первую команду армии. Но мне было не интересно. Я пришёл в Парашютный полк учиться солдатскому делу и убивать врагов в защиту королевы и страны. Вот на чём я хотел сосредоточиться. Не собирался тратить время на регби.

Я подал заявление в армию в шестнадцать — раньше нельзя. Не сказав никому, куда иду, поехал на автобусе в армейский вербовочный пункт в Ашингтоне. Зашёл и сказал, что хочу стать солдатом-юношей.

— Итак, Кристиан, в какой полк ты хочешь? — спросил безупречно одетый сержант-вербовщик.

— В Парашютный полк.

Он смерил меня взглядом — и я видел, что считает меня не по зубам. Маловат, маловат, и, наверное, не выглядит достаточно крутым.

— Послушай, не уверен, что это правильный путь для тебя, — сказал он.

— Меня интересует только Парашютный полк, — ответил я, не дрогнув. Хотя обычно я застенчив, в этом — вопрос всей жизни — я был непреклонен.

— К нам приходит много парней, которые хотят прыгать с парашютом, но большинство не проходит — не тянут. Есть и другие варианты — Королевский корпус связи, например, это может тебе подойти.

— Нет, сэр. Меня интересует только Парашютный полк. Только он.

Он вздохнул, будто говоря: «Вот упёртый». С видом обречённости велел прийти на следующей неделе на тест на способности.

Я пришёл и сдал блестяще. Вербовщики удивились.

Я знал, что для Парашютного полка хороший результат даже не требуется.

Настало второе собеседование.

— Крейгхед, ты отлично справился, — сказали мне. — Мы направляем тебя на обучение в Королевский корпус связи — это большое достижение, парень. Молодец.

— Нет, — возразил я. — Меня интересует только Парашютный полк.

Они снова попытались отговорить — рассказали, как хорошо платят в Связистах. Не сработало. Тогда сказали, что в Парашютный — очередь, в десятую годовщину Фолклендской войны, и ждать около года.

— Ничего. Подожду, — сказал я.

Через неделю позвонили: я всё-таки иду в Молодые Парашютисты, на базу Pirbright в Суррее, недалеко от Лондона. Попытки затащить меня в другой полк провалились — они поняли: или Парашютный, или никак. Мне предстояло явиться в первую неделю сентября — за неделю до семнадцатилетия. Я всё ещё был в школе, но теперь наконец видел путь из детства в организацию, о которой мечтал, к которой готовился и говорил о которой годами.

ГЛАВА 11. ВРЕМЯ ДЕЛАТЬ ГАНГСТЕРСКУЮ РАБОТУ

Истинная храбрость — не пойти в опасное место впервые; а вернуться добровольно, зная, какие риски ждут.
— Эд Горман, «Смерть переводчика»

«Свободные радикалы» шли за мной из подсобки здания Hanover. Прошёл примерно час с начала атаки, и нужно было двигаться.

Хотя мы уже успешно эвакуировали всех раненых из кухни Secret Garden, я тогда не знал, что наверху в здании прячется ещё немало людей.

Позже выяснилось, что двое стрелков, убивших человека у главного входа, затем вошли внутрь в поисках новых жертв. В это время офисные работники с верхних этажей спускались по главной лестнице, пытаясь убежать после взрыва и стрельбы.

Стрелки открыли огонь, заставив их отступить наверх, но чудесным образом никого не задев. Двое из намеченных жертв — мужчина и женщина — не смогли подняться из-за давки. Вместо этого они забежали в офис на первом этаже и попытались спрятаться.

Стрелки «аш-Шабаб» заметили их, и им оставалось только пригнуться под столами. Ворвавшись в офис, террористы ходили между рабочими местами, ища пару, но торопились. Не проверили все столы и пространства между ними — и прошли мимо. Вскоре после этого ушли.

Остальные на лестнице воспользовались передышкой и поднялись на четвёртый этаж. Выбежав из офиса первого этажа, террористы бросились за ними. Но некоторые работники знали то, чего террористы не знали: на четвёртом этаже был шкаф, укреплённый как сейфовая комната с пуленепробиваемой дверью. Когда они закрыли за собой дверь, боевики дали по ней длинную очередь, но не смогли пробить. Эта дверь спасла им жизни. Люди пролежали в шкафу три с половиной часа, друг на друге. Они были там всё время, пока мы выводили людей из кухни кафе.

— Пошли, нужно продолжать, — крикнул я «Свободным радикалам». Затем вышел из здания Hanover и направился через газон к парикмахерской в здании Belgravia.

Почти сразу — громкий стук автоматной стрельбы, за ним длинная очередь. Адреналин ударил по нервной системе. Сначала пули били в землю; потом дуги ушли влево, в кафе.

Это типичный неконтролируемый паттерн АК-47 в автоматическом режиме — отдача тянет огонь вверх. Я был уверен, что по мне стреляют с крыши отеля DusitD2, который примыкал к зданию Belgravia.

«Свободные радикалы» шарахнулись обратно в дверной проём, оставив меня одного. Они не пойдут со мной. Я вспомнил классическую фразу Тони Сопрано: «Все гангстеры, пока не пришло время делать гангстерскую работу».

Мне нужно в этот салон, сказал я себе. Но позиция открытая.

Пока я бежал к углу Belgravia, заметил, что у КПП собралось гораздо больше людей. Убедившись, что меня не видно с крыши отеля, я вернулся к КПП и попросил четыре добровольца для зачистки зданий.

Но все кенийцы были единодушны: по словам вооружённых полицейских у ворот, никого не пускают.

— Нет, босс, у нас нет разрешения, — снова этот припев.

— Послушайте, нужно продолжать, — настаивал я. — Я думаю, знаю, где могут быть террористы, дайте мне четыре ствола. Нужно держать инициативу, нужно давить.

Никто, включая тех, кто был со мной в подсобке, не собирался рисковать. Я почувствовал вспышку гнева.

— Ладно, — сказал я. — Я иду. А вы все идите к черту.

Я преодолел короткое расстояние обратно к углу Belgravia, остановился и рванул к дверям салона.

Неподалёку, как выяснилось, был полицейский — хотя я его не видел. Я знаю о нём только потому, что на самом культовом фото того дня я стою у салона, а он — за углом здания, вне моего поля зрения. Это был боец GSU — парамилитарного крыла кенийской полиции, созданного в 1940-х при британском правлении. GSU комплектуется хорошо обученными офицерами, участвовавшими во многих конфликтах. Они выглядят как обычные солдаты — бордовые береты или зелёные каски, камуфляжные

брюки, бронежилеты, тяжёлые чёрные ботинки. Обычно с АК-47, иногда с Heckler & Koch G3 или пистолетами-пулемётами.

У открытого входа в салон я не замешкался — не хотел, чтобы в меня снова стреляли с крыши. Но и не знал, есть ли внутри террористы. Чтобы не нарваться на шквал пуль, я взял светошумовую гранату — оружие, производящее серию громких хлопков, чтобы отвлечь или дезориентировать на секунду-две.

Поехали, подумал я, обхватив пальцами цилиндр. Выдернул чеку, бросил снизу внутрь и услышал, как он стукнул и заскользил по плитке. Затем раздался первый из шести громких хлопков, оглушительный в жёсткой акустике.

После третьего хлопка я ворвался и сразу начал агрессивно сканировать пространство. Крутился, ствол и глаза работали вместе, двигаясь от стены к стене. Зная свою уязвимость как одиночного бойца, я решил постоянно двигаться и не быть статичной мишенью.

Меня удивил размер салона — футов тридцать в длину, с зоной ресепшен и серией боковых комнат и альковов. Чувствовалось — дорогой салон: стильное освещение и современный дизайн. «Расположенный в тихом месте, Amadiva даст вам совершенно новое представление о визите к парикмахеру», — гласил промо-текст. Как верно.

Секунд через тридцать после моего входа двое GSU с АК появились в дверях.

— Чисто! Чисто здесь! — крикнули они.

— Откуда вы знаете? Какого чёрта вы знаете? Здесь не чисто, — отрезал я.

Они не оценили.

— Не смей так со мной разговаривать! — рявкнул один.

Мы начали не с лучшей ноты. Но мне нужно было заставить их видеть по-моему. Салон выглядел пустым, но внутри было множество закрытых дверей. Это не чувствовалось правильно. Я дал понять: мы не будем спорить — командую я, и это не обсуждается. Сказал что-то вроде: «Демократия кончилась, или в строй, или с дороги».

Обменявшись любезностями, я объяснил, кто я, и как мы можем работать вместе. Заметил, что эти двое хорошо одеты и уверены с оружием — обоим лет по тридцать. АК указывали, что они из нижних эшелонов GSU, но это не имело значения. Они — кенийская полиция, и их присутствие поможет с гражданскими. Эти двое подойдут, решил я, с ними можно работать.

Первым делом нужно зачистить салон — я был убеждён, что за дверями кто-то есть. Странно, как инстинкт чувствует присутствие, даже если не видишь и не слышишь.

Я просто знал, что там люди.

Не мог и представить, сколько.

ГЛАВА 12. ДЖАМБО!

Умеренная сила проявляется в насилии, высшая сила — в лёгкости.
— Г. К. Честертон, «Человек, который был Четвергом: Кошмар»

Я попробовал ручку. Заперто.

Приложив палец к губам, я жестом велел двоим GSU молчать и прижал ухо к двери. Уловил шёпот. Постучал — жёстко, по-полицейски.

— Эй, эй, силы безопасности! — крикнул я. — Кто там? Выходите. Выходите.

Отступил, ствол вверх. Ничего. Снова забарабанил.

— Я знаю, что вы там. Не бойтесь — мы силы безопасности. Выходите. Выходите.

Всё время я думал о защите гражданских и о том, чтобы не причинить вреда, помогая. Но выхода не было — нужно проникнуть.

— Если вы за дверью, отойдите, — крикнул я, — потому что я захожу.

Встал спиной к косяку и ударил пяткой левой ноги — «ослиный пинок». Так ты остаёшься вне линии огня, а удар сильнее, чем прямой.

Дверь с грохотом распахнулась. Я развернулся, ствол вверх. Шесть человек — мужчины и женщины.

— Все, руки вверх! — крикнул я.

Кто-то поднял, кто-то нет.

Я прибавил громкость.

— Руки вверх, блядь! — заорал.

Когда они подняли, я схватил ближайшего.

— Здесь есть плохие? Плохие здесь? — спросил.

— Нет, нет, нет, — сказал он, голос дрожит. — Мы здесь работаем.

Быстро обыскал и передал в центр комнаты, где ждали GSU. Они тут же повели его к выходу.

— Нет! — крикнул я, поняв их замысел. Я боялся, что его застрелят с крыши отеля. — Держите его здесь.

Остальных собрал в главном зале и нашёл большую комнату для содержания. Затем — к следующей двери. Снова шёпот, снова стук и снова выбитая дверь. Вывели и этих. Продолжили.
Так шло и шло. Люди прятались в кабинетах, туалетах, подсобках. У каждой двери я уверял, что бояться нечего. Они слышали мой английский акцент, а когда я стянул балаклаву — успокаивались, ибо наверняка знали или предполагали, что террористы — сомалийцы. Хотя я был вооружён, я не выглядел и не звучал как боевик «аш-Шабаб».

Когда я вошёл в салон, казалось, что там никого. В итоге мы нашли около 150 человек. Не потому, что Amadiva — самый популярный парикмахер в Кении, а из-за расположения в комплексе. Пока некоторые, возможно, работали в салоне, большинство — персонал отеля или офисные работники, бежавшие к КПП и свернувшие внутрь при звуках стрельбы.

Теперь нужно было всех вывести.

— Так, — сказал я бойцам GSU. — Я выйду, подниму ствол и прикрою вас.

У меня самое точное оружие и, полагаю, лучший глаз.

— Я прикрою направление, откуда стрельба, а вы берёте по одному человеку и ведёте к воротам. Как только отправите — возвращайтесь. Понятно?

Они кивнули.

Я повернулся к гражданским.

— Так, вот что будет, — сказал. — По двое за раз, мы выведем всех. Эти ребята вас проводят. Всем ясно?

Они выглядели травмированными, но не возражали.

Первых двух подвели к двери. На дорожке снаружи лежали крупные куски плоти от взрыва смертника — не самое обнадёживающее зрелище для перепуганных людей.

— На старт, пошли! — скомандовал я и вышел, ствол вверх, готовый открыть огонь.

Двое GSU вывели первых двоих, свернули налево к КПП. Без происшествий. Вернулись через несколько секунд.

Сработало, но я видел, что это надолго. Я уже хотел изменить схему, когда женщина промчалась мимо меня из салона — без сопровождения. Она свернула направо, к отелю, откуда шла стрельба. Я успел схватить её.

Видимо, запаниковала и решила: нужно выбраться сейчас. Если она пряталась в салоне всё время, могла ошибочно решить, что угроза — у КПП, а не в сторону отеля. Напомнило мне, какие они были на взводе.

— Все оставайтесь внутри, — рявкнул я, провёл её мимо дверей и сам побежал с ней к КПП. На фото видно, как я держу её за руку, пробегая мимо «Свободных радикалов».

Вернувшись в салон, я объяснил GSU, что нужно выводить группами — иначе слишком долго.

— Ладно, босс, — сказали они.

— Так, — обратился я к гражданским. — Будем выводить группами. Не волнуйтесь, всё безопасно. Просто бегите и идите за человеком впереди. Договорились?

После нескольких групп начался хаос. «Свободные радикалы» ворвались в салон и начали орать «выходите, выходите», вызывая истерику.

Я рявкнул на них:

— Заткнитесь! Заткнитесь, блядь! Я инструктирую людей, и они знают, что мы делаем.

Подействовало. Но момент был поучительным: напомнило, что хотя некоторые из этих добровольцев и помогали, они могли быть и опасны — не только потому, что обращались с оружием, к которому не были готовы. Нужно было присматривать и не позволять усугублять.

Я пересчитал следующую десятку, вывел к двери и приставил одного из GSU.

— Три, два, один, пошли!

И они побежали. Я прикрывал, как прежде, и следил, чтобы все бежали в правильном направлении. Затем возвращался за следующей.

— Давайте, давайте, давайте…

Они пробегали открытое пространство между зданиями. В итоге, с помощью «Свободных радикалов», мы вывели всех. Я побежал с последней группой к КПП, а затем вернулся в салон с двумя GSU. Там нас ждали четверо «Свободных радикалов». Обсудив, решили двигаться к самому отелю.

Мы шли, пригнувшись, зная, что зона всё ещё опасна, и свернули в крытый проход через Belgravia. Он вёл к многоэтажной парковке на другой стороне здания — для гостей и персонала. Проход был зловеще пуст, и мы продвигались мучительно медленно. Все были напряжены, ожидая взрыва насилия в любой момент. Тот «Свободный радикал», что раздражал меня хвастовством Westgate, лаял бессмысленные приказы, пока мы двигались как команда. Я недвусмысленно велел ему заткнуться.

У первого этажа парковки я услышал тяжёлые шаги за спиной. Развернулся, готовый открыть огонь. Двое GSU, оставшиеся позади, догнали нас.

— Мистер Крис, мистер Крис, там ещё гражданские, — крикнул один.

— Где?

— В последнем здании, босс, но наверху.

— Хорошо, пошли, — ответил я.

Я крикнул «Свободным радикалам» — те не отреагировали — что иду с GSU, и побежал обратно. С ними мне было комфортнее. Мы прошли через дверь и вверх по лестнице в коридор над салоном, с офисами по сторонам. Один из GSU потянул меня к кабинету с большим столом.

— Там, там, под столом люди, — прошептал он.

Слышен был плач. Они, наверное, думали, что мы пришли убивать.

Кабинет был достаточно мал, чтобы зачистить из коридора. Убедившись, я представился способом, который тогда казался хорошей идеей. Перебежал комнату и в одно движение скользнул под стол.

Четыре женщины. Они закричали хором.

— Джаааамбо! — воскликнул я. Добавил «Хабари!» — «Как дела?» на суахили. Снял балаклаву. Я посмеивался.

Они уставились на меня в шоке, будто я с Марса.

Понимаю их реакцию. Моё поведение отражало то, что я знал: комната чиста и люди в безопасности. Я также знал, что они, скорее всего, оцепенели от ужаса и с ними может быть трудно, после всего услышанного. Я пытался начать с юмора, но, оглядываясь, это был, возможно, не лучший способ.

— Не волнуйтесь, всё хорошо, всё хорошо — мы силы безопасности, мы выведем вас, — сказал я, отчаянно пытаясь успокоить. Женщины не знали, смеяться или плакать, но, слава Богу, скоро засмеялись.

— Вау! Вы нас напугали, — сказала одна.

— Теперь всё хорошо, — сказал я, хлопнув её по руке. — За нами, мы выведем вас.

Они поднялись, отряхнулись.

— Пошли, — сказал я, и мы вывели их из офиса, вниз по лестнице, мимо салона и направили к КПП.

Кто-то может спросить, зачем не только находить спрятавшихся, но и выводить их. Понимаю беспокойство. Всегда есть риск: при эвакуации можно подвергнуть людей большей опасности. Есть опасность открывать запертые двери, за которыми могут быть вооружённые паникёры. И «Свободные радикалы» — тоже угроза; при Westgate гражданские гибли от рук нервных добровольцев.

Мой подход — оценивать уровень риска. В каждом случае я решил, что безопаснее вывести людей окончательно, чем оставить. Если среди спрятавшихся есть раненые — им нужна помощь. Нет способа узнать, где появятся боевики. Эвакуация убирает их из зоны опасности навсегда, а спрятанными они могли бы оставаться часами или днями. Зачищенные

комнаты сужают пространство для боевиков. И всегда есть вероятность террористов среди жертв или пыток за запертыми дверями.

Многоэтажная парковка рядом с отелем будет моей следующей целью.

ГЛАВА 13. ОТВАЖНАЯ ШЕСТЁРКА

Хороший план, яростно выполненный сейчас, лучше идеального плана на следующей неделе.
— Генерал Джордж С. Паттон

Парковка состояла из тринадцати этажей, последний — открытая крыша, тоже использовалась для парковки. Здание примыкало к отелю и давало террористам хороший обзор сверху по всем направлениям. Моя мысль: кто-то должен зачистить его, я здесь — давайте сделаем это быстро.

На противоположной от Belgravia стороне парковки стояло офисное здание Cavendish. Один из главных арендаторов — финансовая технологическая фирма Cellulant. Компания занимала комнаты на пятом и шестом этажах. В день атаки сто сотрудников работали там, разрабатывая банковские приложения, онлайн-платежи и другие продукты для финансового сектора.

Когда взорвался смертник, у Cellulant шло командное совещание под руководством Джеремайи Мбарии и Эшфорда Курии. Поняв, что происходит что-то опасное, Мбария и Курия начали выводить сотрудников из офисов и здания через аварийную дверь.

Восемьдесят три человека выбрались этим путём незамеченными. Но когда последние семнадцать пытались выйти, их заметили двое боевиков «аш-Шабаб». Эта группа, включая Мбарию и Курию, бросилась обратно в Cavendish и лихорадочно искала укрытия, пока террористы бежали следом.

Шестеро, включая Мбарию, укрылись в маленькой комнате под лестницей на первом этаже. Остальные одиннадцать, включая Курию, поднялись на пятый этаж и спрятались в двух туалетах. Боевики поднялись следом и ворвались в один из туалетов. Они вытащили Курию и казнили его. Невероятно, но остальных, прятавшихся рядом, они не заметили.

Затем террористы спустились обратно — их шаги были отчётливо слышны шестерым, прятавшимся внизу, — и через несколько минут обнаружили и ту группу. Вместо того чтобы сразу убить, сомалийцы представились сотрудникам как бойцы «аш-Шабаб», а затем застрелили пятерых. Но одна женщина выжила. Bremarkable акте героизма, когда боевики открыли огонь, Мбария и четверо других мужчин закрыли её собой, и как то она осталась незамеченной в давке тел.

В официальном Твиттере компании четыре дня спустя под заголовком «Отважная шестёрка» был опубликован трибьют: «Они поставили жизни на линию в истинном акте лидерства, самоотверженности и храбрости, чтобы спасти жизни своих коллег».

Курия был молодым, исключительно ярким человеком, руководившим разработкой продуктов в Cellulant и также неофициальным документалистом компании. Его описали как «законченого гика», знающего, казалось, всё на свете — до такой степени, что это было «смешно». Мбария — ещё один талантливый молодой человек, недавно принявший руководящую роль. «Он брал на себя ответственность лидера очень изящно и вёл примером», — отмечала компания. Кельвин Гитонга был описан как «интеллектуальный и разносторонний» инженер. Уилфред Кареити — «энергичный» и «счастливый» человек, управлявший проектами компании в Малави, Мозамбике, Руанде и Нигерии. Джон Ндири́ту — тестировщик качества assurance, «всегда готовый сделать дополнительный шаг, когда просят». Денис Мваники — эксперт по информационной безопасности, описанный как «любопытный исследователь, стратегический мыслитель, джентльмен и образцовый лидер». Его считали одним из лучших IT-специалистов Кении.

Все они лежали мёртвые там, где их застрелили, в нескольких ярдах от того места, где мы с двумя бойцами GSU стояли внизу парковки. Их судьба была определена не чем иным, как жестокой случайностью времени. Они были последними, кто пытался выйти, почти наверняка потому, что помогали другим, и их путь к остальной жизни был отрезан фанатичными убийцами.

Около пяти вечера мы с GSU принялись зачищать гараж. Схема: использовать служебную лестницу у лифтов, входить через дверь на каждый этаж снизу вверх. Потом открыть три высоких шкафчика у каждого лифта. Только потом — в парковочную зону, зачистить её, подняться по следующему пролёту и повторить.

На первом этаже я взял оружие одной рукой и начал открывать каждый шкафчик. Пусто. Затем выбежал в центр парковки, развернулся, ствол вверх, проверяя, не прячется ли кто в машинах. Также упал на бетон и осмотрел низ — не видны ли ноги. Никого.

— Эй, силы безопасности! — крикнул я. — Если вы прячетесь в машине, выходите, выходите сейчас!

Четыре человека вылезли из машин.

— Ко мне, ко мне! — позвал я.

Они подбежали. Я обыскал и передал бойцам GSU для эвакуации.

Пока всё это делал, позвонил в штаб в Великобританию.

— Я продолжаю зачистку, — доложил. — Думаю, от двух до шести боевиков, вооружены автоматами и гранатами. Был теракт смертника — множественные раненые и убитые. Зачищаю парковку рядом с отелем.

Надеялся получить что-то взамен — информацию о том, где другие силы безопасности. Но у них ничего не было. Положительная сторона — я принимал решения сам, что меня вполне устраивало.

Также наконец дозвонился до друга, который работал в комплексе и предупредил меня об атаке. Он сообщил, что выбрался из офиса вместе с коллегами.

Я зачистил пару этажей, когда ко мне вышел вооружённый белый парень и спросил, может ли помочь. Выглядел профессионально — M4 и пистолет, тёмные очки, короткая стрижка, на броне — «AGENT».

— Что происходит? — спросил он.

— Зачищаю по этажу, — сказал я. — Знаешь CQB-приёмы?

— Да, немного.

— Тогда погнали.

Он оказался словенцем по имени Даниэль Прастало, личным охранником дипломатов. Как и я, услышал о происходящем и приехал со своим оружием. Я быстро понял, что инстинкт меня не подвёл — он знал, что делает.

Сначала работали так: наверху лестницы Дэн прикрывал меня, пока я делал динамичный вход с площадки, сканируя угрозы. Затем он входил за мной, открывал три шкафчика, а я был готов открыть огонь. Так поднялись до шестого-седьмого этажа, где решил сменить схему ради скорости. Мы оставили GSU охранять лестницы, а сами по спиральному пандусу поднимались на следующий этаж. На большинстве этажей находили ещё по четыре человека в машинах. В шкафчиках — никого.

Время от времени слышали автоматную очередь из других частей комплекса — напоминание, что время на счету. Мы по-прежнему не знали,

где боевики и сколько людей они убивают. «Давай, давай», — бормотал я, поднимаясь.

С каждого уровня открывался вид на Belgravia и КПП. Я видел, что внизу стало гораздо больше полицейских и «Свободных радикалов». Каждый раз, проходя мимо зоны, где они меня видели, я стягивал балаклаву и кричал: «Свои!» А отправляя спасённых вниз, кричал: «Зачищаем наверх, гражданские идут вниз!» Я знал, что эти люди пытаются помочь, но уже испытал на себе, как «герои-добровольцы» могут представлять риск. Я всё больше опасался, что меня может застрелить кто-то, кроме террористов.

С восьмого этажа и выше мы видели крышу отеля DusitD2 — балкон с гравием. Позже я узнал, что именно эту позицию террористы использовали, чтобы стрелять в меня, когда я бежал мимо кафе Secret Garden.

К двенадцатому этажу Дэн и я поддались самому опасному настрою в бою — самоуспокоенности. Каждый этаж был одинаков, каждый шкафчик пуст. Я снова открывал шкафчики сам, но метод стал небрежным. «Ещё три», — подумал и открыл первый. Пусто. Второй — тоже. Затем я распахнул последнюю дверь — тридцать шестую — и, как не впервые в карьере, увидел, как нехватка концентрации может стоить жизни.

Женщина в чёрной форме охранника — поразительно похожей на чёрную форму боевиков «аш-Шабаб» — завизжала пронзительно, что, в вольном переводе, звучало как: «Не убивайте меня!»

Я отшатнулся. Палец на спуске, предохранитель снят, и я был в волоске от выстрела ей в лицо в упор.

Когда я поставил предохранитель и опустил ствол, напряжение схлынуло мгновенно. Я усмехнулся — скорее от облегчения.

— Блядь, ты меня до смерти напугала, — сказал я.

Она засмеялась и заговорила с бойцами GSU на суахили. Что бы она ни сказала, они тоже засмеялись.

— Ладно, — я присоединился к веселью, вытаскивая её. — Вали отсюда.

Она убежала вниз, а я перевёл дух.

ГЛАВА 14. ТЕПЕРЬ Я КАПИТАН

Мужество заразительно. Когда храбрый человек занимает позицию, спины других часто выпрямляются.
— Билли Грэм

Дэн, двое бойцов GSU и я стояли у пандуса на одиннадцатом этаже. Оставалось зачистить крышу — открытую площадку.

С такой высоты звуковая картина террористической атаки на современный отель впечатляла. Над головой стучал вертолёт, выли пожарные тревоги, автомобильные сирены, полицейские сирены, время от времени — стрельба: то ли боевики, то ли нервные «Свободные радикалы», то ли кенийские силы безопасности.

Мы поднялись по пандусу и уже хотели выбежать на крышу, когда мне что-то не понравилось. Я почувствовал близкую опасность.

— Нет, нет, нет... стойте! — крикнул я. Один из GSU продолжил идти, но я схватил его за руку и рявкнул: — Стоять!

Ему не понравилось, что им командуют.

— Не указывай мне, что делать, — сказал он во второй раз за день.

Я стоял на своём, точно зная, что что-то не так, но не понимая, что именно. Один медленно вышел на открытую крышу. Раздалась автоматная очередь — я чувствовал и слышал пули совсем рядом.

— Блядь! — я отпрянул к пандусу. Теперь я знал источник опасности: по мне стрелял снайпер из вертолёта кенийских ВВС, кружившего над нами. Но точно я так и не узнал.

Кричать «Свои!» при таком шуме было бесполезно, поэтому я взял телефон и набрал штаб.

— Слушайте, — сказал я, — я пытаюсь выйти на крышу парковки к юго-юго-востоку от отеля, и по нам бьют дружественным огнём с вертолёта. Можете передать кенийцам, кто мы?

Я думал, что это безнадёжно. Но магия современных технологий сработала. Шаблонный звонок в Верховную комиссию в Найроби — оттуда кенийцу, который знал полицейского начальника на месте. Тот передал описание моей одежды в вертолёт.

Через минуты зазвонил телефон — военный атташе сообщил, что кенийцы теперь полностью осведомлены о моём присутствии. Я не мог поверить — обычно на это уходило бы две недели.

Мы поднялись на крышу, я начал кричать привычное: «Силы безопасности! Выходите!» Нашли двенадцать человек, всех спустили. Внизу шумели «Свободные радикалы». Я спустился с последними гражданскими, крича на каждом этаже: «Свои идут вниз, этаж двенадцать!»

Внизу Дэн тихо ушёл, провожая женщину к КПП. Больше я его не видел. Позже слышал, что он вернулся и продолжал эвакуацию с группой «Свободных радикалов». Он работал профессионально, скромно, и я считал его настоящим активом.

Я стоял на земле и оценивал обстановку. Прошло около девяноста минут с моего прибытия. Я полагал, что кенийский спецназ уже на месте, и решил вернуться к КПП, чтобы связаться с ними. Думал, моя активная роль заканчивается — передам информацию, помогу спланировать штурм, и дальше буду в роли советника.

Подходя к КПП, я опасался, что меня могут застрелить нервные «Свободные радикалы» или полиция. Поэтому сделал по-старому: снял балаклаву, взял винтовку за ствол, прикладом вниз, и вышел медленно, руки в стороны, как распятие, крича: «Свой, свой!»

У КПП я увидел людей в костюмах и бронежилетах, с рациями и пистолетами. Похоже — оперативники GSU в штатском. Я мгновенно решил, что они скорее навредят, чем помогут — совершенно не готовые к входу в такую обстановку.

— Выкиньтесь на хуй отсюда! — заорал я, бегя к ним. — Выходите, выходите! Там не чисто! Выходите!

Я был агрессивен, даже физически оттеснял их. Они стояли и смотрели на меня, не понимая, кто я. Потом я увидел старшего — крупный, лысый, лет тридцати с лишним, с рацией. Он говорил с командиром.

— Кто за старшего? — спросил я.

Он кивнул, взял меня за руку.

— За мной, — сказал.

Мы вышли из КПП. На тротуаре стоял пожилой мужчина в гражданском, окружённый охраной из шести человек. Я предположил, что это старший командир GSU.

— Добрый день, — сказал он ровным, сильным голосом. — Я здесь за главного. Кто вы?

— Крис, британский спецназ. SAS.

Я сделал паузу. Затем:

— Хотите знать, что происходит?

— Да, — ответил он с широкой улыбкой.

— Я здесь почти с самого начала. Был теракт смертника, в комплексе активные стрелки. Оценка — от двух до шести. Вооружены автоматами и гранатами. Моя оценка потерь — не менее пятнадцати убитых и много раненых.

Он помолчал несколько секунд, потирая ладонь. Потом сказал:

— Хорошо, Крис. Можешь вести моих людей?

— Да, — ответил я без запинки. — Абсолютно без проблем.

— У меня здесь рота. Если возьмёшь командование внутри комплекса, это очень поможет.

— Хорошо. Скажи им следовать за мной. Я возвращаюсь внутрь.

Я развернулся и пошёл к воротам. Это была приятная перемена — всю карьеру в британской армии я получал приказы, а не отдавал их.

ГЛАВА 15. СТАНОВЛЕНИЕ МУЖЧИНЫ

Тело и дух я предал весь суровым учителям — и обрёл душу.
— Редьярд Киплинг, «Чудо»

«Так, садитесь в чёртов автобус и не разговаривайте ни с одним кэпхэтом». Это были первые слова, которые я услышал — и первый приказ, который получил — в британской армии. «Кэпхэты» — сленговое название всех, кто не в Парашютном полку.

Я был на станции Бруквуд в Суррее, вышел из поезда со всем снаряжением в позднелетнее солнце после поездки из Нортумберленда. Сержант-инструктор выглядел как из кино — высокий, с большими усами и шрамом на лице. Сентябрь 1992 года. Для меня, мальчишки с севера Англии, это был судьбоносный день. Я впервые приехал в Лондон — хотя и не видел его толком. Спустился в метро. Потом тащил вещмешки через подземный переход и на лестнице увидел кап badge Парашютного полка на бордовом стенде. Бабочки в животе.

Здесь новобранцы должны были ждать. Пока ждали, я разговаривал с шестью другими. Они были из Глазго, Ливерпуля, Мидлсбро. Больше меня, крепче, громче. Я чувствовал себя подавленным. Я оказался единственным из тех семерых, кто успешно прошёл подготовку.

Прибыли в лагерь, регистрация, канцелярская работа. Сразу к полковому цирюльнику — брить головы. Я стригся коротко с четырнадцати лет.

Один из новобранцев с длинными волосами стоял в очереди. Инструктор подошёл и постучал ему под подбородком дубинкой: «Мы уберём эту грязь с твоей чёртовой головы, сынок».

Тот трясся. А для меня это было великолепно. Чем жёстче, тем лучше. Я хотел именно этого. «Давите», — думал я.

Так прошёл весь курс подготовки. Чем тяжелее, тем больше мне нравилось. Я набирал уверенность, понимая, что внешность — не всё. Первый тест — кросс. Шестьдесят новобранцев Молодых Парашютистов плюс 240 из Guards Depot. Все рванули как Усэйн Болт. Я думал: не удержусь. Но потом заметил, что обгоняю всё больше бегунов. Финишировал третьим.

После четырёх дней — традиция: старший инструктор взрывается при осмотре коек. Крики, всё летит из окон. Койки — «дерьмо», ботинки —

«полный бред», пол — «как блядский свинарник», выглаженные рубашки — «совершенно, абсолютно и тотально хуево». Всё — в двух тысячах децибелах, в дюйме от лица.

Я знал, что это будет. И мне нравилось. Через шесть месяцев Молодых Парашютистов — плац, стрельба, полевая подготовка, ночные упражнения — я редко дрогнул.

После шести месяцев двадцать восемь из нас с гордостью прошли выпуск. Мне было семнадцать. Мы сменили бордовые береты с синей подкладкой на зелёную взрослой учебной роты в Парашютистов в Олдершоте. Я написал маме, переполненный гордостью, что считаю привилегией погибнуть в бою и хочу отдать жизнь Парашютному полку. Она подумала, что я написал предсмертную записку.

Дальше — Depot Para в Кэттерике в Северном Йоркшире. Через две недели — P Company. Жёсткий отбор, пять дней, определяет, пройдёшь ли ты в парашютную школу. Возможно, самый тяжёлый физический отбор в мире вне спецназа. Отделяет мужчин от мальчиков.

Перед P Company я поехал домой. Не сказал никому, что собираюсь делать. Большинство думали, что я провалюсь, и я не был уверен, что они неправы. Сел на скамейку на холме у Castle Close и смотрел на лес, где играл в солдата ребёнком. «В следующий раз, как увижу этот вид, — подумал я, — надеюсь и молюсь, что пройду P Company».

В первое утро мы проснулись от «Полёта валькирий» — полковой марш Парашютного полка — и «Eye of the Tiger». Встали перед койками, нас шлёпали и орали.

Потом началось. Стипльчез; полоса препятствий; скоростной марш на десять миль с тридцатью пятью фунтами за полтора часа. Потом «миллинг» — бокс с другим новобранцем минуту, без шлема. Нужно не победить, а показать превосходную агрессию. На моём курсе не хватало крупных парней, и когда вышел здоровяк, попросили добровольцев. Я поднял руку. Мне наваляли, я проиграл, но инструктор кивнул — с агрессией всё было хорошо.

Затем — то, о чём я видел кошмары с двенадцати лет. При всей любви к прыжкам из самолёта, я всю жизнь боялся высоты. «Трейназиум» — полоса препятствий на лесах в пятидесяти пяти футах над землёй. Ходьба по параллельным брусьям с касанием носков; бег по узким доскам и прыжок в грузовую сетку; лазание по параллельным тросам; раскачивание на

верёвках через пустоты. Проверка «воздушной уверенности» перед парашютными прыжками.

Я лежал ночами, прокручивая каждый участок, паникуя и пытаясь убедить себя. Упасть и убиться — казалось мне — было бы не так страшно, как провалиться. По дороге туда меня тошнило от нервов. Но часы мысленной подготовки и абсолютная определенность сработали. Я почти на автомате выполнил всё, стараясь не думать. «Провал — не вариант. Моё тело сделает это, и я не позволю уму остановить». Это стало уроком контроля — разум над материей в условиях крайнего стресса, на который я опирался всю оставшуюся жизнь.

Облегчение было нереальным. Это был большой шаг и пальцем в глаз всем, кто сомневался, включая вербовщиков в Ашингтоне.

После «Трейназиума» — самое физически тяжёлое: «лог-рейс». Восьмёрка новобранцев несёт телеграфный столб на две мили по пересечённой местности. Кое-кто сдавался и бросал столб, ставя под угрозу прохождение. Даже когда один из наших выбыл и вес увеличился, я не сошёл. Я знал свой болевой порог и в P Company его не достиг. Курс прошёл. Две трети товарищей — нет.

Дальше — три недели тактической подготовки в Уэльсе, потом парашютная школа на RAF Бриз Нортон в Оксфордшире. Прыжок с баллона на восемьсот футов, потом первый прыжок из C130 Hercules с полным снаряжением. Невероятно — я нашёл это почти лёгким. Страх высоты испарился. Эти первые прыжки стали началом страсти — я прыгнул более тысячи раз: с большой и малой высоты, днём и ночью, на учениях и операциях.

Когда я прошёл полный курс Парашютного полка после одиннадцати месяцев, из первоначальных шестидесяти осталось восемь. Я не мог выразить счастье. Этот тощий заморыш из High Church пробился в один из самых знаменитых и жёстких полков британской армии. Бабушка гордилась бы.

В августе 1993 года, через две недели, меня отправили на двухлетнюю командировку в Северную Ирландию, ещё во время многолетнего конфликта.

Мне было неполных восемнадцать — на активную службу нужно было восемнадцать. Единственное, что я мог — быть посыльным: носить приказы в Ops Room и варить чай начальству.

Пол Филипс, командир моего отделения, знал, как мне не терпелось на первый патруль. Четырнадцатого сентября он и остальные сделали вид, что отправляют меня спать, а сами пошли на улицы.

В пять минут двенадцатого Пол ворвался.

— Крис, вставай! Одевайся! Всё — ремень, броню, каску, оружие.

Я метался, собираясь. Вышел — а там взвод ждёт у бронированных Land Rover. Часы пробили полночь.

— С днём рождения, — сказал Пол. — Залезай.

Так я пошёл на первый патруль в Западном Белфасте в первые минуты взрослой жизни.

Я был готов к драке. Хотел бунт. Хотел, чтобы кто-то выстрелил. Или мина взорвалась. Но в Северной Ирландии всё происходило когда не ждёшь и совершенно случайно. За время командировки, включая South Armagh, у нас были пара инцидентов, но жажда действия осталась ненасыщённой. Скучно. Никто особенно не пытался меня убить.

Именно в Белфасте началось разочарование в Парашютном полку. Я видел в нём воинскую элиту, почти культ, но с первого дня понял, что большинство ребят не в этом образе мышления. Они просто отбывали срок и не могли дождаться увольнения. Хотели пить и клеить девчонок. Это не было культурой драк, которую я хотел. Я быстро понял, что физически крепче, решительнее и сообразительнее большинства.

Были яркие исключения. Дэйв Моррис, мой взводный сержант — абсолютный профессионал, прошёл Фолкленды. Большинство его ненавидело; я уважал. Пол, который позже попал в SAS — ещё один пример. Наш командир-офицер, который был командиром взвода 3 Парашютистов на Фолклендах и позже стал директором сил специального назначения. Они, Дэйв и Пол, все пошли в спецподразделения. Я настраивался на то, как выглядят преданные солдаты; я разбирался, у кого учиться.

ГЛАВА 16. ЭВОЛЮЦИЯ

Душам огня даю я больше огня, а мужественным — силу сверхчеловеческой. Это герои, сыны бессмертных, блаженные, но не как души глины. Ибо веду я их странными путями, Персей, дабы сражались они с титанами и чудовищами, врагами богов и людей.
— Чарльз Кингсли, «Герои»

В 1996 году, после трёх лет в «Парашютном», я подал заявку на отбор в Взвод следопытов — передовое разведподразделение британской армии. Мне исполнился двадцать один.

Взвод следопытов официально не относится к спецназу, но отбор жёсткий, а ethos близок к SAS. Основная роль — передовая сила для разведки средней и большой дальности во враждебной территории. Патрули следопытов отмечают зоны высадки и выброски для вторгающихся сил или ведут наблюдение за целями. Девиз — «Первый вход».

Тридцать пять рекрутов на отбор. Выпустились шестеро. Я — один из них. Всего в подразделении было около тридцати человек, и мы сразу стали маленькой семьёй. Не было сержант-майора — только взводный сержант, заместитель-офицер и командир. Скорее племя, чем воинская часть. Статус зависел не от звания, а от срока службы. Лэнс-капрал мог командовать тремя сержантами на патруле. И было весело — все физические тренировки на свирепой скорости, но с бесконечным весельем.

Меня быстро прозвали «Morpeth Mangler» — я вечно дрался с парнями из других частей в Олдершоте. Кулаки были частью культуры. Я наслаждался и ждал драки после паба... в пабе... или по дороге.

Остальные в Следопыты были как я — хотели большего от армейской жизни. Подразделение работало вне обычных правил, и в этом была своя мистика. Мы носили разную форму и оружие по выбору — например, M16A2 вместо стандартных SA80.

Две основные среды — воздух и горы. Различные парашютные техники с большой высоты для дневного и ночного проникновения за линию фронта. Около двенадцати человек тренировались по горной войне, но постепенно

это вытеснила мобильность на открытых Land Rover с тяжёлыми пулемётами — WMIK.

Первый год в Следопытах был одним из лучших в армии. Испания для скалолазания, Белиз для джунглей, высотные парашютные курсы в Англии и Калифорнии — прыжки с двадцати пяти тысяч футов с оружием и кислородом. Месячный курс инструктора по выслеживанию в джунглях Брунея. Обратно в Калифорнию для скайдайвинга. И мне за всё это платили.

Проблема: нас редко развёртывали. После весёлого первого года всё больше времени проходило без дела. Даже когда развёртывали, миссии были не те, для которых мы тренировались. Я чувствовал, что меня ввели в заблуждение. В 1998 году на учениях с SAS в Африке увидел, какова пропасть между ними и Следопытами. Понял, что такое настоящие спецоперации.

В 1999 подал заявку на отбор в SAS, но война в Косово помешала. Развёртывание с Следопытов в составе Allied Rapid Reaction Force. Одно из самых скучных в армии. Проводили время, наблюдая за холмом у македонско-косовской границы. Чувствовалось, что нас отправили «для галочки».

Вернувшись, я встретил Джимми — того, что утверждал, будто мой сводный брат. Это побудило разговор с Кевом об отце. Утром я нашёл контактные данные отца. Через несколько дней, в двадцать три года, я поехал на встречу на станцию Mile End в восточном Лондоне.

Вышел из метро — и сразу узнал его. Грязные джинсы и ботинки, длинные сальные волосы, камуфляжная куртка, банка пива в руке. «Блядь, какой оборванец», — подумал. Но он оказался интересным. Мы поговорили о текущих событиях. Переночевал на диване. Через пару месяцев встретились снова, но он не пытался связаться со мной и не проявлял интереса. Я понял, что он не хочет меня знать. С тех пор не слышал его. Но рад, что встретил — любопытство утолено.

В 2000 году прошёл первый этап отбора SAS, но порвал икроножную мышцу на холмах Brecon Beacon и не уложился по времени. Конец игры. В 2001 — снова отбор, снова прошёл первую часть, но на втором этапе получил сотрясение, поскользнувшись на бревне. Врач запретил продолжать. Я был раздавлен.

Начал думать, не пора ли уходить из армии. В Следопытах сменился климат — назначили сержант-майора, «мальчишник» кончился. Но в июне

2002 майор Ник Кристи — один из лучших офицеров — стал командиром Следопытов. Он сразу выделил меня, и я начал получать ключевые роли. И наконец на горизонте появилась настоящая боевая командировка — война в заливе, развёртывание в Кувейт и Ирак в 2003. Именно там патруль «Three Four Delta» за линию фронта изменит всё.

ГЛАВА 17. Я МОГУ ВЫБИВАТЬ ДВЕРИ

Шлем Ужаса носил я перед сынами людей в защиту сокровища своего; средь всех один был я силён, думал я про себя, ибо не нашёл силы, равной моей.
— Строфа 16, «Фавнисмал», Старшая Эдда

Меня попросил командовать GSU старший кенийский полицейский на месте. Но я по-прежнему не знал, сколько террористов и где они.

Через КПП за мной шли около пятидесяти бойцов GSU — бордовые береты, британский камуфляж, крупнокалиберные G3 или АК-47. Я повернул налево и повёл команду по подъездной дороге вдоль здания Hanover. За Hanover — Arlington, у подножия небольшого склона, к западу от входа в отель.

Я полагал, что Hanover уже зачищен. На дороге стояли машины скорой помощи Красного Креста и парамедиков. Также — журналисты, двое из которых — оператор и репортёр с итальянским акцентом — не отставали.

В Arlington были Pernod Ricard, Mitsui, Visa, Reckitt Benckiser. Я был уверен: десятки перепуганных работников прячутся внутри. Также возможно, что часть террористов там — двое были замечены в том направлении.

Подошёл кенийский парамедик с кувалдой.

— Эй, мистер, — сказал он, переводя дыхание. — Можно с вами?

— Кто ты?

— Я Юлиус. Хочу помочь. Могу выбивать двери, — добавил он с усмешкой.

— Годится. Ты официальный взломщик, — сказал я.

Я позвонил в UK Ops Room, сообщил, что веду GSU. Потом получил от полицейских в штатском лист с информацией о людях, предположительно внутри Arlington. Вокруг — спорадическая стрельба, сирены, хаос.

Я оглянулся на толпу за спиной. Чувствовал себя Пипином-флейтистом. Нужно было быстро думать и быть уверенным.

Никто из этих людей не был обучен освобождению заложников. Значит — высокий риск, что они застрелят гражданских, если испугаются или возбудятся. И раз мне дали команду, мне и отвечать. Придётся по-прежнему первому входить в комнаты.

В британской армии одиночные зачистки комнат считались «невозможным» событием — абсолютно. Работают малыми командами, прикрывая друг друга. С кенийцами, которых я только встретил, о точной командной работе речи не было. Нужно балансировать риск случайных выстрелов от нервных полицейских с риском встреч с отчаянными боевиками.

Фраза из бокса пришла на ум: «Будь оружием, а не мишенью». Не виси, как кролик в фарах — двигайся.

Я изложил план: я веду первым. GSU — змейкой за мной. «Если есть уязвимые двери, вызову двоих-троих прикрыть. Потом ищу дальше. Понятно?»

Кивки.

— Юлиус выбивает двери. Я захожу первым и зачищаю.

— И ещё: никто не стреляет, пока не выстрелю я или пока меня не убьют. Поняли?

— Да, босс.

Двое журналистов продолжали за нами. Я рекомендовал им вернуться. Они отказались. Я сдался — рыба покрупнее.

Странно, но хотя они снимали всё внутри Arlington, почти ничего из этого не всплыло. Может, кенийские власти конфисковали — не желали, чтобы обычные кенийцы видели, как их элитная полиция под командованием mzungu.

Мы вошли и начали прорабатывать офисы. Запертые двери — за ними гражданские. Я кричал «Силы безопасности!». Кое-где открывали; где-то отказывались — выбивали. Иногда приходилось разбирать баррикады из шкафов и столов.

Люди прятались в шкафах, под столами — измотанные часами в постоянном страхе смерти. Обыскивал, спрашивал, что видели, отправлял по линии GSU на эвакуацию.

Зачистив несколько этажей и выпустив десятки людей, мы поднимались на верх. Я остановился на последнем пролёте, руки на коленях, задыхаясь, как старик. Более двух часов без остановки. Около шести вечера.

Бойцы GSU смеялись.

— Хватит ржать — я старше, чем вы думаете.

— Да, босс, да, босс.

Наверху — стальная дверь, заперта. Юлиус с кувалдой — не берёт. Я попробовал, другие — тоже. Бум, бум, бум. Наконец Юлиус разнёс всю раму, и дверь рухнула.

Внутри, за стеклянной дверью — баррикада из мебели.

— Юлиус, твой выход.

Вместо замаха он повёл кувалду как таран через стекло. Стекло разбилось, но momentum повело его руки сквозь острые края. Глубокие порезы на обеих руках. Он бросил кувалду и исчез. Больше я его не видел. Но Юлиус был одним из самых храбрых в тот день.

За дверью — люди, не знавшие, пришли мы убивать или спасать. Я успокоил их.

— Всё хорошо. Силы безопасности. Мы выведем вас.

Постоянно докладывал в UK. И вот во время одного звонка вокруг начался ад. Стрельба — GSU ниже начал палить из разбитых окон. Я понятия не имел, по чему.

— Никому не стрелять! — заорал я. — Прекратить стрелять в пустоту! Не стрелять, пока не видишь цель!

Они прекратили и уставились на меня, как нашалившие школьники.

— Чёртовы психи, — пробормотал я, смеясь, чтобы снять напряжение.

Позже выяснилось: «Свободный радикал» в другом здании случайно выстрелил. Остальные, решив, что атакованы, открыли огонь. Одного ранили в ногу. Цепная реакция по комплексу. Полный фарс — именно то, чего я пытался избежать.

Мы продолжали — офис за офисом. Нашли группу японских бизнесменов и вывели. Они были так благодарны, что правительство Японии потом направило благодарность британскому. Следующую стеклянную дверь с магнитным замком оператор указал открыть нажатием — сработал механизм пожарной безопасности. Я поблагодарил его: «Стоило тебя взять». Следующую я выбил глушителем винтовки и в прыжке ворвался. «Выглядело брутально», — усмехнулся про себя.

В сумерках я вышел из Arlington. Передо мной — новая группа: десять бойцов в чёрном с M4. Кенийский спецназ, подумал я.

— Ребята, вы KDF?

— Нет, сэр. Мы GSU Recce Squadron. Эвакуируем всех, кто не часть операции.

Recce Squad — спецназ GSU, обученный и оснащённый США. Три подразделения: SPEAR Team, Crisis Response Team, Rapid Reaction Team. Главная задача — защита граждан США при теракте в Найроби.

Меня устраивал их подход. Роль командира замещена. Recce на бронемашинах выводили обычных GSU, прессу, парамедиков и «Свободных радикалов».

Около 18:25. Я в комплексе более двух с половиной часов. Мокрый насквозь, джинсы в крови от помощи раненым. Дал себе передохнуть.

И только тогда, как ни странно, осознал, насколько всё это было на моей инициативе. В подсознании звенел звоночек. Впервые усомнился: правильно ли было входить?

Что произошло дальше, быстро рассеяло сомнения. Моё вмешательство в DusitD2 вступало в совершенно новую фазу.

ГЛАВА 18. ЛЮДИ ПРЕЗИДЕНТА

Удача — это то, что случается, когда подготовка встречает возможность.
— Сенека

Стоя у входа в Arlington, я вспомнил рождественский обмен сообщениями с директором Национальной разведывательной службы Кении.

Я написал ему в WhatsApp, что уже давно в комплексе и готов ответить на вопросы. Тики стали синими — и телефон зазвонил. Я не ожидал. Это был, возможно, второй по влиянию человек в Кении.

— Крис, мальчик мой, — сказал он. — Спасибо, что ты там. Я сейчас с президентом. Что происходит?

Я дал полный отчёт: до шести активных боевиков, оценка потерь, прибытие Recce Squad и замечание, что, насколько я понимаю, кенийский спецназ KDF не появился.

Долгая пауза и резкий вдох. Я предполагал, что кое-что из того, что я говорил о времени развёртывания, сильно расходилось с тем, что он слышал от подчинённых.

— Крис, можешь остаться и докладывать напрямую мне и президенту?

Облегчение: несомненное подтверждение моего решения. И никаких юридических проблем.

— Да, генерал, без проблем, — сказал я, проследив, что командир Recce Squad слышит. И добавил: — Пришлите, пожалуйста, эту просьбу текстовым сообщением. — Он согласился.

До этого командир Recce спросил, кто я. Я показал ID. Это ничего не изменило — он хотел меня эвакуировать. Но теперь, когда он услышал «директор с президентом», всё переменилось. Мой статус мгновенно вырос.

— Он попросил меня остаться и докладывать ему и президенту, — сообщил я командиру.

Тот кивнул, улыбнулся и спросил:

— Что нужно?

— Ваш командный пункт. Где он?

— Внутри отеля. Довезём.

Я узнал позже, что сразу после разговора генерал направил британскому правительству официальный запрос о военной помощи — ретроактивно одобрив мою развёртку. Это было особенно кстати, поскольку некоторые в Форин-офисе и военных не были довольны, что я в DusitD2 с оружием.

Я прыгнул в зелёный бронетранспортёр и доехал до входа в отель — впервые его увидел.

DusitD2 — впечатляющее зрелище. Три соединённых крыла, расходящиеся веером: западное, восточное и центральное. Сверху — как воронья лапа. Главный вход — в V-образном соединении центрального и восточного крыльев. Круговой подъезд под навесом. На краю лужайки — два хромированных шести футов знака «D2».

На патио — разбитое стекло и обломки кладки от гранат. Около семи вечера я вошёл через главный вход, мимо двух бойцов Recce, и услышал непрерывный звон пожарной тревоги.

Отель — шикарный: мрамор, подвесные светильники, цветочные композиции, современное искусство. Но пустой, кроме Recce Squad.

Слева — двое прикрывали зону между лобби и кухней. Справа — ресепшен с орхидеями. Дальше — Zing Bar, где обосновались два старших командира Recce.

— Добро пожаловать, Крис, — сказали они. — Мы рады, что ты с нами.

Я собирался спросить об обстановке, но понял: это бар, и я серьёзно обезвожен. Зашёл за стойку, достал бутылку воды и банку Red Bull. Обе — залпом.

— Ну, что происходит?

— Четверо террористов на седьмом этаже, — сказал старший. — Мы их прижали. Наш штурмовой командой на шестом, и маленькая группа — этажом выше террористов.

Я отправил эту информацию в WhatsApp-группу. Стоял, думал. Бессмысленно сидеть в фойе — не добавляю ценности. Наверху смогу включиться в действие и понять реальную картину.

— Не возражаете, если поднимусь к ребятам на шестой этаж?

— Нет, нет, пожалуйста.

Я прошёл через лобби к служебной лестнице. На каждой площадке — бойцы Recce. Хорошая схема: они просматривали коридоры к гостевым номерам, и никто не мог выйти незамеченным. Я вошёл и начал подниматься.

На шестой этаж, под непрерывный звон пожарной тревоги.

ГЛАВА 19. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ВЕЧЕРИНКУ

Никто не придёт — это зависит от нас.
— Шон Еванджелиста, ВМС США (вышибала дверей)

Я вышел из служебной лестницы на шестом этаже и прошёл короткий участок коврового коридора к мраморной площадке перед лифтами.

В обычной жизни отеля это место служило общей зоной для гостей: можно было постоять, присесть на кушетку, посмотреться в зеркало над диваном и подождать лифт. Отсюда же вела внутренняя лестница к спортзалу на седьмом этаже. Лестница — открытая конструкция с металлическими перилами, два коротких марша: первый доводил до середины шестого этажа, затем поворачивал обратно и выводил на маленькую площадку у двери спортзала. Спортзал — единственное помещение на седьмом этаже.

По утрам человек на лестнице мог видеть через двусветные окна от пола до потолка парадный вход отеля, украшенный коваными решётками в форме ветвей деревьев. Но благодаря «аш-Шабаб» эти окна были разбиты. А кушетка — в плачевном состоянии.

Командиры в фойе уже вкратце проинструктировали меня: четверо боевиков засели где-то наверху лестницы. С этой защищённой возвышенной позиции они бросали гранаты по лестнице и поливали пространство автоматным огнём, не высовываясь. Высунься — и наткнулись бы на штурмовую группу, к которой я теперь присоединился.

Большинство бойцов были из Rapid Reaction Team эскадрона Recce. Одетые в чёрное снаряжение, тяжёлые чёрные ботинки, чёрные баллистические шлемы и бронежилеты, с пистолетами Glock, гранатами и винтовками M4. Остальные — из SPEAR Team: светло-зелёное снаряжение, светлые ремни и шлемы.

Поскольку лифты и лестница находились в центре пересечения трёх крыльев отеля, и ни одно крыло ещё не было зачищено, команду разделили на три «стопки», чтобы держать под контролем каждый из трёх коридоров, ведущих от лифтовой площадки. Вдоль коридоров — гостевые номера.

Большая часть штурмовой группы — человек шесть — была в центральном крыле и держала под прицелом внутреннюю лестницу. За концом центральной группы стоял командир — сержант, крупный, круглый парень,

который, казалось, обрадовался, увидев меня. Но времени знакомиться не было: две ручные гранаты покатились вниз по лестнице.

Все метнулись глубже в коридор. Взрыв — оглушительный, ошеломляющий. Дождь пыли и дыма забил воздух. Удар по нервам был исключительным.

Но вместо того чтобы отшатнуться, я обрадовался. Наконец, подумал я, я в контакте с врагом — погнали!

Когда дым рассеялся, я почувствовал напряжение в штурмовой группе. Они провели здесь уже немало времени, не зная, когда прилетит следующая граната или когда боевики откроют огонь из АК в упор, оставаясь невидимыми. Ни один из трёх коридоров не мог выстрелить по видимой цели.

— Эй, — тихо сказал я сержанту, когда группа перестроилась и пыль осела. — Меня зовут Крис. Я здесь, чтобы помочь.

— Вы американец? — спросил он.

— Нет, я британец.

— А, отлично, значит, вы тот самый из SAS?

Я подтвердил и сказал, что докладываю напрямую генеральному директору разведки. После этого все хотели пожать мне руку. Я пошутил, что террористы, наверное, услышали о моём приходе и прислали гранаты как приветствие «мзунгу-солдату» в DusitD2.

— Добро пожаловать на вечеринку, — засмеялся я.

— Добро пожаловать на вечеринку, мзунгу, — повторили парни, тоже смеясь.

Сержант вкратце обрисовал обстановку, добавив новую деталь: он полагал, что один из четырёх террористов ранен легко, другой — серьёзнее. Он также подтвердил, что у GSU есть маленькая группа этажом выше боевиков.

Затем я задал главный вопрос:

— Там наверху есть гражданские?

— Нет, — ответил сержант.

Отличные новости. Значит, я мог окончательно переключиться с спасательной операции, которой занимался последние часы, на уничтожение врага.

— Хорошо, а какой план?

Сержант не замешкался:

— План такой: когда они спустятся по лестнице, мы их убьём.

Я не смог сдержать смешок.

— Что? Когда они спустятся, вы их застрелите? И больше ничего?

— Точно, — сказал он с широкой улыбкой.

План — это план, но неадекватный. Я имел дело с отчаянными, промытыми мозгами людьми и знал: нельзя позволять им диктовать события. Можно сидеть и ждать — но мы понятия не имели, что они делают наверху. Могли притащить взрывчатку, способную разнести отель; могли иметь топливо для поджога; могли иметь СВУ, которые уничтожили бы всех на шестом этаже.

Я считал слишком рискованным оставлять их без давления. Нужно было давить. Все знали, что они никогда не согласятся на переговоры и почти наверняка готовятся умереть в ближайшие часы. Мне было плевать, если они умрут, — я просто не хотел, чтобы с ними погибли ещё люди.

Я серьёзно сомневался в официальной версии кенийцев, что боевиков загнали на их позицию, а не они её выбрали. Я подозревал, что они заранее разведали это место. Также убедился, что они почти наверняка спрятали гранаты — а возможно, и другую взрывчатку и оружие — в спортзале до атаки, потому что у них было больше огневой мощи, чем можно унести за один раз.

Всё это порождало вопрос: что именно отряд «аш-Шабаб» намеревался сделать в DusitD2, кроме убийства максимального числа людей? Один из слухов: они прослышали, что в ближайшие дни в отеле остановится делегация американских дипломатов. Позже посол США категорически опроверг это. Возможно, «аш-Шабаб» планировала захватить и казнить заложников, как при Westgate. Но быстрая эвакуация отеля и зданий, а также то, что люди нашли надёжные укрытия, сделали это невозможным.

Что бы ни было их планом, теперь они были в нескольких футах от нас. Прижаты сверху и снизу, но хорошо вооружены и в позиции, которую пока невозможно взять. Нужно было найти способ до них добраться.

ГЛАВА 20. РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ

Кто желает постоянного успеха, тот должен менять поведение со временем.
— Никколо Макиавелли, «Тит Ливий»

Я встроился в центральную группу штурмовой команды — по сути, командный элемент, потому что командир был с ними и у них был лучший обзор лестницы. Ночью эти солдаты, у которых было место присесть, менялись с коллегами из правого коридора, чтобы те тоже могли отдохнуть. Это случалось нечасто: всякий раз, когда мы расслаблялись, сверху прилетал огонь или гранаты.

Между этими эпизодами — кроме вечного воя пожарной тревоги — стояла тишина. В один из таких промежутков я смотрел по коридору в сторону, противоположную лестнице, когда один из наших вдруг открыл огонь без предупреждения и без видимой причины. Я подпрыгнул метра на три — подумал, террористы как-то спустились. Развернулся, готовый стрелять.

Поняв, что произошло, я расплылся в ухмылке.

— Блядь, — засмеялся я, — вы хоть предупреждайте, когда соберётесь начать Третью мировую, ладно?

Один из них — по имени Исаия — сел на корточки рядом, слёзы катились по щекам от смеха. Момент разрядил напряжение, тем более что Исаия, хоть и не был командиром, был альфа-самаком — вышибалой. Крупный, громкий, уверенный, супер-фит.

Когда Исаия насмеялся, я подошёл к сержанту.

— У вас есть снайперы?

Я думал: террористы могут быть видны снаружи отеля, потому что внутренняя лестница близко к окнам, выходящим на парадный вход. Эти окна также в прямой видимости из офисного здания Grosvenor в комплексе. К тому же уже стемнело, а свет в спортзале горел. Если поставить снайперов в Grosvenor, у них может быть чистый выстрел.

— Да, снайперы есть, — ответил сержант.

— Они задействованы?

— Нет, сэр.

— Как насчёт того, чтобы это сделать? Думаю, можно получить выстрел. Можете попросить командира внизу разместить их в здании напротив фасада отеля и посмотреть, смогут ли они наблюдать?

Он вышел в эфир — и, к моему удовольствию, всё закрутилось. Хорошо было видеть, что я могу что-то сделать. Достаточно предложить.
Около часа ушло, чтобы поставить двух снайперов в Grosvenor. Пока ждали, произошло чудо: кто-то в отеле умудрился выключить пожарную тревогу. Наконец тишина — хотя уши звенели ещё несколько минут. С другой стороны, теперь приходилось быть гораздо тише в движениях и разговорах, потому что звенящие колокола больше не маскировали звуки. И когда после этого когда раздавалась стрельба, шум был более шокирующим.

Пока снайперы устраивались, моё уважение к штурмовой команде только росло. Я наблюдал, говорил с ними и понял: хотя у них были недостатки и иногда они делали то, что SAS никогда бы не стал — например, стрелять без предупреждения, — они были преданны и держали фокус. Я знал, что каждый раз на тренировках их вели американские инструкторы. Но инструкторам запретили входить в комплекс, пока атака продолжалась. Так что ребята были очень рады, что я рядом и веду их в самый важный день их карьеры.

Когда снайперы заняли позиции, я написал в группу: «Террористы по-прежнему прижаты на седьмом этаже. Попробуем штурм, инициированный снайперским огнём».

По рации снайперы доложили: видят две фигуры, движущиеся у двери спортзала. Это не исключало наличия четырёх боевиков — двое раненых могли сидеть или лежать. Но снайперы могли выстрелить только по двоим.

Я прогнал с командой план:

— Когда снайперы будут готовы, оба выстрелят одновременно. Получив подтверждение попадания, выдвигаемся и поднимаемся по лестнице зачищать седьмой этаж. Понятно?

— Да, сэр, звучит хорошо, — закивали, проверяя оружие. Готовы идти за мной.

Приготовились, ждём. Меньше чем через две минуты снайперы выстрелили. Два выстрела — с разницей в миллисекунды.

Ждём доклада.

Вместо него — боевики «аш-Шабаб» открыли бешеную стрельбу из окон в направлении Grosvenor. Сразу было ясно: снайперы промахнулись. Моя догадка — пули отклонило стекло окон.

Надо отдать им должное: следующим шагом боевики выключили свет. Это усложняло снайперский выстрел, хотя и не исключало при наличии ночного видения. Затем напомнили, что живы и бодры, — бросили ещё одну гранату вниз по лестнице. Оглушительный взрыв, затем длинная очередь по пространству у основания лестницы. Они вдвойне убеждались, что мы не сунемся.

Около 23:00. Я на шестом этаже уже почти четыре часа, и мы всё ещё на месте.

Я переосмыслил варианты. В голове звучал голосок: «Когда становится туго, крутые становятся изобретательными».

Я подумал про лифтовую шахту. Обсудил с командиром идею: открыть лифт на этаже ниже и подняться через шахту на седьмой этаж, где лифтные двери выходят рядом со спортзалом. Под прикрытием отвлекающего огня можно было бы ворваться к ним сверху. Но кенийцы сказали, что лифтовые двери нельзя открыть вручную, и я принял их слово.

Ещё вариант — рывок по лестнице. Но я уже знал, что это нереально. В ближнем бою лестницы — кошмар. В тренировках солдаты часто бегут по лестнице и «получают попадания». В реальной жизни бег вверх по лестнице навстречу врагу — верная смерть. Боевики могли стоять и поливать огнём сверху. Единственный вариант, при котором это имело смысл, — если бы снайперы попали.

Но несмотря на промах, был один положительный эффект: боевики теперь знали, что у нас есть стволы, нацеленные на них из Grosvenor. Даже при выключенном свете они больше не могли подходить к окну. Их перемещения и возможности были ограничены.

Нужен был ещё вариант.

Я спросил сержанта, практикуют ли в Recce Squadron «взрывной метод проникновения» — использование заряда для выбивания пути во

враждебное пространство. Я предполагал отрицательный ответ, но он сказал, что они полностью владеют этой техникой.

— Хорошо, давайте спросим командиров, готовы ли они. Если да, можно передать заряды команде этажом выше. Они пробивают дыру в потолке над верхней площадкой лестницы у спортзала и бросают гранаты вниз, чтобы убить боевиков.

Команда была за.

— Да, хорошая идея, — сказал один. — Реально брутально, — добавил он с подмигиванием, используя моё любимое слово.

Командиры одобрили, но у GSU не было готового заряда — нужно было изготовить из пластита.

— Отлично, — сказал я. — Давайте запустим. — И написал в группу: «Пробуем взрывной метод проникновения. Иначе без изменений».

Пока ждали, я заметил, что зеркало над остатками кушетки напротив лифтов каким-то чудом уцелело. Я понял, что боевики могут использовать его, чтобы наблюдать за коридором внизу. Прицелился и разнёс его пятью выстрелами. Двое из штурмовой команды стреляли вместе со мной. Теперь террористы нас совсем не видели и полагались только на слух. Это было очевидно: на любой звук они отвечали огнём или гранатой.

Через час заряд наконец подняли и установили на этаже выше боевиков.

Я отправил предупреждение в группу — знал, что громкий взрыв будет широко разнесён СМИ. Журналисты решат, что «аш-Шабаб» снова взрывает бомбы, а я хотел, чтобы мои знали: это мы, а не они.

Услышали «приготовиться» по рации — и взрыв сотряс здание.

Рация ожила: «Пролом не удался! Пролом не удался!»

Сразу же ещё одна граната покатилась по лестнице, за ней — очередь из АК. Снова оглушительные взрывы, дым, пыль, обломки. Они говорили нам: «Хотели нас достать — а мы всё ещё здесь. Получайте».

Когда дым рассеялся, я спросил сержанта:

— Что видят снайперы сейчас?

Он замялся.

— Снайперы?

— Да, что они видят?

— О, их там уже нет, сэр.

— Что? Вы шутите.

— Да, мы попробовали снайперов, не получилось — их убрали.

— Нет, нет, нет, — я едва верил ушам. — Скажите командиру вернуть их, чтобы они докладывали, что там, чёрт возьми, происходит. И если увидят движение — пусть стреляют.

Меня это раздражало, но они отнеслись с пониманием. Похоже, я учил их прямо на ходу. Сержант вышел в эфир и передал просьбу вниз, где уже готовили следующий заряд.

На телефоне я написал: «После неудачного пролома получили плотный огонь, готовим новый заряд» — и отправил в группу.

Как и с промахом снайперов, у неудачного пролома должен был быть положительный эффект: боевики теперь чувствовали угрозу с трёх направлений — снайперы в Grosvenor (даже если их ещё не вернули), заряд сверху и моя команда снизу. Единственное, что они могли контролировать, — это мы. Я предполагал, что они сбились в кучу у верхней площадки лестницы, чтобы держать нас под прицелом. Это хорошо. Мы сужали их пространство. Мораль таяла. Интересно, сколько они протянут.

Ещё один час прошёл, прежде чем снайперы вернулись. Я едва замечал время — фокус был полностью на деле.

Снайперы доложили: не видят движения. Наконец, следующий заряд был готов — с тем же количеством взрывчатки — и результат был тем же. Неудачный пролом, затем «любовная записка» от террористов, снова заложившая нам уши и заставившая всех кашлять.

ГЛАВА 21. АВЕ МАРИЯ

И когда настанет пылкий миг, и всё остальное исчезнет из мыслей, и лишь радость боя схватит его за горло и ослепит, — сквозь радость и слепоту он узнает, не слишком заботясь о знании, что ни свинец, ни сталь не достигнут его, если на то не воля судьбы.
— Джулиан Гренфелл, «В бой»

Было около 2:30 ночи — одиннадцать часов с момента теракта смертника, начавшего осаду. Два взрывных заряда не дали результата. Оставалось только ждать.

Я спросил командира о ночном видении. У части штурмовой команды были ПНВ, у части — нет, а мои лежали в пикапе. Будь они у всех, можно было бы выключить свет вокруг.

К трём часам ночи я всерьёз забеспокоился о батарее телефона. Она была одним из моих главных активов с момента выхода из душа дома. Телефон предупредил об атаке, помог найти комплекс, предупредить вертолёт BBC о моём присутствии на крыше парковки, держал связь с штабом и генеральным директором. Нужно было зарядить.

Одновременно пришла мысль: можно сделать полезное дело, пока ждём. Вместо того чтобы держать людей на каждом из трёх коридоров, лучше зачистить все номера на шестом этаже — тогда ребята закончат эту задачу и присоединятся к главной работе.

Я поручил троим из штурмовой команды зачищать комнаты одну за другой. Начали с центрального коридора, освещённого потолочными лампами и маленькими лампочками у каждой двери. Ковёр был так себе — лиловый с интенсивным узором из серых, белых и жёлтых линий.

В одной из первых комнат я нашёл то, что искал, — белый зарядный кабель. Телефон включил. Бинго. Я на секунду задумался, кому он принадлежит. Бизнесмен, приехавший заключить сделку и бежавший спасая жизнь? Молодожёны перед сафари?

Продолжая выбивать двери, я был впечатлён первой возможностью увидеть бойцов Recce в бою в помещениях. Они знали своё дело. Бах! Сканируем. Врываемся. Переворачиваем всё. Дальше. Я подключился — отдавал инструкции — и мы работали как команда, двигаясь по коридорам. Почти все номера следы недавнего обитания — незастеленные кровати, открытые чемоданы, косметика у раковины, — но никого в них не было.

Трудно было игнорировать мини-бары. Никто из парней ничего не ел и не пил по меньшей мере семь-восемь часов.

— Скажи им брать из мини-баров, что нужно, — сказал я сержанту, вернувшись, когда шестой этаж был зачищен. — Проследи, чтобы пили и ели.

— Вы уверены, сэр? Это же кража? — спросил он, подчёркивая разницу между парамилитарной полицией и регулярной армией. В почти любой стране военные набросились бы на содержимое мини-баров в такой ситуации без вопросов.

— Пусть берут безалкогольное и еду. Если потом будут проблемы, скажите, что я разрешил.

Получив добро, как возбуждённые школьники, парни прошлись по номерам сменами, опустошая мини-бары. Чипсы, орехи, шоколадки, свежие фрукты — всё улетело. Самый популярный товар — Red Bull, запасы на шестом этаже быстро иссякли.

Я был в тонусе, но плечи, бёдра и рёбра начинали болеть после часов зачистки и работы со штурмовой группой. Мы по очереди отдыхали несколько минут на приступочке у лифтов. Я всё ещё был мокрым от пота и начинал мёрзнуть. Не голодал, но взял Red Bull — мне было всё равно, что эффект короткий. Вкус нравился.

Все вернулись на позиции, когда я услышал звук, похожий на далёкий чирканье спички. Сразу после — шипение горящего фитиля. Я знал, что это значит.

— Все назад! СВУ! Это СВУ! — заорал я, слыша, как устройство катится и подпрыгивает по лестнице: данк, данк, данк. Все бросились назад.

Взрыв был намного громче гранат, и ударная волна — совершенно другого порядка. Гранаты взрывались на уровне груди, обхватывая угол коридора. Этот — гораздо ниже. Ощущение, будто бьёт по голеням и ступням.

Мощности хватало сбить людей с ног. У одного парня между ботинками и брюками была щель — кожу рассекло осколками.

Осколки разнесли штукатурку и изрыли пол, сделав ещё один шаг к разрушению коридора. В секунды после взрыва я чувствовал, как пыль горит в носу и во рту при каждом вдохе, а незащищённые уши звенели.

Я понял: СВУ могло быть задумано для зачистки площадки перед прорывом боевиков вниз. Нельзя этого допустить. Как только взрыв стих, я заорал:

— Вперёд! Занять позиции!

И мы бросились обратно, как полиция из кинокомедии.

Но боевики не пошли на прорыв, и их СВУ не достигло ничего. Серьёзных ранений не было.

Следующий план — снова проламывать зарядами, плюс кувалды, чтобы пробить крышу. Начался гул: бум, бум, бум — молоты били над нашими головами.

В 4:30 утра третий заряд был готов.
Я предупредил группу. Штурмовая группа и я приготовились. Секунды тянулись — заряд детонировал. Отель содрогнулся.

Рация: «Удачный пролом! Удачный пролом!»

В голосах парней наверху слышался восторг. Это был не тот сюрприз, что я планировал пять с половиной часов назад, но мы наконец пробились. Теперь — добивающий удар: шквал гранат, которые должны были сбросить на головы террористов.

Ждём. Десять секунд. Тридцать. Ничего.

— Они будут бросать гранаты или нет? — спросил я сержанта.

— Да, сэр, сейчас будет.

Примерно через две минуты — один взрыв, и тишина.

— Это всё? — спросил я.

— Да, это всё.

Меня осенило: будет только одна граната, а не шквал, который я ожидал. Я не уточнил, что именно хотел. Сказал «штурмовать с гранатами» — они поняли «с одной гранатой». Вместо решительного удара — ничего. Мы знали это, потому что через пару секунд боевики бросили ещё одну гранату вниз, за ней — автоматную очередь.

Мы поняли — и ещё повезло, что поняли. Боевики дали знать, что живы, и это исключало любые мысли о подъёме по лестнице. Видимо, граната, брошенная GSU через дыру, взорвалась не с той стороны двери спортзала, и террористы были защищены от взрыва.

Около 5:30 сержант получил по рации сообщение: GSU внизу обнаружили двух террористов в подвале отеля. Я сообщил всем в группе, но фокус оставался на седьмом этаже. Полагал, что командиры внизу организуют штурм подвала. Время от времени боевики наверху открывали огонь или бросали гранату. Моя команда ротировала людей и следила, чтобы все были накормлены и напоены.

В какой-то момент ночью друг из SAS прислал фото. Я дважды посмотрел, прежде чем понял, что это пресс-снимок меня, сделанный накануне, — как я врываюсь в парикмахерскую у КПП.

«Ты самый пацанский в полку. Блядь, отличный выход», — написал он, используя старый термин парашютистов «alleyist» — «выглядеть очень круто». Я тихо посмеялся. Вот мир, подумал я, — можно увидеть фото себя в бою, пока бой ещё идёт.

Во время перерыва я поболтал с парнями. Помимо сержанта и Исаии, мне особенно нравились двое: молодой боевой медик в очках с толстой оправой, явно знающий, что делать в такой ситуации, и Джеремайя — ещё крупнее Исаии, настоящий атлет. Компетентный, храбрый, мотивированный.

— Херня, что они делают с Кенией, — сказал мне Джеремайя со злостью о боевиках «аш-Шабаб». — Они выставляют нас и портят страну — пытаются разрушить Кению, но у них не выйдет.

Мы согласились, что террористы «аш-Шабаб» — трусы: хладнокровно убивают безоружных гражданских, а с нами драться не хотят.

— Почему бы вам не спуститься и не сразиться, твари? — орали Джеремайя и другие по-английски в паузах между стрельбой. Они называли

террористов «мусульманскими трусами», боящимися сразиться с христианами.

Иногда им отвечали — но только огнём.

Кенийцам было интересно моё снаряжение, особенно то, что на поясе, и оружие. Я показал свой штатный пистолет с кастомным стволом и оружейным фонарём. Они постоянно твердили про его магазин на двадцать один патрон — были убеждены, что он вставлен неправильно, потому что торчит из рукоятки.

— Проверьте это, сэр, — говорили они. Это стало бегущей шуткой.

Время летело, приближался рассвет. Хотя я был на ногах с 4:30 утра предыдущего дня — казалось, прошлой жизнью, — я не чувствовал усталости. Никто не отставал. Все ждали момента.

Он, кажется, приближался. Каденс огневых и гранатных атак ускорялся к рассвету. Я нутром чувствовал, что боевики к чему-то готовятся. Но тревожился, к чему именно. Ещё СВУ? Покрупнее? Спрятали большое устройство в спортзале или ещё где-то в отеле — для подрыва себя и нас вместе с зданием?

Рассвет пришёл в 6:40. Думаю: они пойдут вниз после утренней молитвы, да?

Как будто отвечая, боевики прислали ещё одну гранату.

Затем впервые мы услышали их голоса. Они молились — но звучало скорее как предупреждение, чем как зов к Всевышнему. Громко и чётко: «Готовьтесь, мы спускаемся».

— Ребята, ребята, сейчас, сейчас, — сказал я полным голосом.

Один из бойцов в зелёном недоумённо спросил:

— Откуда ты знаешь?

Я ответил с усмешкой:

— Они готовятся встретить «своего» Бога.

Я был номером вторым в «стопке», но парень впереди обернулся:

— Давай поменяемся.

Я пожал плечами. Давай. После утренней молитвы я тихо прочёл «Аве Марию» — Радуйся, Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей. Едва закончил — гранаты полетели, одна за другой.

Вот оно.

Взрывы, мы отступили для укрытия. Потом двинулись вперёд. И на этот раз увидели движение.

Первый боевик «аш-Шабаб» спускался по лестнице. Быстро.

К моменту, когда мы заняли позиции, он уже был внизу — молодое, тонкое лицо, тёмная кожа, чёрная форма, яркий зелёный нагрудник. Поливал автоматным огнём из АК.

Наша реакция — почти мгновенная. Кенийцы за мной и я — все нажали спуски одновременно. Грохот был оглушительным.

Я чувствовал, как пули кенийцев проходят близко к моей голове.

Дробь секунды боевик продолжал идти. Пули попадали, но он не падал. Я целился в корпус, выстрелил трижды. Затем перенёс прицел на лицо и выстрелил ещё раз.

Тело дёрнуло, голова откинулась — и он рухнул.

Раны на ногах, шее, руках. Левая сторона черепа — на месте выхода моей пули — отсутствовала. Вокруг — гильзы от его оружия. Время от его появления до смерти — примерно секунда.

Когда он открыл огонь, было ясно: он не знал, куда стрелять. Это спасло нас от ранений. Бежать и стрелять «от бедра» на автомате — даже в упор — неточно. Пули идут в землю перед собой, ствол поднимается от отдачи и гуляет. Даже на дистанции в десять ярдов — удача попасть.

Второй боевик не замедлил. Пошёл вниз сразу после первого — разрыв в две секунды, не больше.

Я думал об этом всю ночь: что делать, если они спустятся?

Ответ: все открыли огонь, отбили ему ноги, затем по корпусу, когда он показался. Масса огня сбила его до того, как он миновал промежуточную площадку.

— Прекратить огонь! — орал я, перекрывая шум.

Наступила оглушающая тишина.

Второй труп был засыпан битым стеклом, кусками штукатурки, пылью. Одна нога подогнута под другую, форма пропитана кровью. На голове — неповреждённой — красная бандана.

Затем странное: через несколько секунд после прекращения огня кенийцы бросились в зону поражения.

— С Кенией не связываются! — заорал Исаия. Все ликовали.

Я стоял у угла коридора и думал: какого чёрта? Наверху ещё двое. Это не момент для праздника — нужно немедленно наверх, нейтрализовать угрозу.

Я рванул мимо них, крича:

— Зачищаем! Зачищаем! Зачищаем!

Перепрыгнул через труп первого. Все поднялись, заняли дверь спортзала, начали зачистку. Через несколько минут я понял: там никого нет.

— Где они? — спросил я сержанта, сдерживая раздражение.

— О, их было только двое, сэр.

Я вздохнул.

— Ладно. Видимо, что-то потерялось в переводе.

Спросил про террористов в подвале.

— Нужно спуститься и взять их, — сказал сержант.

Та версия меня, что существовала до этого дня, не поверила бы, но теперь меня ничто не удивляло. Похоже, всё зависит от нас. Я даже не удивился, услышав:

— Сначала нужно зачистить остальной отель.

Спустившись с седьмого этажа, я увидел, как парни вынимают гранаты из подсумков на телах боевиков, проверяют на растяжки и закрепляют скотчем рычаги. Я снял убитых на телефон и отправил в 7:34:

«Двое EKIA» (враги убиты в бою). «Продолжаем зачистку. Фото убитых — по запросу».

Добавил, что в отеле ещё минимум два «икс-рея» (террориста), и мы идём вниз.

Генеральный директор ответил, что фото нужны. Я отправил.

— Большое спасибо, — написал он.

Глядя на двоих молодых людей, я не почувствовал ничего — ни чувства достижения. Просто подумал: нужно сфотографировать. Не думал о них как о людях. Я узнал, что они, вероятно, этнические сомалийцы, жившие в Кении. Но никакой эмоции. Как сбитый зверь на шоссе.

Звучит холодно, но к смерти я привык. Первый раз я убил человека в совсем другой обстановке. Это был ранний 2003 год, пустыня Ирака, с Взводом следопытов, в районе, который некоторые историки считают местом библейского Эдемского сада.

ГЛАВА 22. ЭТО ВОЙНА

Не бойся; судьбу нельзя отнять у нас; она — дар.
— Данте Алигьери, «Божественная комедия: Ад»

Меня вызвали в штаб 16-й десантно-штурмовой бригады в старом фабричном здании под Басрой на юге Ирака, чтобы поставить задачу.

Был конец марта 2003 года. Вторая война в заливе шла больше недели. Пока американцы составляли крупнейший контингент — 248 000 человек, британцы — второй, с 48 000. Операция TELIC была крупнейшим развёртыванием британских вооружённых сил со времён Второй мировой.

Центр страны: авиация коалиции бомбит Багдад, наземные силы наступают. На севере: американские десантники открывают фронты у Киркука и Мосула. На юге: британская 7-я бронетанковая бригада вела бой за критический портовый город Басра против иракских ополчений.

Взвод следопытов получил задачу установить наблюдательные посты за линией фронта. Но лично я ещё не видел боя. Мотался, ждал шанса.

Один из патрулей, в который я не попал — позывной Three Four Alpha на трёх WMIK — был отправлен глубоко на территорию врага для разведки посадочной полосы севернее Насирии. Миссия едва не обернулась катастрофой: разведка предполагала свободные зоны, но они пробивались через плотные засады иракских войск. Чудом вернулись побитые, но невредимые.

Ник Кристи, офицер, возглавивший Следопытов в 2002 и начавший давать мне хорошие задания, знал, что я рвусь в бой. Он берёг меня для «особо вкусной» миссии.

Когда услышал, что он задумал, — весь внимание.

Задача позывного Three Four Delta: близкая разведка иракской бронетанковой дивизии. Дивизия базировалась примерно в пятидесяти милях севернее Басры, южнее Эль-Курны — у слияния Тигра и Евфрата. Район бывших болот, который некоторые считают местом библейского Эдемского сада. Цель — крупное скопление бронетехники: танки, БТР, артиллерия, около четырёх тысяч человек — серьёзная угроза силам коалиции. Нужно было точно определить количество людей, танков,

оружия, состояние готовности, рельеф. Также — общая обстановка: активность вражеских сил и гражданских, погода, всё, что поможет планированию штурма.

Всё это — высокая степень опасности и почти неизбежный контакт с иракской армией на ровной местности без укрытий. Риск был так высок, что Кристи — высокий, привлекательный, с готовой улыбкой — сделал необычный шаг и сказал мне, что если я сочту миссию слишком опасной, можно отменить.

Это было не про меня.

— Нет, нет, нет, — качал я головой. — Делаем.

— Думал, ты это скажешь.

Для меня всё, о чём я мечтал и к чему готовился, вело к этому моменту. Шанс командовать тайной-операцией на оккупированной врагом территории в разгар полномасштабной войны. Пропущу — только через мой труп.

Я ушёл планировать с парнями. Двенадцати человечный патруль на четырёх WMIK. Выезд в сумерках, движение на север через линию фронта, удерживаемую 3 Парашютным, до точки в трёх милях южнее иракской дивизии. Там девять человек — «патруль обеспечения» — остаются с машинами на точке ожидания (LUP), а трое пешком идут на близкую разведку (CTR).

Троих я выбрал, потому что больше — шумно и сложно скрыться. Три следопыта — достаточно для скрытности и достаточно, чтобы выжить в случае боя.

Мои проверенные: Пэдди — стрелок мирового класса со снайперской винтовкой, хладнокровный под давлением. Ларри — абсолютный профи, подход к службе — как у меня: безупречно подготовлен, твёрд как гвозди, ищет драки.

Я? Был готов убить, если придётся. Если можно выполнить задачу без этого — отлично. Но мы знали, что это маловероятно, и почти наверняка нарвёмся на бой.

Я был на подъёме с момента получения приказа. Вооружён: 40-мм гранатомёт под винтовкой, рация для вызова авиаподдержки. Я был передовым авианаводчиком. Но если не будет экстренной нужды —

работаем без авиакрыла. Это почти неслыханно для такой миссии, но война растянула возможности до предела. Меня это не слишком беспокоило.

Шли налегке. Должны были быть быстрыми. Desert DPM, без шлемов, без брони. Лица — чёрные, для маскировки и психологического преимущества в ближнем бою. Тёмная ветровка, лёгкие горные ботинки. Главное оружие, осколочные гранаты. Ларри — M249 (Minimi) для огневой мощи. Пэдди — снайперская винтовка. У всех — пистолеты Browning Hi-Power, аптечки, вода на сутки, NVG.

План: войти ночью, провести CTR, вернуться к рассвету. Следующей ночью — вернуться, установить замаскированный наблюдательный пост, начать поток информации в штаб бригады.

На картах — точка аварийного сбора (ERV). Все знали «действия на» — при любом варианте: бой, невозврат к WMIK, преследование.

Но всё пошло не так с самого начала.

На первой попытке Land Rover второго командира скатился с насыпи у блокпоста 3 Парашютного. Он застрял под машиной, серьёзно ранен, эвакуирован. (Полностью выздоровел.) Пришлось отменить и пробовать на следующий день.

ГЛАВА 23. ПЕРВАЯ КРОВЬ

И здесь, в пустыне, я видел Бога и остался жив после видения.
— парафраз Бытия 16:13

Закат следующего вечера. Мы приближались к точке, где машины свернут с пустынной дороги на LUP. Я заметил одинокого чёрного пса на холмике ярдах в пятидесяти.

Животное смотрело прямо на меня, замершее. Четыре машины с пулемётами пронеслись мимо.

Я толкнул Ларри, который был за рулём:

— Думаю, сегодня ночью мы убьём людей.

— Почему? — спросил он.

— Видишь вон того пса?

Видел.

— В старых преданиях, когда дьявол является на землю, он принимает вид чёрного пса. Это знак.

— Да-да, Крис. Скоро проверим. Но надеюсь, ты прав.

Машины оставили на ERV около девяти вечера. Пешком — две мили до цели.

Есть табинг (тактическое продвижение к бою), есть тяжёлый табинг, а есть то, что нам пришлось делать той ночью. Местность — ад: маленькие песчаные бугры, то твёрдые, то мягкие. Трое следопытов, нагруженных оружием и боеприпасами, прошли меньше мили за два с половиной часа.

Так не пойдёт. Остановился.

— Так, мы не успеем и можем попасть под свет. Знаю, не лучшие правила, но выйдем на дорогу, — указал на пустынный тракт, — и двинемся по нему быстро. У линий электропередачи сойдём на пересечёнку.

Обычно дорогу избегают — опасность засады и мин. Но выбора не было. Ларри и Пэдди согласились. Дорога вела обратно в сторону ERV. Вышли, ПНВ на глазах, пустыня — жуткий зелёный пейзаж. На горизонте — вспышки бомбардировок коалиции и трассеры зенитного огня.

Я на острие, одинарной цепочкой, семь ярдов между нами — если обстрел, заденет одного. Оружие наготове. Останавливался на колено, сканировал, слушал.

Около пятисот ярдов до линий электропередач, враг — ещё в пятистах дальше. Приблизились к линиям: по обеим сторонам дороги — небольшой берм, насыпь из щебня, будто сгребённого бульдозером. Двигались медленно по этой воронкообразной ложбине, когда я остановился — рация в рюкзаке за спиной оттягивала, нужно поправить.

Махнул парням остановиться, присел...

И услышал.

Арабские голоса. Тихо... но отчётливо.

Они были близко. Очень близко.

О Христос, подумал я, мы влетели прямо в иракскую армию.

Медленно повернулся к Ларри и Пэдди: большой палец вниз, указал на голоса. Ларри застыл, дуло — супер-медленно — к угрозе. Пэдди прикрыл правый фланг и тыл.

Сердце пыталось выпрыгнуть из груди. Иракские солдаты — не дальше шести футов, по другую сторону берма, не выше четырёх футов. Не может быть.

Манью Ларри: вперёд... медленно, медленно...

Малейший звук гравия, ствол о магазин — вопрос жизни и смерти. Как, чёрт возьми, мы выберемся? — думал я, когда услышал движение. Кортизол снова рванул.

Фигура с АК встала и посмотрела прямо на меня. Я засёк мгновенно.

Поднял оружие и выстрелил в корпус, двигаясь, чтобы стрелять снова, когда он падал. Но моя SA80 заклинила. Второго выстрела не было. И контуры новых фигур уже появлялись.

Случайность ли, что тот парень встал? Услышал? Почувствовал запах? Я знал одно: выстрелил в упор, и он упал. И за наносекунду, по отдаче, понял: винтовка заклинила. Наверное, песок и пыль от машин, или рукоятка за что-то зацепилась.

Все годы подготовки — и на автомате (думать некогда) — я выхватил гранату из подсумка. Выдернул чеку, бросил за берм.

Взрыв — и крики ужаса.

Я уже двигался — Browning в руке. Классика: лучшая защита — нападение.

Ларри слева, Пэдди справа — мы перемахнули через берм. Группа людей, некоторые тянулись к винтовкам. Нужно убить, пока не убили нас.
Чистым инстинктом я застрелил пятерых за секунды — по два выстрела каждому, прежде чем кто-то дотянулся до спуска. Ларри из Minimi снял ещё двоих. Пэдди бросил две гранаты вглубь — зачистить подход к позиции, которая оказалась засадой.

Пока всё — секунды. Но пустыню разорвал грохот, и теперь, казалось, всё оживёт.

— Пошли! — заорал я.

Ларри и Пэдди отступали, я давал пару очередей в темноту, чтобы замедлить преследование. Потом они прикрывали мой отход. После двух циклов я выпустил две 40-мм гранаты по вражеской позиции.

Прислушались — ничего.

— Погнали, — прошептал я, и мы рванули по дороге.

На ERV Пэдди со снайперской, я по рации вызвал патруль обеспечения. Дал короткий «отчет» для штаба.

— Что видишь, Пэдди?

— Нихрена, — мрачно.

Иракцы не преследовали. Мы были злы. Хотели бой.

— Почему они не идут? Твари, — шипел Ларри в темноту.

Но мы уже поняли, что это была сломленная армия. Никакой воли даже у регулярных войск Саддама — только защита позиций.

Кровь кипела, адреналин и восторг — на полных оборотах, когда машины прибыли.

Позже, на штабе бригады, я сделал «горячий дебрифинг» с Ником Кристи.

— Хорошая работа. Теперь отдыхать, — сказал он.

Я был очень доволен. Мы знали, что нарвёмся на бой, и среагировали контролируемой яростью, которая спасла жизни. Был доволен и своими решениями как командир. Хотя вышло боком, альтернатива — через пересечёнку — была бы хуже: потеря времени, ловушка при свете.

Утром в штабе я причастился у бригадного падре. Никаких сомнений или чувства вины — я был на подъёме. Написал отчёт, лёг в спальник на старой полке, застегнулся, свернулся — и почувствовал себя ребёнком, получившим лучший рождественский подарок.

Командовал. Всё пошло вкривь — но вышли достойно. Был ментально готов; знали — контакт почти неизбежен; были готовы. Перед выходом даже вычистили магазины — чтобы ничего не заклинило. Не помогло — но это урок на будущее.

Переход на пистолет был мгновенным, вторым натурой — потому что я был готов. Будь это случайный патруль и винтовка заклинила — был бы я так быстр? Наверное, нет. Всё упирается в ментальную подготовку. Она спасла Three Four Delta. Урок, который пригодился в Кении шестнадцать лет спустя — когда я приехал готовым к теракту в любой момент.

Люди часто стесняются говорить об убийстве в бою. Даже офицеры британской армии не любят — будто это не про нас. Но с моей точки зрения готовность убить — суть быть солдатом. Когда ты ребёнок и играешь в «солдатиков», что ты делаешь? Убиваешь. Как ни называй — суть та же.

Потом кадеты — стрельба по мишеням в форме человека. Боевые порядки отделения — атака на бункер, убийство всех внутри. Для многих бойцов убийство в бою — исполнение всех лет подготовки.

Я знал, что смогу. Знал, что это не проблема. И, как с боевиками «аш-Шабаб» в DusitD2, я никогда не думал о тех, кого убил в Ираке. Либо я их, либо они меня.

Иракская армия капитулировала через несколько дней после второй миссии Three Four Delta. Багдад пал. Остаток командировки — в основном без происшествий.

Через несколько недель после вторжения я участвовал в экскурсии по полю боя с командирами 16-й бригады. Остановились на том месте, где я убил пятерых. На фоне — сотни брошенной бронетехники. Я был поражён масштабом иракских сил. Хорошо, что у армии Саддама не было боевого духа — будь они мотивированы, нам пришлось бы туго.

Командиры спросили, сделал бы я что-то иначе. Не удержался от дурачества:

— Сэр, я бы крикнул что-нибудь брутальное, стреляя из пистолета — вроде «ночью вы спите в аду».

Встретили это неловким смехом — вежливым способом сказать «заткнись».

Вернувшись в Великобританию, я коротко поработал в роли взводного сержанта Следопыта, когда тот ушёл на отбор в SAS. Он провалился на холмах и вернулся — моя дорожка закрылась. В августе 2004 Ник Кристи ушёл из подразделения. Перспективы тускнели. Я подал рапорт на увольнение.

Но в конце года на учениях по свободному падению в Калифорнии встретил друга из SAS. Он отговорил меня.

— Ты всегда будешь жалеть, что не попробовал снова. Вернись, пройди отбор. Не пройдёшь — всегда уйдёшь в охрану. Пройдёшь — это новый вызов, и ты обожаешь вызовы.

Я отозвал рапорт. В начале 2006 года подал заявку на отбор SAS. Мне было тридцать — лимит тридцать два. Последний шанс.

Снова холмы Брекон-Бикон. Табил как одержимый. Не травмировался, не упал. Прошёл курс. И наконец попал в 22-й полк специальной авиации.

Я был горд, но держал это при себе. Около года спустя позвонил дяде Фрэнку и пригласил на боксёрский матч SAS. Он, кажется, сложил два и два, но только в тот день, когда командир эскадрона упомянул моё имя в комнате с фотографиями недавних командировок, включая снимки меня, Фрэнк наконец понял.

— Крис, ты в SAS? — спросил он, смеясь от недоумения.

Я кивнул.

— Да. Я в SAS.

ГЛАВА 24. АДСКАЯ КУХНЯ

Ещё раз в пролом, друзья, ещё раз.
— Уильям Шекспир, «Генрих V»

В DusitD2 мы разобрались с террористами на шестом этаже. Я отправил фотографии тел генеральному директору, гранаты и оружие обезопасили.

Теперь — оставшиеся двое в подвале.

— Нужно спуститься и убить их, — повторил мне сержант Reccе. — Но сначала зачистить остальной отель.

Около 7:40 утра. Боевики внизу были обнаружены три часа назад, когда бойцы Reccе и обычные офицеры GSU спустились по служебной лестнице в подвал как «лёгкая зачистка» — не тактический штурм, а проверка. Они предположили, что угрозы нет. Это стоило одному офицеру жизни.

При спуске они столкнулись с террористами лицом к лицу. Те открыли огонь. Один офицер GSU погиб мгновенно, другой тяжело ранен. Reccе среагировали героически: вытащили раненого, стабилизировали в фойе, отправили в больницу.

Позже обнаружили тело сотрудника отеля, прятавшегося под лестницей из фойе в подвал. Казнён — выстрел в голову в упор. Колени вместе, мозг на стене.

После перестрелки террористы сочли себя прижатыми и остались в подвале. Reccе не стали наступать. Они оставили это моей группе, которая теперь росла. К двенадцати присоединились ещё двенадцать. Хорошо — нужно было зачистить все этажи по пути в подвал. Последнее, чего я хотел, — ввязаться в бой в подвале и узнать, что ещё пара боевиков сидит в гостевом номере наверху.

Этаж за этажом, комната за комнатой. Вышибал дверь за дверью — не меньше двадцати на свои ноги. Мы привели отель в состояние хаоса. Но это было абсолютно оправданно.

Во время шума и криков пришло сообщение: молодая американка Мейли Чапин прячется в номере 316. Можем ли мы найти и спасти её?

Я отделился, нашёл номер, выбил дверь. Кричал, что пришёл спасать. Переворошил всё — никого. Позже выяснилось: она уже выбралась.

Пряталась под раковиной всю ночь, посылала тексты семье. Семья предупредила правительство США, которое неосмотрительно отправило двух чиновников в гражданском в бронированном Land Cruiser. Те сидели у входа, дожидаясь зачистки. Услышав, что мы убили террористов наверху, им сказали, что безопасно — хотя это было не так — и они вошли и вывели Мейли. За минуты до моего прихода. После того как Мейли и ещё одного гражданина США вывели, и чиновники поняли, что здание не защищено, они вернулись в свою машину.

Мы продолжили зачистку, пока не убедились: отель пуст от гостей и боевиков. Вернулись в бар на первом этаже, где двое командиров Recce изучали фотографии тел на шестом этаже.

— Хорошо, хорошо, — сказал один. — Теперь нужно в подвал. У нас один погибший внизу, и, думаем, два «аш-Шабаб» ещё там.

— Нужно минимум шесть стрелков, — заметил я.

Командиры объявили сбор. Но не все рвались.

Четверо из моей первоначальной группы — Исаия, Джеремайя и ещё двое — вышли вперёд сразу. Остальные внезапно «занялись» делами: обыском фойе или расплывались.

— Ребята, нужно минимум шесть — я буду пятым, — сказал я, пытаясь собрать всех.

Шестой быстро нашёлся. Когда все поняли, что я продолжаю участвовать, их число быстро выросло до двадцати.

Из-за бездействия GSU в фойе мы не знали, где боевики. Они могли быть где угодно в подвале. Мы не хотели использовать ту же лестницу, что Recce раньше, — риск засады. Выбрали маршрут через чёрный ход в кухню, оттуда — пандус в подвал.

Двинулись через обеденный зал к кухне. Вдоль длинной стойки раздачи. Я запихнул в рот забытый клубный сэндвич. Четверо впереди ответвились проверить туалеты и офис.

Я занял первую позицию у кухонной двери. Ну, погнали, подумал с усмешкой.

За стойкой — затенённая мёртвая зона. Я решил применить свой приём в стиле Патрика Суэйзи из «На гребне волны»: запрыгнул на стойку,

пробежал, глаза за стволом, сканируя дальнюю сторону. Ребята сзади смотрели в недоумении. А почему бы и нет — быстро и эффективно.

Спрыгнул, выбил распашную дверь на кухню — и обомлел.

Если ты шеф-повар в пятизвёздочном отеле и теракт прервал дегустационное меню, от менеджмента обычно идёт «беги, прячься, звони». Но они не говорят: «Выключи все духовки, плиты и конфорки — потом беги, прячься и звони».

Стена жара и запаха, ударившая меня, была чем-то. Персонал просто бросил всё и убежал. Всё, что было в духовках и на конфорках, готовилось семнадцать часов. Результат — едкий, жгучий, ошеломляющий удар по органам чувств. Плюс густой дым, висевший под потолком. Мне повезло, что я пяти футов десять — голова не в дыму.

Кухня полна закоулков и ниш вокруг чёрно-хромового оборудования — где угодно могли прятаться боевики. Как показали двое наверху, эта команда — на самоубийственной-миссии, и они не оценивают риски как регулярные солдаты.

За все годы «убей или захвати» в зданиях я никогда не встречал такой нервно-напряжной обстановки. Мы медленно двигались по плиточному полу, стволы вверх, зачищая каждый альков и заглядывая под оборудование. Никого.

Убедившись, что кухня чиста, приготовились идти туда, где, мы знали, террористы будут.

Пора спускаться в подвал.

ГЛАВА 25. НЕСИТЕ БАЗУКУ

Долог и труден путь, что из ада ведёт к свету.
— Джон Мильтон, «Потерянный рай»

Дверь в конце кухни вела в проход, спускавшийся к входу в подвал. В подвале находились офисы и кладовые, сгруппированные в центре пространства. К ним вёл коридор, петляющий вокруг них непрерывным кольцом.

Подвал был административно-хозяйственной зоной отеля: в центральных помещениях стояли стиральные и сушильные машины, офис персонала и небольшая охранная комната, где дежурный обычно следил за камерами видеонаблюдения отеля. Один конец подвала был открыт во двор, куда грузовики подъезжали для разгрузки.

Около 8:15 утра я вошёл в подвал. Глазам потребовалась секунда, чтобы привыкнуть. Сканируя коридор на угрозы, я увидел, что осколочные повреждения от взрывов гранат разнесли освещение — оставался только рассеянный свет из двора. Над головой в трубах центрального отопления зияли дыры, бившие струями горячей воды. Как и свет, их, вероятно, повредили осколки гранат, брошенных террористами при первом проникновении. Кипяток уже стоял по щиколотку.

Где-то в этом аду находились двое боевиков «аш-Шабаб». И у них было преимущество: как и пара наверху, они почти наверняка выбрали эту часть отеля заранее как удобное место для последнего боя.

Я свернул налево в отрезок коридора, ведущий к двору. Похоже было на пешеходный подземный переход. Горячая вода пропитывала джинсы. Клаустрофобическое чувство — находиться в подбрюшье отеля, в месте, которое его элегантная публика никогда не увидит, особенно в таком состоянии. Я прошёл по воде и зачистил офис, где оформляли документы на поставки. Один из бойцов Recce шёл за мной. Ещё трое были на подходе. Они были близко, но ещё в коридоре, когда боевик вышел из-за угла в дальнем конце и окатил нас огнём из АК-47. Трое офицеров шарахнулись обратно к кухонной двери. Чудо, что никто не был ранен.

Террорист выстрелил снова. На этот раз я вышел из офиса, частично в его линию огня. Увидел вспышку ствола и выстрелил пять раз. Отступившие бойцы Recce дали залп. Звук в замкнутом пространстве был потрясающим.

Я не мог быть уверен, попали ли, а с ещё одним боевиком где-то в этом лабиринте — нужно было проверять.

Трое офицеров GSU рванули мимо меня во двор, я за ними. Быстро перегруппировались, и кенийцы — некоторые, похоже, знали планировку подвала — сообщили, что можем добраться до боевиков, пройдя дальше по проходу. Двинулись вперёд, рассчитывая застать их врасплох.

Но второй террорист ждал нас. При нашем продвижении он швырнул гранату и открыл огонь через щель в раздвижной стеклянной двери, перекрывавшей коридор ярдах в восьми перед нами.

— Назад! Назад! — заорал я. Все развернулись и бросились обратно ко двору. Опять момент из комедии, но тут было не до смеха. Граната взорвалась с оглушительным грохотом, обрушив штукатурку и трубы с потолка, коридор заполнился чёрным дымом.

И снова чудо — никто не был ранен.

Мы восстановили порядок и начали отвечать огнём от входа во двор, отскакивая назад при каждом его залпе. Настоящая перестрелка. Хотя при свете — точнее, в полумраке — двери выглядели обычными, стеклянные двери, за которыми стоял боевик, останавливали наши пули 5,56 мм. Мистер «аш-Шабаб» это знал: щель между дверями позволяла стрелять и бросать гранаты снизу, а потом отступить вбок под прикрытие. И пока мы стреляли, он стоял в темноте и с безразличием показывал нам средний палец.

Принято считать, что пуля из штурмовой винтовки со скоростью 2500 футов в секунду разнесёт любое стекло. Но современный плексиглас на удивление прочен, даже в упор. Меня злило, что я заказал бронебойные патроны по приезде в Кению, но они так и не пришли. Эти патроны пробили бы двигатель или бронежилет, и обычно я носил магазин с ними. Они прошли бы сквозь стекло и ударили боевика.

Не посоветовавшись со мной, бойцы Recce — нас у входа во двор было около пятнадцати — достали дробовик и начали стрелять по дверям. На вопрос, что делают, ответили: пробивают стекло. Они и не подозревали, что часть патронов в дробовике — газовые слезоточивые.

Вскоре воздух в тёмном затопленном коридоре заставил глаза слезиться. Я чувствовал вкус, ощущал стеснение в груди, но не сообразил, что это слезоточивый газ. Думал — хлор из воды, текущей из труб.

Следующий план — спустить 66-мм противотанковый гранатомёт. M72 LAW работал бы на минимальной дальности и мог уничтожить не только стеклянные двери и боевика, но и часть фундамента отеля. Мой внутренний ребёнок-оружейник радовался, хотя я опасался, что граната M72 может не детонировать на такой короткой дистанции — и тогда получим неразорвавшийся боеприпас. Знал риски, но решил: к чёрту, погнали.

— Да, несите базуку, — сказал я, к удовольствию кенийцев.

Пока ждали, бойцы Recce угостили террориста длинной очередью. На этот раз, видимо, стекло пробили.

— Он ранен! — закричали они. — Он ранен!

Кенийские офицеры за мной двинулись и открыли огонь все разом — стекло рухнуло. Со стволами их винтовок в дюймах от моей головы я подумал: шагну сейчас — получу в затылок.

Когда Recce прекратили огонь, как и в прошлый раз, началось празднование, и, как в прошлый раз, я хотел давить и вести вперёд в темноту.

— Пошли, пошли, погнали! — крикнул я, двигаясь к боевику.

Он выпал из прямой видимости, но хотя кровь хлестала из него и собиралась лужей на полу, он не сдался.

Мы прошли ярда два-три, когда он подбросил нам гранату и дал ещё одну очередь из АКА. Мы увернулись, и чёрт знает как нас не изорвало в клочья.

Зная, что он серьёзно ранен, но всё ещё опасен, я поставил двоих прикрывать коридор в его направлении, а сам с пятью другими обошёл обратно к кухне.

Было 9:15, когда мы вернулись к кухонной двери. Офицеры там сообщили, что первый боевик был ранен во время моей первой перестрелки — они видели, как мои выстрелы сбили его.

Мы начали медленно двигаться за угол, по коридору к позиции второго боевика. Фонари под стволами освещали стены в самом тёмном участке подвала.

На этот раз я был не первым, а пятым в «стопке». Заметил много крови на стене справа, стекающей на пол с горячей водой. Это подтверждало: мои выстрелы поразили первого террориста.

Затем мы остановились. Спереди офицеры крикнули два лучших слова, которые я слышал за семнадцать часов с момента прибытия в комплекс:

— Они мертвы!

ГЛАВА 26. ЗА КЕНИЮ

Пусть богомерзкой душе моей гореть в аду, если я пощажу вас или приму пощаду от вас.
— Эдвард «Чёрная Борода» Тич

Два тела лежали в нескольких футах друг от друга на плиточном полу, освещённые фонарями под стволами. Боевик, в которого мы попали раньше, видимо, сумел доползти к своему напарнику.

— Уверены, что мертвы? — крикнул я. — Убедитесь, что они не представляют угрозы и не могут активировать жилеты смертников.

На них была китайская сбруя, как у боевиков в спортзале, — в ней могла быть взрывчатка. Нельзя рисковать. Один из офицеров Recce вышел вперёд и подтвердил: двое террористов мертвы.

От боевиков «аш-Шабаб» осталась изуродованная масса — окровавленные головы и зияющие раны на ногах, руках и грудях. Один лежал в луже горячей воды, мозговое вещество и кровь растекались по полу. Другой — верхушкой черепа у коробки с газовым баллоном для кондиционера. На боку коробки значилось: «Больше преданности, больше сервиса, больше решений». Говорил на моём языке.

Как только стало ясно, что боевики мертвы, бойцы Recce начали подниматься из подвала в фойе отеля.

— Пошли, Крис, пора, — кричали они во весь голос, на адреналине. Но я ходил вокруг, фотографировал телефоном для генерального директора и в 10:02 отправил ему сообщение: все террористы нейтрализованы, отель зачищен.

Парни буквально тащили меня наружу. Все собрались в фойе, куда прибыло старшее командование GSU. Один из них обратился к бойцам на суахили, выдав заслуженную коллективную похвалу. Операция была успешной. Атаку на DusitD2 зачистили менее чем за день, тогда как Westgate длился четыре дня. С двадцатью одним убитым и двадцатью восемью ранеными потери были значительно ниже, чем шестьдесят семь убитых при Westgate. Более семисот человек были благополучно эвакуированы из комплекса.

Закончи речь, командир повернулся ко мне. На английском он сказал:

— Спасибо этому человеку за помощь нам всем. Я знаю, мои бойцы испытывают к вам и к британскому SAS только уважение. Мы ценим то, что вы для нас сделали.

Все начали хлопать и хлопать по спине. Командир пригласил меня сказать слово.

Я хотел передать восхищение бойцами, с которыми был наверху и в подвале. Это была командная работа, и отдельные люди действительно проявили себя.

— Ребята, абсолютная привилегия — работать с вами всю ночь, — сказал я. — Но помните одно: помните, что мы все сделали для Кении сегодня!

Им это понравилось, все радостно закричали и снова начали праздновать. Через несколько минут фойе пустело: Recce Squad массово выходили к машинам и покидали комплекс.

Несмотря на то что кенийцы считали инцидент завершённым, я не был уверен. В тот момент ко мне подошёл управляющий отелем со списком четырёх гостей, оставшихся неучтёнными. Обаятельный мужчина индийского происхождения, он выглядел крайне обеспокоенным. Я с удовольствием помог.

Сказал, что сделаю всё возможное, и прошёл по зданию этаж за этажом, заходя в каждый гостевой коридор и выкрикивая зов. Вернулся ни с чем. К тому времени он установил, в каких номерах жили четверо пропавших, и попросил проверить их индивидуально.

— Без проблем, — сказал я. Зная, что террористы нейтрализованы, но всё ещё беря оружие и ремень, я снял бронежилет для лёгкости и поднялся по служебной лестнице. Нашёл все четыре комнаты — двери открыты, никого. Эти люди позже были найдены живыми и невредимыми — выбрались раньше.

Когда я спустился в фойе, там заполнялись полицейские, сотрудники кенийского антитеррористического подразделения и агенты ФБР. Они прилетели откуда-то, чтобы помочь со сбором уликов и оценкой места преступления. Кенийские антитеррористы хотели, чтобы я показал, где тела. Я провёл их обратно наверх, на шестой этаж, где они осмотрели жуткую сцену в коридоре, затем вниз, в подвал. Но мочить ноги они не захотели, так что осмотрели всё «в общем» и вернулись наверх.

Я наконец начал расслабляться. Принял, что всё действительно кончилось. Чувствовал оцепенение — не контузию, а десенсибилизацию, как после боя.

Я вышел и сел на стену у входа в отель — подышать. Управляющий и его брат, тоже из команды управления, подошли поблагодарить ещё раз. Его сестра обняла меня.

— Спасибо огромное за то, что вы сделали, — сказала она. Затем спросила: — Почему вы это сделали?

Я дал лучший ответ: потому что просто думал — и надеялся, — что это правильно. Сказал семье, что если у них есть какие-либо вопросы о случившемся, могут звонить в любое время.

Один из руководства спросил про двери гостевых номеров. Использовали ли мы мастер-карту, которую им выслали наверх?

— Мастер-карту? — переспросил я в неверии. Первый раз слышу. Я сказал правду: — Нет, нет, нет, мы все двери выбили.

Он посмотрел в ужасе. Дважды повторил:

— Вы выбили двери?

— Боюсь, да.

Меня это не слишком заботило: мастер-карта облегчила бы вход, но мы зачищали целые этажи одновременно, и никто не собирался ждать карту. Так что поздно сожалеть.

Приближалось 13:00. Моя работа наконец была закончена. Прошло почти тридцать три часа с того момента, как я встал, чтобы поехать на стрельбище. Пора домой.

— Ну всё, ребята, — сказал я менеджерам, — я отправляюсь.

Я медленно вышел из комплекса, мимо конца отеля, мимо здания Arlington, вверх по подъездной дороге вдоль Hanover. Казалось, прошёл ледниковый период с тех пор, как я ворвался в подсобку кухни кафе Secret Garden.

Теперь всё место превратилось в улей полицейской активности — в большую зону преступления. Полицейские лентами огораживали участки,

судебные эксперты уже работали. Начался процесс фотографирования и выноса тел.

Земля перед кафе всё ещё была усеяна кусками тела Ризики. Я прошёл мимо его предплечья с кистью — в тридцати-сорока ярдах от того места, где он стоял, когда подорвал себя.

У здания Hanover группа полицейских охраняла огороженный участок с неразорвавшейся гранатой, которую предстояло обезвредить сапёрам.

У КПП толпились кенийские полицейские, несколько подошли пожать руку и поблагодарить. Один схватил меня за руку.

— Я видел вас здесь вчера. Я видел, что вы делали, — сказал он. — Большинство белых приезжают, спасают своих друзей и семьи и уезжают. А вы были здесь ради Кении. Спасибо.

Я поблагодарил за добрые слова — они много значили.

— Спасибо, брат. Сегодня вечером точно выпью «Таскер», — добавил я с улыбкой, имея в виду кенийское пиво.

Я прошёл по дороге мимо сгоревших машин и нашёл свой пикап. Бросил снаряжение на заднее сиденье, сел и закрыл дверь.

Тишина ударила — чувства были разбиты взрывами внутри зданий, и впервые я подумал: не повредил ли я слух.

Посидел секунду, наслаждаясь моментом покоя. Взглянул на часы: около 14:00. За двадцать два часа с момента, как я припарковался и начал зачистку офисов, парковки и отеля, моё вмешательство — с помощью множества храбрых людей — помогло сотням гражданских выбраться, а мы загнали в угол и убили четырёх боевиков «аш-Шабаб». Несомненно, многие выжили, кто иначе был бы зарезан.

За все годы в армии такого дня не было.

Я медленно сдал задом, проехал через полицейский кордон и выехал на главную дорогу. Там ещё стояли репортёры и фотографы, но, казалось, не обратили на меня внимания.

Отлично, подумал я и поехал домой.

ГЛАВА 27. ВРЕМЯ ВЫПИТЬ ЧАЙКУ

Рикки-Тикки имел полное право гордиться собой. Но он не возгордился и охранял тот сад, как подобает мангусту — зубом и прыжком, броском и укусом, пока ни одна кобра не осмеливалась показать голову внутри.
— Редьярд Киплинг, «Рикки-Тикки-Тави»

Я был дома в 14:30. Зашёл на подъездную дорожку, вытащил снаряжение и оружейную сумку.

Джуэл, моя домработница, уже ушла. Раздеваясь, я подумал, сможет ли она вывести кровавые пятна с моих хороших джинсов Armani.

Я принял душ, сделал чай и нажал «перемешать» в музыкальной библиотеке. Колонка ожила песней INXS «Searching». Хотя я люблю INXS, я никогда по-настоящему не слышал эту песню — и это было одно из тех волшебных мгновений, когда случайно выбранная композиция будто обращается к твоему моменту.

Я откинулся и наслаждался каждой секундой, потом включил ещё раз. Эмоции, которые я сдерживал, начали подниматься. Я был горд тем, что сделал, и впервые прокрутил в голове всё, что произошло за последние сутки.

Пока музыка играла, я включил телевизор. Sky News давали историю DusitD2 во всех подробностях. Много обсуждали «одинокого британского спецназовца», показывая кадры, где я в балаклаве на фоне комплекса.

Телефон начал разрываться от сообщений. Хотя пресса не знала, кто я, парни в SAS точно знали. Обычно ребята в полку тебя подкалывают за любое отступление от нормы. Но в этот раз тон был искренним.

Один старый друг написал: «Разговаривал с командиром эскадрона — он сказал, что начальство по-настоящему гордится. Всё это подняло национальный патриотизм и гордость за силы — особенно за 22-й — даже в соцсетях, по обе стороны океана». Он сказал, что меня уже называют в интернете «одиноким оператором», и посоветовал посмотреть соцсети, будет время. «Пусть звучит банально, но ты сделал невероятно отважное

дело, вдохновившее очень многих людей. Без сомнения, самая пацанская работа, которую я видел или слышал, и это мнение — всего полка. Скромен как есть — но насладись славой, брат. Кто рискует — побеждает!»

Тем вечером мы с друзьями пошли в итальянский ресторан рядом с домом. Вместо «Таскера» я взял бокал красного и тарелку пасты. За беседой пришло сообщение от военного советника министра обороны Великобритании: он предупреждал, что его начальник свяжется со мной и я должен держать телефон включённым. Вскоре после этого я получил звонок.

— Добрый день, господин министр, — сказал я, гадая, собираются ли меня отчитать или похвалить.

Ответ был сразу ясен.

— Рад говорить с вами, — сказал он. — От лица всей страны хочу сказать спасибо за то, что вы сделали. Действительно, выдающаяся работа.

Разговор длился минут тридцать. Он хотел услышать все детали — как я успел так быстро добраться. Я рассказал про фразу про президента полицейскому на блокпосте и предложил ему как-нибудь попробовать самому — сославшись на власть королевы. Объяснил, как мы зачищали, что произошло наверху и в подвале, как связался с генеральным директором.

Ночью я пытался отдохнуть, но не мог отключить мозг. Не спал нормально три дня. Трудно было вернуть систему с адреналинового пика. Подсознание перебирало опыт чего-то прожитого в почти гиперреальном смысле и тут же увиденного в медиа — кадрах и видео.

К утру меня забомбардировали сотнями сообщений от друзей. Присылали видео и кадры меня из прямых эфиров, мемы, летавшие по интернету. Признание было приятно, но трудно было примирить то, что я видел на телефоне, с собственной памятью о сделанном.

На следующий день после атаки я поехал в посольство США в Найроби.

Американцы попросили меня присутствовать на их брифинге безопасности. Прошли всё от А до Я. Кенийцы тоже были.

Слушая кенийских друзей, я видел, что они уже переписывают историю под себя — версию, которая покажет страну и их лично в максимально

позитивном свете. При этом у всех кенийцев были смехотворно расходящиеся версии.

Главное исключение — генеральный директор. Его на брифинге не было, но я встретился с ним позже, когда всё успокоилось. Он был восприимчив, поддерживал и был в теме, как и в тот день. Он понимал практические трудности, с которыми я столкнулся, и хотел услышать от меня, что и в каком порядке произошло.

Рассказывая, я снова заметил — по выражению удивления, мелькавшему на его лице, — что он слышал от меня то, что сильно отличалось от того, что докладывали подчинённые.

Я не чувствовал себя доносчиком. На мой взгляд, это была ценная возможность помочь кенийским силам и полиции извлечь уроки для следующей атаки. Также сказал, как впечатлён офицерами Recce, вызвавшимися в штурмовую группу на шестом этаже и в подвале. Отметил, что несколько участвовали в обеих операциях и продемонстрировали мастерство и дисциплину под огнём.

Проходя разные брифинги, я подумал: хотя это несомненно была успешная операция для кенийцев — и куда лучше, чем Westgate, — это был также несомненный успех «аш-Шабаб». В день атаки группировка официально взяла ответственность, назвав это «ответом» на решение президента Трампа признать Иерусалим столицей Израиля.

Какова бы ни была мотивация, они добились: Кения выглядела уязвимой в глазах мира. Глобальные заголовки подчеркнули, что у страны продолжается террористическая проблема — во вред туристической отрасли — и привлекли новое внимание к кампании «аш-Шабаб» против кенийской оккупации южного Сомали.

По дороге домой с брифинга в посольстве США мне позвонил сосед Антон — тот, что возвращался за дочерью из школы, когда я уезжал на Riverside Drive. Он сообщил, что вечером к заместителю верховного комиссара в наш комплекс приходят полицейские из Британии, США и Австралии. Не хочу ли присоединиться?

Их было около двадцати пяти, и лишь немногие знали, что я был в DusitD2. Это было к лучшему: по соображениям безопасности я всё равно не мог говорить об этом.

Когда сотрудница Верховной комиссии завела со мной разговор, она подняла атаку.

— Это было ужасно, да? — спросила она.

— О да, да, — ответил я.

— Вас как-то затронуло? Мы не могли попасть домой вчера — всё ещё продолжалось. Вы добрались нормально?

— Ну, я живу в этом комплексе, так что меня это не сильно затронуло, — ответил я, не моргнув глазом. Было забавно играть дурачка, и, признаюсь, чувствовалось довольно круто быть инкогнито в тот момент.

Но не всё было благополучно. Позже я услышал, что люди на вечеринке, знавшие о моём участии, говорили, что я выглядел немного отрешённым, и по состоянию глаз было очевидно, что я прошёл через довольно интенсивное испытание.

ГЛАВА 28. ПОВРЕЖДЁННЫЙ ТОВАР

Как пёс, он охотится во сне.
— Теннисон, «Локсли-холл»

В выходные после атаки я вылетел в Великобританию — врач в полку настоял проверить слух. Он беспокоился о громких и травматических звуковых воздействиях, которым я подвергся, и сообщил, что есть новое лечение для восстановления повреждений от автоматной стрельбы и взрывов гранат в помещениях.

Я отправился в медцентр на базе прямо с рейса из Найроби. Осмотрев, врач заключил, что моё левое ухо получило, по его словам, «сильнейшую взбучку». Он направил меня к подполковнику Ханне, консультанту в больнице Королевы Елизаветы в Бирмингеме, которая пришла меня оценить, хотя у неё должен был быть выходной. Она даже принесла мне обед, зная, что я не успел поесть. Проверив оба уха, она подтвердила: одно хорошее, другое нет.

— Мы введём иглу через барабанную перепонку и впрыснем стероиды в ваше ухо, — сказала она. — Но сделаем только одно.

Это было хитро, понял я потом: звучало так, будто ничего серьёзного. Инъекция была болезненной. Но хуже было потом. Стероиды были жидкими, и попав во внутреннее ухо, полностью сбили мне равновесие. Будто меня запустили в сушильный барабан. Вся комната вращалась во всех направлениях.

Через несколько секунд я больше не мог стоять. Лёг на пол и полностью сдался. Пытался ухватиться за мир, как при сильном опьянении. Я заснул — глубоко, и мне казалось, что события в DusitD2 наконец настигли меня.

Подполковник Ханна потом сказала, что было довольно тяжело видеть: я скулил во сне, как собака.

Каждый, кто проходит через подобное, должен заплатить долг телу и разуму. Кто-то годами, кто-то неделями. Это был отсроченный момент, когда горе, эмоциональная боль, осознание угрозы и опасности и даже усталость — всё нагнало разом. Я проснулся измотанным и знал, что восстанавливаюсь не только после потери равновесия.

Они хотели оставить меня на ночь, потому что меня несколько раз стошнило. Но я был полон решимости вернуться домой и спать в своей кровати. Водитель отвёз меня домой. Я сразу лёг и отсыпался.

В последующие месяцы я заметил, что слух стал хуже, но потом немного улучшился. Часто думал: почему я не пошёл за шлемом с защитой ушей к пикапу? Ответ: каждая секунда была на счету. Я мог бы потратить пару минут и сходить за снаряжением, но слишком был поглощён делом. И знал: даже малая задержка могла стоить кому-то жизни.

Находясь в Великобритании, я провёл отдельные брифинги: кадетам в Сандхёрсте, полиции и эскадрону SAS. С SAS обсуждали, как бы мы действовали, если бы развёрнулись как подразделение. Также вопрос разрешения: думал ли я получить авторизацию?

По моему мнению, решение было инстинктивным. Именно в этом суть сил специального назначения — игра с высокими ставками, высокими шансами и высокой наградой. Если бы всё пошло не так, было бы плохо для меня лично — сомнений нет. Но в тот момент я думал только позитивно. Я был: «Да, я могу это сделать».

Думаю, многие не сделали бы того, что я, потому что боялись бы последствий неавторизованного действия. Не того, что боялись бы броситься на помощь людям, а нервничали бы из-за того, что потом их притащат и накажут. Не ошибитесь: если бы операция провалилась, меня бы сделали козлом отпущения.

Мне нравится думать, что я выбрал «трудное правильное» вместо «лёгкого неправильного». Я мог бы легко колебаться, услышав о событиях в DusitD2, — никто бы меня не критиковал. Мог поехать на базу КДО и помочь им подготовиться. Или остаться у КПП, дожидаясь полицию и армию. Или сидеть дома и «мониторить ситуацию».

Это все «лёгкие неправильные» варианты. «Трудный правильный» — один: ввязаться и разобраться с последствиями позже, хорошими или плохими.

Мне кажется, пресса сыграла большую роль в том, как британские военные и дипломаты оценили мой вклад. Изначально, по моему пониманию, они были недовольны. Но как только пресса и соцсети провозгласили меня героем, им стало трудно спорить с подавляюще позитивной реакцией британской публики.

Через неделю в Великобритании я вернулся в Кению. За это время хорошо узнал комплекс DusitD2 — ездил туда на встречи. Конечно, понял: знай я

при атаке то, что узнал потом о планировке, всё было бы быстрее. Мы зачистили бы ещё быстрее.

Но даже тогда невозможно было бы остановить большую часть убийств и ранений. И легко забыть, что в тот момент мы не имели ни малейшего понятия, где террористы, каковы их намерения и где прячутся гражданские.

Я чувствовал — в целом — что мы с ребятами сделали лучшее, что

ГЛАВА 29. ОТ МУНИЦИПАЛЬНОГО ДОМА ДО БЕЛОГО ДОМА

Ни одно препятствие, ни один враг и ни одна опасность не могут преодолеть могучий дух и душу нашей нации.
— Президент Дональд Дж. Трамп¶

В ноябре 2019 года, через десять месяцев после атаки, я отправился в Вашингтон, чтобы провести брифинг для американских военных и разведсообщества о событиях в Найроби.

Пока я был в Вашингтоне, хозяева спросили, был ли я когда-нибудь в Белом доме. Конечно, нет. Предложили посетить — тур по 1600 Пенсильвания-авеню и соседнему исполнительному офису Эйзенхауэра. Я был рад возможности, но ничто не подготовило меня к тому, что произошло дальше.

Тусклый осенний день. Прибыв в США всего за день до того, я ещё чувствовал холод после жары Найроби. Во время тура выяснилось, что вице-президент Майк Пенс знает, что я в здании, и хочет встретиться. Следующее, что я помню, — меня представляют ему в его кабинете.

Мне пришлось ущипнуть себя не раз. Я стоял перед вице-президентом Соединённых Штатов — мальчишка из социального жилья на северо-востоке Англии в Белом доме. К счастью, я был одет по случаю: тёмно-синий костюм, полковой галстук и шёлковый платок в кармане. Волосы причесаны... ну, более-менее.

Затем меня представили послу Роберту О'Брайену, советнику по нацбезопасности. О'Брайен продемонстрировал глубокое знание «аш-Шабаб» и провёл мне дебрифинг о атаке почти так же, как мой эскадрон несколькими месяцами ранее. Казалось, он был заинтригован. Много спрашивал: как произошло, что я делал в разные моменты, что мог бы сделать лучше и какие уроки извлёк.

Мы обсуждали проблему работы с местными силами безопасности в месте вроде Найроби, когда О'Брайен повернулся и сказал:

— О, вы уже познакомились с ПОТИУСОМ?

— Э-э... нет, ещё нет, — ответил я.

— Тогда идёмте, Крис, я знаю, он хотел бы с вами встретиться.

Я последовал за О'Брайеном по коридору в большой приёмный зал — который, клянусь, я только после встречи осознал, что это Овальный кабинет. Мы прошли через него к кабинету-покойной по сторону, и когда дверь открылась, я услышал голос самого могущественного человека в мире.

О'Брайен вошёл первым. Обернулся:

— Заходите, заходите, Крис.

Я вошёл в личный кабинет Дональда Трампа и услышал, как О'Брайен представляет меня: президент поднялся из-за стола. Также присутствовал Каш Пател — тогда старший директор Контртеррористического директората.

Трамп подошёл с крепким рукопожатием. Я отметил электрически-синий костюм, флажок «звёзды и полосы» на лацкане и фирменную причёску. Человек был огромный. Напоминал второго ряда в регби — с присутствием, заполнявшим комнату. Из тех, кого видишь в баре регбийного клуба: доминирует в разговоре, а окружающие смотрят с трепетом.

Первые слова из его уст:

— Спасибо за спасение американских жизней. Мы все очень гордимся вами. Вы герой, легенда, я слышал. И именно так о вас говорят.

— Нет, ну... господин президент... я просто...

— Вам стоит как-нибудь поработать на меня, — добавил Трамп с широкой улыбкой.

Я сказал, что, если он будет неосторожен, я, может быть, воспользуюсь этим предложением, и мы засмеялись вместе.

Как обычно, я пытался всё преуменьшить, но президент и слышать об этом не хотел. Меня поразило, как он был обаятелен. Он начал рассказывать о текущих делах и решениях, которые принял, затем спросил моё мнение, и я ответил честно и по делу. Я понял в тот момент: он не только великий лидер, но и великий человек. Скоро пришло время уходить, но откуда-то я решил сделать заключительное заявление президенту и его команде. Пока что сказанное мной останется неназванным, но я верю, что оно попало в цель и было сказано с той грубой честностью, которой требовало.

Перед уходом мы стояли вместе и позировали официальному фотографу Белого дома. Трамп показал большой палец вверх и сиял рядом. Я стоял со сцепленными руками, улыбка морщила лицо. Помню: подумал о первых днях в кадетах. В самых диких мечтах не представлял, что карьера в армии приведёт меня во внутреннее святилище Белого дома.

Перед уходом я подарил президенту подарок.

— Сэр, — сказал я, — от имени бойцов SAS хотел бы поблагодарить вас за всю поддержку, которую американские военные оказывают нашему подразделению.

И протянул ему полковую монету SAS.

Когда начальники в британских военных ведомствах и Форин-офисе узнали, где я был, они были крайне недовольны. Видимо, они не были поклонниками президента, и заявили, что я нарушил протокол, посетив его без предварительного согласования. Один офицер SAS, за которого у меня не было ни грамма уважения, даже сказал, что я подорвал репутацию SAS, армии и страны. Но меня это не волновало. Я знал, что это был полностью позитивный опыт — не только для меня, но, несмотря на то что говорили начальники, — и для репутации британских вооружённых сил.

ГЛАВА 30. ЗАЧИЩЕНО И БЕЗОПАСНО

Как бы много тьмы ни приносили люди в этот мир, другие могут искоренить её одним поразительным поступком.
— Мейли Чапин, «Девочка с теракта»

Моя работа в Найроби закончилась в декабре 2019 года — на год раньше ожидаемого. После того как меня наградили Крестом выдающейся доблести и новость об этом просочилась в прессу, старшие офицеры в полку решили, что освещение сделало меня слишком заметным, чтобы оставаться в Кении и действовать — так сказать — ниже радара.

В последний день в стране я посетил комплекс DusitD2 в последний раз.

По пути в отель я заметил, что кафе Secret Garden снова работает. Должен сказать, меня это слегка удивило. Обычно меня такие вещи не отталкивают, но я знаю, что не хотел бы сидеть в том кафе на тех самых местах, где людей убили меньше года назад. Это не было бы правильным.

Я остановился на минуту-две у памятника погибшим, открытого месяцами ранее в DusitD2. Одинокий камень стоял на возвышении, с вырезанным на нём изображением дерева. Надпись: «В память о тех, кого забрали у нас на 14 Riverside 15 января 2019. В их честь мы стоим крепко».

Я уехал из страны за несколько недель до того, как число жертв атаки увеличилось на одного — с двадцати одного до двадцати двух, — с кончиной пятидесятидвухлетней Ноэль Кидализы.

Она была медсестрой в DusitD2. В неё выстрелили пять раз — дважды в плечо и трижды в живот — после того, как она вернулась в отель, чтобы быть с пациентом. Ей не повезло наткнуться прямо на одного из боевиков. Она боролась с ранами почти год.

— Моя жена была женщиной твёрдой, — сказал её муж Кисанья Кидализа. — Она любила свою семью; она была женщиной, отдавшей жизнь семье.

Я получил много сердечных сообщений благодарности за Кению, но одно я всегда буду беречь — от Мейли Чапин, молодой американки из номера 316. Я не смог вывести её к безопасности, но она была благодарна за работу,

которую я проделал, устранив людей, пришедших убивать таких, как она. Я встретил её и её нового мужа во время поездки в США в ноябре 2019 года.

«Мне так хотелось написать вам письмо, рассказать, как я благодарна за то, что вы сделали в Найроби, — писала она. — Но это трудно, потому что я никогда не найду слов, которые могут адекватно выразить, насколько я по-настоящему благодарна. Поэтому вместо этого я хочу рассказать обо всём, что вы вернули мне, когда спасли мне жизнь в тот день.

Вы вернули мне моих родителей, которые живут в маленьком городе и отдали бы всё, чтобы вытащить дочь из того отеля. Вы вернули мне младшего брата, которому девятнадцать, он второкурсник, и чья жизнь перевернулась бы, если бы сестру убили в отеле в Кении. Вместо этого он помогает мне с проектом по расширению доступа к лечению ПТСР для большего числа людей, быстрее.

Вы вернули мне моего мужа, которого вы уже встречали и знаете, какой он замечательный. Чего вы можете не знать: когда я была в ловушке в отеле и думала, что умру, моим главным сожалением было то, что я никогда не выйду за него замуж. Но благодаря вам, благодаря вашей храбрости и готовности рискнуть жизнью для незнакомцев, мы поженились в августе».

И услышал я голос Господа, говорящего: «Кого Мне послать? И кто пойдёт для Нас?» И сказал я: «Вот я, пошли меня!»
— Исаия 6:8

ЭПИЛОГ

Я прослужил двадцать восемь лет в британской армии, включая семнадцать оперативных командировок за рубеж.

Было много взлётов и падений — не в последнюю очередь пулевое ранение в руку от снайпера, — но, пока я пишу это, я подхожу к концу карьеры в британских вооружённых силах и готов начать новую жизнь в США.

Уход — большой шаг для любого ветерана долгой военной карьеры. Для меня — мальчика, который с раннего возраста мечтал ни о чём, кроме как стать солдатом, — особенно.

Я был горд служить в Парашютном полку, в Взводе следопытов, а затем — более всего — в 22 SAS, что стало воплощением всех моих надежд и мечтаний.

Но я покинул армию со смешанными чувствами. В жизни на службе есть моменты, которые всех нас раздражают, и, как многие британские солдаты, я был разочарован масштабом сокращений оборонного бюджета в последние годы. Сегодняшняя похудевшая армия неузнаваема по сравнению с той, в которую я вступил в начале 1990-х.

С другой стороны, годы в армии дали мне возможности, которых у меня никогда не было бы, не вступи я в неё. Достаточно вспомнить мастерство высотных парашютных прыжков, шанс обучать бойцов спецназа технике освобождения заложников или работу с иностранными силами безопасности в их борьбе с терроризмом.

Несмотря на недостатки, армия остаётся хорошей средой для людей из любых слоёв — продвинуться и освоить полезные навыки.

Поскольку я интенсивный перфекционист, склонный к ворчанию, я иногда оглядываюсь и злюсь, что не всё шло по-моему.

Но тут на сцену выходит Кения. Мне почти кажется, что я готовился к тому дню в Найроби всю жизнь. Весь опыт, накопленный за годы, — не только об обращении с врагом, но и с жертвами, — вырвался наружу в операции без официального санкционирования.

Это дало мне совершенно новую перспективу на мою карьеру. Теперь я оглядываюсь на то, что пошло не так, и понимаю: не будь этих неудач, я не

смог бы исполнить своё предназначение в тот день в Восточной Африке. Я горжусь тем, чего достиг там.

Кения дала мне закрытие главы моей жизни.

Я никогда не забуду 15 и 16 января 2019 года. Я думаю о них каждый день, и каждый день благодарю, что был там и смог помочь.

Когда я был мальчиком, меня вдохновляли приключения бойцов SAS. Надеюсь, моя история вдохновит новые поколения делать правильное и напомнит им: кто рискует — побеждает.